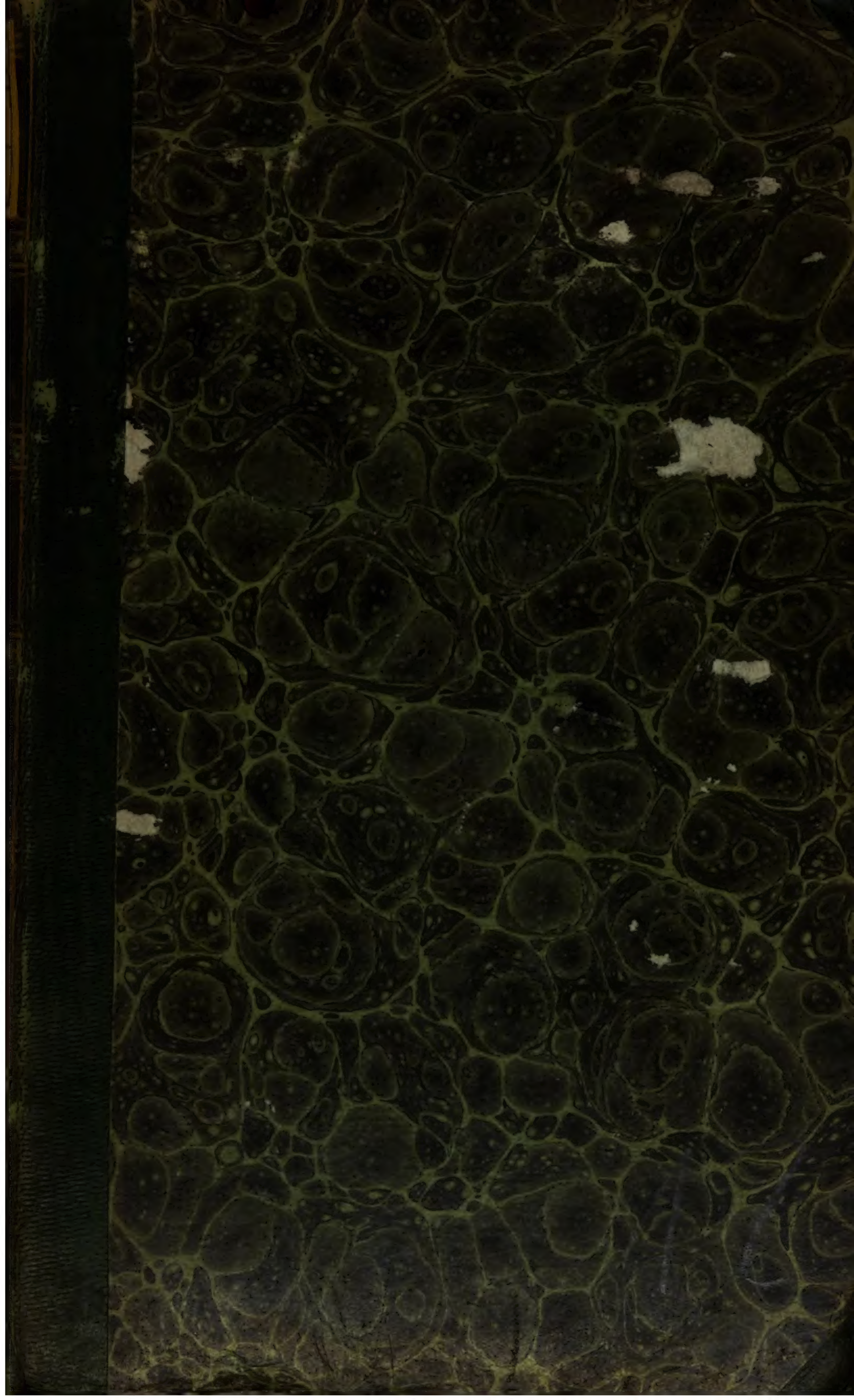

~~27 771~~
~~y~~

P. o. num. 64 v
(1)

30

<36609365770014

<36609365770014

Bayer. Staatsbibliothek

S

12

THE HISTORY OF THE

ROYAL NAVY

FROM 1603 TO 1703

BY JAMES OUSELEY

TWO VOLUMES

LONDON: PRINTED BY J. JOHNSON, ST. PAULS CHURCH-YARD, 1793.

13342

2

УЧЕБНАЯ КНИГА
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ПРОЗА.

~~~~~  
ЧАСТЬ I<sup>я</sup>.  
~~~~~


2. ВЕРНАЯ КНИГА

ПРАВОСЛАВНОГО ЦЕРКОВНОГО

ОТДѢЛЕНІЯ ИСТОРИИ

ПРОС.

ЧАСТЬ I.

У У Ч Е Б Н А Я К Н И Г А
Р У С С К О Й
С Л О В Е С Н О С Т И ,

И Л И

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА

ИЗЪ

РУССКИХЪ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

КРАТКИХЪ ПРАВИЛЪ РИТОРИКИ И ПІИТИКИ

И

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАННЫЯ

Николаемъ Гречемъ.

Второе, исправленное изданіе.

Часть I.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ѣ ,
въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома.

1 8 3 0 .

Грес^v

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 28 Октября 1829 года.

Ценсоръ О. СЕНКОВСКІЙ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О. С.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Издаваемая нынѣ *Учебная книга Русской Словесности, или Избранныя Мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ*, можетъ быть употребляема не въ Университетахъ, Академіяхъ или другихъ высшихъ Училищахъ, а преимущественно въ заведеніяхъ среднихъ: Гимназіяхъ, Уѣздныхъ Училищахъ, Пансіонахъ, Институтахъ Военныхъ, Горныхъ, Коммерческихъ, Медицинскихъ, равно какъ и для воспитанія женскаго пола учреждений, и вообще во всѣхъ мѣхъ, въ коихъ Краснорѣчіе и Поэзія не составляютъ главнаго предмета обученія. Книга сія не есть полный, окончательный курсъ Литературы: она заключаетъ въ себѣ краткое только руководство къ Словесности, необходимое для всякаго благовоспитаннаго человѣка, какого бы онъ званія ни былъ.

Она состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣленій: Прозы и Поэзіи; въ каждомъ изъ сихъ отдѣленій находятся правила и примѣры.

Правила Риторики и Пінтики почерпнуты изъ сочиненій Эшенбурга, Гейнзіуса и Рейнбека, и дополнены замѣчаніями, извлеченными изъ твореній знаменнѣйшихъ Писателей опечиственныхъ. Стопосложеніе написано по теоріи Г. Воспокова (*Опытъ о Русскомъ стопосложеніи* С. П. б. 1817). — Чипашели найдутъ въ изложеніи каждой изъ сихъ Наукъ особую методу: въ Риторикѣ болѣе правилъ, болѣе практическихъ наставленій къ надлежащему употребленію языка не въ одномъ Краснорѣчіи, но и въ дѣлахъ обыкновенной жизни; въ Пінтикѣ болѣе примѣровъ, болѣе, такъ сказать, историческихъ свѣдѣній. Прозою писать обязанъ всякій гражданинъ, всякій человѣкъ воспитанный: ему говорю я: *пиши такъ!* О Поэзіи доспапочно имѣть ему хорошее свѣдѣніе теоретическое: довольно знать, что *такъ пишутъ*. Вирочемъ человѣкъ съ талантомъ и въ сей крапкой Пінтикѣ можетъ найти довольно уроковъ, и приготошиться къ дальнѣйшему пути.

При выборѣ *примѣровъ* руководствовался я спржайшею осмощительностію, особенно въ отношеніи къ нравственному ихъ содержанію, спараясь, что въ нихъ не вкралось ни одной неосторожной мысли, ни одного дву-

смысленнаго выраженія. Въ сихъ избранныхъ мѣстахъ опшюдь не должно искать *вспѣхъ* образцовыхъ Русскихъ произведеній: это не Пантеонъ Литературы, въ которомъ представлены всѣ классическія произведенія Словесности: здѣсь приведены только примѣры для поясненія изложенныхъ выше правилъ, примѣры, заключающіе въ себѣ въ то же время полезныя истины, нравственные уроки, воспоминанія историческія и другіе подобныя предметы, могущіе украсить не одну память, но равномерно умъ и сердце учащихся. . . .

Краткая Исторія Русской Литературы, копіюрая будепъ помѣщена въ четвертомъ томѣ, написана также не для Ученыхъ или готовящихся вснупишь въ сіе званіе, но единственно въ пользу молодыхъ любителей Словесности отечественной.

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ семь новомъ изданіи исправлены замѣченныя ошибки и неисправности перваго; въ немногихъ мѣстахъ теоретической части сдѣланы измѣненія и прибавленія; нѣкоторые примѣры исключены, и замѣнены другими, которые казались Издателю сообразнѣйшими съ предположенною цѣлію; но *цѣлое* вообще сохранило прежній видъ, въ которомъ оно, при первомъ изданіи, удостоилось лестнаго вниманія и одобренія общественнои публики.

Н. Гр.

КРАТКІЯ ПРАВИЛА РИТОРИКИ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Человѣкъ, употребляя даръ слова, можетъ имѣть одну изъ слѣдующихъ цѣлей:

- 1) Сообщать другимъ свои мысли,
- 2) Управлять ихъ волею или дѣяніями, и
- 3) Дѣйствовать на ихъ чувство и воображеніе.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ языкъ его есть *Проза*, въ послѣднемъ *Поэзія*.

§ 2. Предметами существенными, истинными занимается Проза; Поэзія присовокупляетъ къ тому вымыслы и картины воображенія. Основаніемъ Прозы служатъ преимущественно мысли, а Поэзія имѣетъ надобность и въ чувствованіяхъ.

§ 3. Правила писанія Прозою заключаются въ *Риторикѣ*. Въ *Піитикѣ* излагаются правила Поэзіи, или Стихотворства. Риторика и Піитика раздѣляются каждая на двѣ части: въ первой части предлагаются общія правила сочинять прозою и стихами, а въ послѣдней разсмашиваются свойства разныхъ родовъ прозаическихъ и піитическихъ произведеній, съ приложеніемъ къ онымъ вышеприведенныхъ общихъ правилъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общія правила Риторикк.

Предварительныя понятія.

§ 4. *Риторика* заключаетъ въ себѣ правила излагать изустно или на письмѣ мысли свои, сообразно съ предположенною цѣлю. Цѣль сія, какъ видно изъ § 1, можетъ быть двойкая, теоретическая и практическая: въ первомъ случаѣ имѣемъ намѣреніе дѣйствовать только на умъ человека, въ послѣднемъ и на волю его. Отъ сего происходитъ раздѣленіе Прозы на низшую и высшую. Первая служитъ только для сообщенія другимъ нашихъ мыслей; послѣдняя, называемая иначе *языкомъ Краснорѣчія*, составляетъ переходъ отъ собственной Прозы къ Поэзіи; ибо употребляетъ, для достиженія цѣли своей, всѣ средства, дѣйствуя на мысли, волю и воображеніе. Въ какомъ случаѣ употребляется каждая, показано будетъ въ послѣдствіи.

§ 5. Во всякомъ сочиненіи должно различать *предметъ* и *форму*, или наружный видъ. Первая часть Риторикк раздѣляется, по сей причинѣ, слѣдующимъ образомъ:

I. О *предметѣ* сочиненія, то есть:

- 1) Объ *изобрѣтеніи* или выборѣ предмета, и приисканіи для онаго матеріаловъ, и
- 2) О *расположеніи* матеріаловъ.

II. О *формѣ*, или наружномъ видѣ сочиненія, по теснѣ:

- 1) О выраженіи мыслей на бумагѣ или о *слогѣ*, и
- 2) О выраженіи мыслей рѣчью или о *Декламаци* и *Мимикѣ*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О предметѣ или содержаніи сочиненія.

I. Объ изобрѣтеніи или выборѣ.

§ 6. Предметъ сочиненія избирается самимъ пишущимъ или предлагається ему другимъ: въ обоихъ случаяхъ, для пріисканія приличныхъ къ изображенію его матеріаловъ, необходимо *собственное размышленіе*.

§ 7. Для успешнаго размышленія о предложенномъ предметѣ, полезно наблюдать слѣдующія правила:

- 1) Представивъ въ умѣ своемъ предметъ, о которомъ идетъ дѣло, столь можно яснѣе и очевиднѣе.
- 2) Заниматься сямъ предметомъ исключительно, и обдумывать оный съ терпѣніемъ, всячески преодолевая слабость или упрямство своихъ способностей. Вирочемъ должно предаваться влеченію мыслей своихъ съ нѣкоторою смѣлостію, и не пугаться при первой неудачѣ.

3) Приготовившись къ размышленію чтеніемъ, но съ осторожностію, чтобъ рабски не повторяли чужихъ мыслей.

§ 8. Дальнѣйшія правила *размышлять* предлагаются въ *Логикѣ*, но вообще въ пріискиваніи матеріаловъ надлежитъ сообразоваться съ предметомъ и цѣлію сочиненія. При сочиненіи прозою, цѣль наша можетъ быть четырехъ родовъ:

- 1) Мы рассказываемъ какое либо происшествіе: *повѣствованіе*.
- 2) Изображаемъ существующій предметъ; *описаніе*.
- 3) Наспавляемъ другихъ, т. е. поясняемъ теоретическую истину, или внушаемъ практическую: *поученіе*.
- 4) Побуждаемъ другихъ къ дѣятельности; *убѣжденіе*.

Посему и предметы размышленія (или *темы*) бываютъ: *повѣствовательныя, описательныя, поучительныя и убѣдительныя*.

1. ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

§ 9. Главною цѣлію повѣствованія есть сообщеніе читателю или слушателю свѣдѣнія о *происшествіи*, случившемся въ физическомъ или нравственномъ мірѣ. Происшествіе сіе можетъ быть *простое* или *сложное*, т. е. состоящее изъ двухъ или болѣе происшествій. Въ последнемъ случаѣ нужно ясное раздѣленіе оныхъ.

§ 10. Для успѣшнаго описанія какого либо происшествія, должно къ тому приготовить собраніемъ объ ономъ свѣдѣній изъ достовѣрныхъ

шихъ или ближайшихъ источниковъ, т. е. изъ показаній очевидныхъ свидѣтелей (если нельзя увѣриться въ томъ собственнымъ наблюденіемъ), изъ твореній современныхъ, безпристрастныхъ и свѣдущихъ Писателей и пр. Въ случаѣ недостатка очевидныхъ свидѣтелей, можно заимствовать свѣдѣнія у тѣхъ, которые могли получить оныя отъ свидѣтелей, изъ сужденій позднѣйшихъ, но безпристрастныхъ Писателей и пр. Поясненію источниковъ учить *Историческая Критика*.

§ 11. При собственномъ размысленіи о простомъ или сложномъ происшествіи въ *нравственномъ* мірѣ, должно принимать въ разсужденіе слѣдующее:

- 1) *Происхожденіе и поводъ*. Время, мѣсто, лица, (Главные лица, постороннія; взаимныя ихъ отношенія.)
- 2) *Причины и побуждательныя силы* — истинныя и ложныя, — внутреннія и наружныя.
- 3) *Цѣль и намѣреніе* дѣйствующихъ лицъ. Средства, употребленныя ими. Препятствія и затрудненія.
- 4) *Достоинство и важность* происшествія. Впечатлѣніе, произведенное онымъ вообще.
- 5) *Сужденіе* современниковъ и потомства.
- 6) *Самое совершеніе* происшествія.
- 7) *Послѣдствія* оного и *вліяніе* на дѣйствовавшихъ и на постороннихъ, на современниковъ и потомство — ложныя и истинныя.

Такое происшествіе можетъ быть описано :

- 1) Въ отношеніи собственно *историческомъ*, для сообщенія онаго другимъ;
- 2) Въ особенныхъ отношеніяхъ:
 - а) Къ *Религіи*: для прославленія величія и премудрости Божіихъ;
 - б) Къ *правствениости*: для возбужденія похвальныхъ чувствованій, для показанія намъ послѣдствія дѣлъ нашихъ, и побужденія къ добрымъ намѣреніямъ, для утѣшенія, ободренія, поощренія къ подражанію и пр.;
 - с) Къ *разуму*: для наученія о теченіи дѣлъ въ мірѣ семъ, объ истинномъ достоинствѣ вещей и пр.

Въ примѣръ повѣствованія о происшествіи въ правствениомъ мірѣ, разберемъ помѣщенный ниже, въ опдѣленіи Исторіи, отрывокъ Карамзина: *О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича*. 1) *Происхожденіе и поводъ*. Время: 1648 годъ. Мѣсто: Москва. Главныя лица: Царь Алексѣй Михайловичъ, Бояринъ Морозовъ, Милославскій; поспорошнія: Чистовъ, Плещеевъ, Троханіошовъ, Князь Одоевскій, Лыковъ, Бояринъ Романовъ-Юрьевъ. 2) *Причины мятежа*. Внутреннія: молодость Государя, довѣренность его къ Морозову, характеръ сего Министра, поступки Милославскаго. Наружныя: подати, лихоимство Плещеева, припѣсненія Троханіошова, неумѣстное самоуправство чиновниковъ, малодушіе и пошворство Правительства. 3) *Намѣреніе, средства и цѣль* мятежниковъ. Первоначальныя: доставить себѣ правосудіе просьбою; послѣдующія: наказати своихъ принѣсшихъ. *Препятствія*: слова Морозова, собраніе войска иностран-

наго, увѣщаніе Боярина Романова. 4) *Важность* происшествія, по рѣдкости подобныхъ въ Россіи, особенно по кроткому праву Государя. 5) *Сужденіе современниковъ и потомства*. Согласное мнѣніе иностранцевъ, жившихъ тогда въ Москвѣ, что народъ побужденъ былъ къ тому злоупотребленіемъ власти. 6) *Совершеніе* происшествія. Просьба гражданъ при возвращеніи Царя изъ Монастыря Срѣтенскаго; объщаніе его. Местъ чиновниковъ. Начало мятежа. Разграбленіе дому Морозова и другихъ; умерщвленіе Чистова; вступленіе въ Кремль иностранныхъ войскъ; посредничество Романова - Юрьева. Объявленіе требованій народа. Казнь Плещеева и Троханіонова. Пожаръ. Объясненіе Государя съ народомъ. Прощеніе Морозова. 7) *Послѣдствія* происшествія: на дѣйствовавшихъ: исправленіе Милославскаго и Морозова, опредѣленіе честныхъ чиновниковъ; на постороннихъ: бунтъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ. — *Приложеніе собственно историческое*: польза описанія подобныхъ случаевъ; *умственное и нравственное*: пагубныя слѣдствія несправедливости, приписанія и безпечности; вредность слабости и потворства при неистовствахъ черни и ш. д. —

§ 12. При описаніи происшествія въ *физическомъ* мѣрѣ принимаемъ въ разсужденіе:

- 1) *Происхожденіе*: время, мѣсто, предметъ.
- 2) *Причины* — наружныя, внутреннія.
- 3) *Важность* происшествія.
- 4) *Сужденіе* свѣдущихъ людей.
- 5) *Впечатлѣніе*, произведенное симъ происшествіемъ на свидѣтелей или вообще на людей.
- 6) *Окончаніе* происшествія, и
- 7) *Слѣдствія* и вліяніе онаго — общія и частныя.

Пронсшествіе сіе можетъ быть описано также:

- 1) Въ отношеніи собственно *историческомъ*,
- 2) Въ особенныхъ отношеніяхъ:
 - а) Къ *Религіи*, для прославленія величія и премудрости Божіихъ;
 - б) Къ *правствениости*: для ободренія, утѣшенія, возбужденія челоуколюбія;
 - в) Къ *разуму*: для поясненія силъ природы, для опроверженія ложныхъ понятій и предразсудковъ и пр.

Въ примѣръ описанія проишествія въ физическомъ мірѣ, возьмемъ изображеніе *Черной Смерти* изъ VI Тома *Исторіи Россійскаго Государства*. 1) *Происхожденіе*. Время: половина XIV столѣтія. Мѣсто: почти вся Азія и Европа; для насъ въ особенности Россія; *предметъ*: моровое повѣтріе; описаніе признаковъ онаго. 2) *Причины*. Начало язвы въ Китаѣ; перевезеніе заразы изъ Скандинавіи или Германіи въ Новгородъ. 3) *Важность*. Исобычайное и скорое истребленіе людей, которому никогда не было подобнаго. 4) *Сужденіе*. Замѣчаніе, что болѣе мерло молодыхъ людей нежели старыхъ. 5) *Впечатленіе* на людей: общій ужасъ, отчужденіе другъ отъ друга, оставленіе свѣта, прибѣжище къ Богу. 6) *Преображеніе* оной мало по малу въ 1356 году. 7) *Слѣдствія*. Опустошеніе многихъ городовъ и земель; необыкновенное послѣ того размноженіе рода челоуческаго. *Приложеніе*. Неисповѣдимость Божія Промысла; утѣреніе людей въ щестѣ благъ земныхъ, Утѣшенія Религіи.

2. ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

§ 13. *Цль* описанія есть изображеніе предстоящей вещи, для сообщенія другимъ яснаго о

ней понятія или для отличенія оной отъ подобныхъ. Описывать предметъ значитъ изображать его видъ и сношенія съ другими предметами.

§ 14. Предметы описанія могутъ быть *внѣшніе* и *внутренніе*. Къ первымъ принадлежатъ произведенія Природы, Искусства или того и другаго вмѣстѣ, къ послѣднимъ различныя состоянія души человѣческой.

§ 15. Если хотимъ сообщить *полное* понятіе о предметѣ, то должны преимущественно стараться объ отличеніи *существенныхъ* его признаковъ отъ *случайныхъ*; если же хотимъ только представить оный, такъ, чѣмъ можно было отличить его отъ другихъ, ему подобныхъ, то именуемо исчислять всѣ *существенныя* признаки, а можно принимать и *случайныя*, когда они только служатъ къ точнѣйшему его изображенію. Вообще при описаніяхъ можно руководствоваться правилами, предложенными для повѣствованій.

Въ примѣръ присканія матеріаловъ для описанія, можно взять нѣкоторыя статьи, помѣщенные въ отдѣленіи сей книги подъ заглавіемъ: *Описанія*.

3. ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

§ 16. *Цель* наставленія, или поученія, есть *поясненіе истины теоретической* или *внушеніе истины практической*. Истина теоретическая относится къ уму, практическая къ воли человека.

§ 17. Къ размышленію, для поясненія какой либо истины, должно пригнотовишься воспоминаніемъ о происшествіяхъ и опытахъ, имѣющихъ съ нею сношеніе, пріисканіемъ предметовъ подобныхъ, повтореніемъ того, что усѣли мы замѣнить при преподаваніи или чтеніи, разсмотрѣніемъ запаса собственныхъ мыслей, и живымъ представленіемъ сей истины въ воображеніи нашемъ.

§ 18. При размышленіи надлежитъ принимать въ разсужденіе различную цѣль поученія; ибо въ каждой, теоретической и практической, есть особенныя средства для пріисканія матеріаловъ.

А. Теоретическія истины.

§ 19. *Пояснить теоретическую истину* значитъ способствовать уразумѣнію оной, представляя оную въ ясномъ для другаго видѣ. При поясненіи теоретической истины можно имѣть цѣлю: раскрытіе или развитіе понятія; сообщеніе полного объ истинѣ наставленія; доказательство истины; опроверженіе понятій ложныхъ, и разсмотрѣніе или теоретическое приложеніе истины.

§ 20. *Развитіе понятія* есть показаніе или объясненіе существенныхъ его признаковъ. Сіе производится извлеченіемъ частныхъ понятій изъ цѣлаго и поясненіемъ оныхъ: *аналитически*; или же переходомъ отъ частныхъ понятій къ общимъ: *синтетически*. — При аналитическомъ развитіи основаніемъ служить опредѣленіе или

дефиниція предмета: опть общего переходимъ къ частному; при синтетическомъ же, какъ сказано, отъ частныхъ понятій переходимъ къ общимъ, и изъ разныхъ существенныхъ признаковъ составляемъ предметъ.

Изберемъ, для аналитическаго раскрытія, слѣдующее понятіе: *Исторія есть поугительное, связанное повѣствованіе объ истинныхъ и достопамятныхъ происшествіяхъ: повѣствованіе, слѣдственно не описаніе, различіе того и другаго; поугительное, слѣдственно не бесполезное, не забавное; польза Исторіи для разныхъ Наукъ, и для человѣка вообще; истинныхъ, отличіе отъ романа, басни, сказки — историческая Кришика; достопамятныхъ, — не все, что случилось въ свѣтѣ, должно быть внесено въ Исторію; что къ ней принадлежитъ? связанное, слѣдственно не отдѣльный наборъ анекдотовъ, отрывковъ и т. п.; обращеніе вниманія на причины и слѣдствія. — Синтетическое раскрытіе: человѣкъ стремится къ отличіямъ, вездѣ ищетъ почестей, и въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ — тщеславіе; человѣкъ говоритъ о справедливости и правосудіи, доволенъ нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ, о другихъ сожалеетъ — совѣсть. — Всѣ люди имѣютъ отъ природы нѣкоторыя способности; опья должно образовать соотвѣтственно назначенію каждаго человѣка — воспитаніе.*

§ 21. При полномъ, или совершенномъ представленіи въ теоретической истинѣ имѣемъ цѣлю представити оную во всѣхъ ея отношеніяхъ, и тѣмъ способствовать точнѣйшему оной познанію. При семъ надлежитъ:

1) Пояснить главное понятіе (опредѣленіе);

- 2) Определить, что въ немъ существенно, и что случайно;
- 3) Пріискать подобныя, пояснительныя понятія;
- 4) Опровергнуть понятія ложныя;
- 5) Привести свидѣтельства и примѣры.

Въ примѣръ полного наставленія, приведемъ разборъ слова и понятія: просвѣщеніе. 1) *Поясненіе главнаго понятія*: что есть свѣтъ и мракъ? Поясненіе мрака. Просвѣщеніе, воспитаніе, образованіе, ученіе, ученость. 2) *Существенныя и случайныя свойства*: при просвѣщеніи главное дѣло состоитъ въ ясныхъ и точныхъ понятіяхъ о общепользыхъ предметахъ. Искусство изъяснять свои мысли о нихъ и знаніе сношеній свѣтскихъ суть свойства случайныя; при добродѣтели помышленія суть свойства существенныя, дѣянія случайныя. 3) *Подобныя пояснительныя понятія*: просвѣщеніе то же для ума, что нравственность для совѣсти. 4) *Опроверженіе ложныхъ мнѣній*: что есть мнимое или ложное просвѣщеніе? Безвѣріе, легкомысліе, поверхностныя знанія. 5) *Примѣры и свидѣтельства*: о вредѣ ложнаго просвѣщенія свидѣтельствуеетъ гибель многихъ людей и даже цѣлыхъ Государствъ. Легко можно также найти въ Исторіи доводы о важныхъ пользахъ истиннаго просвѣщенія. Приведеніе мнѣній разныхъ знаменитыхъ Писателей.

§ 22. Доказывать теоретическую истину значить приводить вполнѣ всѣ доводы ойой. При семъ принимаются въ разсужденіе:

- 1) Свидѣтельство собственнаго чувства;
- 2) Общее чувство истины;
- 3) Опыты, подобія;
- 4) Заключенія, выведенныя изъ другихъ истинъ;

- 5) Несовмѣстность сомнѣнія;
- 6) Заключенія, выведенныя изъ противнаго;
- 7) Свидѣтельства;
- 8) Польза сей истины.

Примѣръ приложенія сего порядка въ доказательствѣ
миѣнія: *Воспитаніе есть благодѣяніе для человека:*

1) *Свидѣтельство собственнаго чувства.* Мы ощущаемъ въ себѣ необходимость и стремленіе образовашь наши способности. 2) *Общее чувство сей истины.* Общество людей имѣетъ права на наше содѣйствіе и уважаетъ насъ по мѣрѣ нашей къ тому способности. 3) *Опыты, подобія:* воспитаніе дѣлаетъ человека истиннымъ человекомъ, доставляетъ ему средства достигнуть своей цѣли. Разность между просвѣщеннымъ человекомъ и невѣждою; и 4) *Заключенія, выведенныя изъ другихъ истинъ:* обязанность человека быть полезнымъ обществу предполагаетъ образованіе его способностей. 5) *Несовмѣстность сомнѣнія:* сомнѣнія въ сей истинѣ основаны отчасти на злоупотребленіи значенія слова: воспитаніе, отчасти же на миѣніяхъ странныхъ и чуждыхъ. 6) *Заключеніе, выведенное изъ противнаго:* общее возвращеніе въ состояніе дикости и варварства послѣдовало бы за прекращеніемъ воспитанія. 7) *Свидѣтельства:* величайшіе Писатели подкрѣпляютъ сію истину. 8) *Польза сей истины:* вліяніе оной на помышленія и дѣянія человека; увѣренность въ пользу воспитанія возбуждаетъ въ насъ стремленіе къ совершенству, благодарность къ родителямъ и наставникамъ, желаніе способствовать воспитанію другихъ, и участіе въ великомъ дѣлѣ образованія рода человеческого.

§ 23. *Опровергать* понятіе значить исполнить предлагать причины его неосновательности
Причины сіи могутъ быть слѣдующія:

- 1) Недостатокъ надлежащихъ доказательствъ;
- 2) Противорѣчіе собственнаго нашего или общаго чувства, опытовъ, примѣровъ, подобія или другихъ истинъ;
- 3) Слабость доказательствъ;
- 4) Несообразность и непонятность предмета;
- 5) Нелѣпыя и вредныя послѣдствія ложнаго понятія;
- 6) Изысканіе причинъ, произведшихъ сіе ложное понятіе.

Для опроверженія мысли, что въ свѣтъ болѣе страданій, нежели удовольствій, можно прінскать матеріялы слѣдующимъ образомъ: 1) *Недостатокъ надлежащихъ доказательствъ*: чтобы доказать сіе мнѣніе, надлежало бы имѣть величайшую опытность и даръ самаго безпристрастнаго, безошибочнаго наблюденія. 2) *Противорѣчіе нашего собственнаго или общаго чувства*: и собственное наше и общее чувство истины сему противурѣчатъ. Мы вездѣ находимъ наслажденіе; мы созданы, чтобы быть счастливыми. Милосердіе Божіе. 3) *Слабость доказательствъ*; говорятъ: къ спрдацію способно каждое чувство наше, а къ наслажденію не всѣ. Сіе доказательство, при безпристрастномъ разсмотрѣніи онаго, оказывается совершенно ложнымъ. 4) *Несообразность*. Какъ согласить сію мысль съ милосердіемъ Божіимъ? Какая бы могла быть цѣль оной? — 5) *Вредныя послѣдствія*: неудовольствіе, огорченіе, отчаяніе, ропотъ на Провидѣніе. 6) *Причины, произведшія сіе ложное мнѣніе*: люди живѣе чувствуютъ спрдація, и легче сообщаютъ оныя другъ другу, нежели удовольствія, изъ коихъ преимущественнѣйшія скрыты и состоятъ въ чувствованіяхъ; которыя сообщать трудно.

§ 24. *Разсматривать теоретическую истину значить искать ея причины и основаній. Сіи причины находятся въ умѣ или въ чувствѣ человека.*

§ 25. Если причины сіи находятся въ умѣ, то главное дѣло состоитъ въ отношеніи сказуемаго къ подлежащему, т. е. въ объясненіи и развитіи главнаго понятія, и въ доказательствѣ, прилично ли ему то, что о немъ говорится. Въ семъ случаѣ должно поступать точно такъ, какъ при развитіи, доказательствѣ и опроверженіи истины (§§ 20, 22 и 23).

§ 26. Если же причины и доводы истины находятся преимущественно въ чувствѣ, то надлежитъ пояснить нѣкоторые понятія и ощущенія наши изъ особеннаго нашего образа мысли и чувствовать. Таковое разсмотрѣніе требуетъ знанія человѣческаго сердца и наблюдательнаго духа; особеннаго наставленія для сего сообщать не можно.

§ 27. Теоретическая истина можетъ быть приложена для ума и для образа мыслей и дѣяній.

§ 28. При приложеніи оной для ума входятъ въ разсужденіе:

- 1) Поясненіе посредствомъ оной другихъ истинъ;
- 2) Убѣжденіе въ извѣстныхъ мнѣніяхъ;
- 3) Рѣшеніе сомнѣній;
- 4) Уничтоженіе предразсудковъ.

§ 29. При приложеніи оной для образа мыслей и дѣяній, можно взять предметомъ:

- 1) Побужденіе къ добрымъ дѣламъ;
- 2) Предостереженіе отъ пороковъ;

- 3) Споспѣшествованіе развитію полезныхъ чувствованій ;
- 4) Уничтоженіе чувствованій вредныхъ.

В. Практическія истины.

§ 30. Подъ именемъ *практическихъ* истинъ разумѣются относящіяся къ волѣ человека и его дѣланіямъ. Таковыя истины суть *нравственныя* и *умственныя* : первыя имѣютъ вліяніе на образъ нашихъ поступковъ, послѣднія на образъ нашихъ мыслей.

§ 31. При объясненіи нравственной истины, имѣемъ мы намѣреніе познакомить другихъ съ добрыми дѣлами, пояснить имъ вредъ нѣкоторыхъ пороковъ и недоспашковъ, или внушить имъ чувствованія благородныя, и искоренить склонности низкія.

§ 32. Имѣя цѣлю познакомить нашихъ слушателей или читателей съ добрымъ дѣломъ, должны мы принять въ разсужденіе:

- 1) Душевное къ тому расположеніе ;
- 2) Наружныя изъясненія онаго ;
- 3) Предметъ ;
- 4) Свойства истинной и прихвальной добродѣтели ;
- 5) Сомнѣнія въ возможности и выгоды приведенія оной въ дѣйство ;
- 6) Средства ;
- 7) Препятствія и затрудненія.

Примемъ въ разсужденіе *благотворительность*. 1) Душевное къ оной расположеніе находится въ общей любви къ ближнему. 2) Наружно являющіяся она въ

участіи, пріемлемомъ нами въ судьбѣ другихъ людей, въ услужливости и состраданіи. 3) *Предметъ* оной люди, имѣющіе надобность въ помощи. 4) *Свойства истинной и притворной благотворительности*: истинный благотворитель помогаетъ охотно, скоро, достаточнo, съ разсмотрѣніемъ; онъ безкорыстенъ и не ждетъ, чтобъ его побуждали къ благотворенію. Благотворительность, отъ своекорыстія, тщеславія, слабости происходящая, есть притворная. 5) *Сомнѣнія въ возможности оной*: люди не всегда бываютъ признательны. Можно ли дѣлать добро и тѣмъ, которые сами были виною своихъ несчастій? Не потворствуемъ ли чрезъ то легкомыслію и лѣнностію? 6) *Средства*. Помощь посредствомъ совѣта, денегъ, ходатайства, доставленіемъ работы, убѣжденіемъ челоуѣка въ неважности его бѣдственной, возбужденіемъ въ немъ надежды на скорое ихъ прекращеніе — соблазнованіемъ. 7) *Препятствія и затрудненія*. Многіе люди боятся видѣть страданіе ближнихъ. Нуждающіеся бываютъ или добучливы и неумѣренны въ требованіяхъ; или же скрываютъ свою нужду. Собственные нужды наши преобладаютъ многого, и лишаютъ насъ способовъ помогать другимъ. *Примѣры*:

§ 33. При поясненіи вреда, отъ пороковъ происходящаго, обращаемъ вниманіе на

- 1) Душевное къ тому расположеніе;
- 2) Наружныя изъясненія оного;
- 3) Увеличеніе порока и происхожденіе отъ него другихъ;
- 4) Источники и причину порока;
- 5) Извиненія и отговорки, и
- 6) Средства къ его искорененію.

Въ примѣръ приложенія сихъ правилъ возьмемъ себелюбіе. 1) *Душевное расположеніе къ сему пороку*.

Свойства себялюбія: оно соспопшъ въ шомъ, что человекъ поставляетъ самого себя конечнымъ и единственнымъ предметомъ всѣхъ своихъ дѣлъ. 2) *Изъявленіе сего порока* и 3) *происходящія отъ онаго дурныя свойства*: себялюбецъ предпочитаетъ свои права и требованія всему на свѣтѣ, ненавидитъ и преслѣдуетъ своихъ ближнихъ; бываетъ завистливъ, мститель, гордъ, неблагодаренъ и пр. 4) *Источники и пища*: дурное воспитаніе, худые примѣры, недосыпатокъ любви къ ближнему. 5) *Извиненія*: человекъ обязанъ нещись о собственной пользѣ; всякъ самъ себѣ ближній. Другіе шакже смотряшъ на свои выгоды. 6) *Средства къ искорененію сего порока*. Познаніе онаго, его вреда и послѣдствій, пошомъ твердое намѣреніе къ искорененію онаго. Избѣжаніе случаевъ; стараніе найши случай къ прошивному. Примѣръ другихъ.

§ 34. При виушеніи благородныхъ чувствованій, и искорененіи низкихъ склонностей, должно взять въ разсужденіе:

- 1) Свойства чувствованія;
- 2) Предметъ онаго и важность;
- 3) Происхожденіе, истинное и ложное;
- 4) Признаки;
- 5) Степень;
- 6) Средства;
- 7) Пользу или вредъ; другія побужденія: сужденіе свѣта, примѣры.

Безкорыстіе. 1) *Свойства онаго*: безкорыстіе есть способность добровольно и охотно, по убѣжденію совѣсти нашей, жертвовашъ своими выгодами пользамъ другихъ. 2) *Важность* явствуетъ изъ того, что въ прошивномъ случаѣ свѣтъ превратился бы въ скопище взаимныхъ враговъ и завистниковъ. *Пред-*

метъ: ближніе. 3) Начало истиннаго безкорыстія находится въ убѣжденіи, что мы, по внушенію разсудка и сердца, обязаны содѣйствовать въ трудахъ другихъ людей, и въ человеколюбіи, побуждающемъ принимать участіе въ судьбѣ и желаніяхъ ближняго; а *ложное* рождается отъ легкомыслія, слабости сердца, отъ неблагоразумія: мы не смѣемъ жертвовать собственными, важными выгодами ничтожнымъ, безразсуднымъ, своеправнымъ желаніямъ другихъ. 4) *Признаки:* обхожденіе наше, поступки. Безкорыстный смотритъ не на послѣдствіе своихъ дѣлъ, а единственно на правоту оныхъ и чистоту своихъ намѣреній. Онъ дѣйствуетъ въ тишинѣ и скромности. Онъ дѣйствуетъ непрерывно и постоянно. 5) *Степень.* Истинное безкорыстіе не знаетъ степеней: оно жертвуетъ всѣмъ для достиженія своей благородной цѣли. 6) *Средства.* Возбужденіе въ душѣ своей любви къ ближнимъ. Размышленіе о важности нашего назначенія. Употребленіе въ пользу представляющихся намъ случаевъ. Привычка къ лишеніямъ. 7) *Полезьа.* Безкорыстіе есть чувство благородное. Оно освобождаетъ насъ отъ неудовольствій при неудачѣ нашихъ ожиданій, и увеличиваетъ твердость нашей души. Оно не позволяетъ намъ слишкомъ дорожить своими намѣреніями. Оно доставляетъ намъ любовь, уваженіе, довѣренность ближнихъ. *Примѣры.*

Своекорыстіе. 1) Оно состоитъ въ стараніи не уступить другому ни малѣйшей выгоды. 2) Предметомъ онаго бываетъ приобрѣтеніе всякаго рода. 3) Оно происходитъ отъ бездушія, дурнаго воспитанія и непомѣрной жадности къ наслажденіямъ. 4) Своекорыстный смотритъ во всѣхъ случаяхъ только на собственную прибыль; всегда разсчитываетъ свои выгоды; жертвуетъ вѣрною выгодною неизвѣстной, но бѣльшей прибылі. Зависть, недоброжелательство, жадность, любостыжаніе. 5) Степени его

суть: алчность къ приобрьщенію, скупость, домогательство къ присвоенію себѣ чуждаго, сушажничество, лихоимство, обманъ, воровство. 6) и 7) Мысли о вредѣ сего порока: онъ изсушаетъ сердце, заглушаетъ любовь къ ближнему, дѣлаетъ человека презрительнымъ, порочнымъ, ненавистнымъ. Оставленіе сего порока посредствомъ твердаго намѣренія отыскивать случаи, чтобы оказать свое безкорыстіе. Примѣры.

§ 35. При объясненіи истинъ практическихъ *умственныхъ*, имѣемъ намѣреніе представить истинное понятіе о предметѣ, научить избѣжанію обыкновенныхъ ошибокъ или внушить мысли истинныя, и исправить ложныя. Матеріалы приписываются къ онымъ, какъ и къ нравственнымъ.

§ 36. Бываютъ смѣшанные предметы, особенно относящіеся къ Наукамъ. Въ такомъ случаѣ размышленіе сообразуется съ ходомъ Науки, и особеннаго оному руководства дать не можно.

4. УВѢДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

§ 37. Всѣ изложенные нами предметы, особенно истины теоретическія и практическія, могутъ быть изображаемы въ намѣреніи дѣйствовать на воображеніе и волю человека, и побуждать его къ извѣстнымъ дѣліямъ: въ семъ случаѣ ходъ размышленія совершенно подобенъ тому, который наблюдается при поучительныхъ предметахъ, и преимущественно принимается въ разсужденіи приложеніе сихъ истинъ (§§ 27, 28 и 29).

О Хріяхъ.

§ 38. Въ древнихъ Риторикахъ пополненіе мысли по известнымъ правиламъ называлось *Хрією* (*χρεία*). Вотъ порядокъ оной:

- 1) Предложеніе или мысль.
- 2) Поясненіе или пополненіе.
- 3) Утвержденіе.
- 4) Противное.
- 5) Подобіе, сравненіе.
- 6) Примѣръ.
- 7) Свидѣтельство.
- 8) Повтореніе главной мысли съ приложеніемъ и увѣщаніемъ.

§ 39. Сін частн могутъ быть распределе- ны и слѣдующимъ образомъ:

- 1) Предложеніе.
- 2) Утвержденіе или доказательство.
- 3) Поясненіе, то есть:
 - а) Противное.
 - б) Подобіе.
 - с) Примѣры.
 - д) Свидѣтельства.

§ 40. Хріи раздѣляются на *прямые* и *обращенныя*. Примѣръ первыхъ видѣли мы въ предъидущемъ §. Въ послѣднихъ полагаюшъ сначала доказательство или поясненіе, а потомъ уже переходяшъ къ главному предложенію.

II. О расположеніи матеріаловъ.

§ 41. Размышленіе доставляетъ намъ матеріалы, кои суть отдѣльныя частн, должныя войти въ надлежащее мѣсто между собою

соотношеніе, чтобъ сослavitъ цѣлое, для удобнаго понятія онаго умомъ. Находимъ и распредѣлять сіи взаимныя отношенія понятій или приводить въ извѣстный порядокъ матеріалы для дѣйствованія на умъ, значить *располагать*. Расположеніе сіе называется *планомъ*.

§ 42. Таковое расположеніе должно сообразоваться съ законами мыслящей силы, изложенными въ *Логикѣ*. Вообще расположеніе состоитъ въ распредѣленіи, т. е. въ отысканіи *общихъ* понятій и подчиненіи имъ *частныхъ*.

§ 43. Для отысканія общихъ понятій, должно сравнивать между собою понятія частныя, доколь не подведемъ оныхъ подъ одну общую мысль. Сбравъ частныя понятія, которыя кажутся достаточными для изложенія предмета, должны мы находить между оными подобныя и составлять изъ нихъ *виды*, а изъ подобныхъ между собою видовъ *роды*; сіи же составляютъ одно цѣлое, или *предложеніе*. Роды суть части, а виды подраздѣленія.

§ 44. Главное понятіе или предложеніе явствуется отчасни изъ логической связи родовъ или сообщается въ самомъ предметѣ сочиненія; посему расположеніе зависитъ отъ свойства заданнаго предмета. Вообще нельзя дать подробнаго руководства къ расположенію *всѣхъ* родовъ сочиненій. Опытность, собственное чувство и догадка должны въ томъ участвовать. Небезполезно также разбирать расположеніе въ твореніяхъ хорошихъ Писателей.

1) РАСПОЛОЖЕНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ.

а) Повѣствованіе.

§ 45. *Повѣствованіе* есть сообщеніе другому свѣдѣнія о какомъ либо происшествіи въ нравственномъ или физическомъ мірѣ. Расположеніе онаго можетъ быть слѣдующее:

1) *Началѣ.*

- а) Лица, время, мѣсто.
 - б) Причины и побудительныя или дѣйствующія силы.
 - с) Цѣль и намѣреніе.
 - д) Средства.
- 2) *Ходъ.* Препятствія и затрудненія. Превозможеніе оныхъ.
- 3) *Успѣхъ.*
- а) Конецъ.
 - б) Слѣдствія.
 - с) Важность происшествія.
 - д) Сужденіе современниковъ и потомства.

Примѣчаніе. Разумѣется, что ошъ cadaго отдѣленія долженъ быть естественный и непринужденный переходъ къ другому.

б) Историческія разысканія.

§ 46. При *разысканіяхъ историческихъ* дѣло идетъ объ утвержденіи истины и основательности какого либо происшествія. Слѣдственно расположеніе должно быть слѣдующее:

- 1) Подробное изложеніе самаго дѣла.
- 2) Сомнѣнія и возраженія, существующія и возможные.

3) Рассмотрѣніе оныхъ.

4) Рѣшеніе.

2) Расположеніе описаній.

§ 47. При описаніи вообще имѣемъ цѣлю ясно представить предметъ, существующій въ *пространствѣ* или имѣющій отношенія во *времени*.

§ 48. При описаніи предмета, существующаго въ пространствѣ, должно слѣдовать обыкновенному ходу чувственного созерцанія, или собирать частныя отличія въ одно цѣлос. — При описаніи же предмета, являющагося во *времени* (напр. человека), должно обратить вниманіе сначала на внутреннія, а потомъ на наружныя его свойства.

3) Расположеніе предметовъ поучительныхъ и увѣдительныхъ.

§ 49. *Поученіе* обращается непосредственно къ уму; слѣдственно въ расположеніи предметовъ сего рода необходимъ строжайшій логическій порядокъ (§ 38).

§ 50. *Убѣжденіе* дѣйствуетъ на сердце человека, но въ *Прозѣ* преимущественно посредствомъ ума, слѣдственно и въ семъ случаѣ доводы должны быть расположены по правиламъ *Логики*. Сначала предлагаются общія доказательства, а потомъ частныя; но важнѣйшія изъ каждаго полагаются впереди. Слабѣйшія доказательства собираются въ одно мѣсто, чтобы въ совокупности были имъ сильнѣе.

Впрочемъ, и въ семь случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, собственная догадка и свойство слушателя должны рѣшить многое.

О расположеніи вообще.

§ 51. Всякое сочиненіе вообще имѣетъ три части: *вступленіе, предложеніе и заключеніе.*

§ 52. Во *вступленіи* должно предуготовить читателя или слушателя, и возбудить его вниманіе къ излагаемому предмету. Должно *ввести* его въ оный, т. е. поставить на ту точку, съ которой онъ долженъ смотрѣть на предметъ, сообщая ему необходимыя предварительныя понятія или возбуждая оныя въ его умѣ. Ко вступленію принадлежатъ: переходъ къ предложенію и (иногда) просьба о благосклонности и вниманіи.

§ 53. Въ *предложеніи* разсматривается предметъ сочиненія. Самое предложеніе (или вопросъ) должно быть кратко, просто и ясно. За онымъ слѣдуютъ доказательства, поясненія, описанія, примѣры и пр.

§ 54. Въ *заключеніи* ясно и кратко представляется доказанное, или предлагаются найденныя истины для подражанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ФОРМѢ СОЧИНЕНІЯ.

§ 55. Пріискавъ и расположивъ матеріалы сочиненія, приступаемъ къ изложенію оныхъ, которое есть двойное: *изложеніе на бумагѣ, и изустное произнесеніе.*

А. О выраженіи мыслей на бумагѣ.

§ 56. Образъ выраженія мыслей на бумагѣ называется *слогомъ, или стилемъ.*

§ 57. Цѣль каждаго сочиненія состоитъ въ томъ, чѣмъ оно было понимаемо читателями. Изъ сего слѣдуетъ, что оно должно быть написано *правильно, ясно, определенно, въ порядкѣ и связи, и притомъ пріятно.*

1) Правильность слога.

§ 58. Правильность состоитъ въ наблюденіи общепринятыхъ законовъ употребляемаго нами языка. Для сего надлежитъ *знать Грамматику, и наблюдать господствующее употребленіе въ сочиненіяхъ лучшихъ Писателей. Правильность бываетъ:*

- 1) Собственная правильность, или наблюденіе правилъ Грамматики и употребленія, и
- 2) Чистота языка.

А. Собственная правильность.

§ 59. Собственная правильность требуетъ наблюденія законовъ языка, въ отношеніи къ отдѣльнымъ словамъ и къ соединенію оныхъ въ реченіяхъ и періодахъ. Должно, по сей причинѣ:

- 1) Употреблять слова правильно составленные, и
- 2) Соединять оныя между собою по правилам и употребленію языка.

Ошибки противъ перваго изъ сихъ правилъ называются *барбаризмами*, а противъ втораго *солецизмами*.

§ 60. *Барбаризмъ* есть употребленіе новосоставленныхъ или и старыхъ словъ, кошорыя образованы вопреки правиламъ словопроизводства; напр. *ихной*, *сожалтьтельно*.

Къ сему же относятся ошибки противъ измѣненія словъ, напр. *созиждилъ*, *согиненіевъ*, *держутъ*, *онъ ѣдитъ*.

§ 61. *Солецизмъ* есть ошибка противъ Словосочиненія, или Синтаксиса; напр. *вошедши въ комнату, мнѣ захотѣлось стѣсть*; *взявъ въ руки перо, у меня ноги подкосились*; *мнѣ сказали, что будто онъ нездоровъ*; *если бѣ вы рѣшились бы ѣхать*; *сцена сія долго продолжалась*; *я возвратился назадъ*; *мнѣ можно бы ѣхать*; *рѣка сія раздѣляетъ лѣсъ отъ луга*; *не читай эту книгу*, и ш. и.

Б. Чистота языка.

§ 62. *Чистота* требуетъ, чшобъ въ языкѣ не было вмѣшано ничего чуждаго, изъ обласшныхъ ли нарѣчій или изъ иностранныхъ языковъ. Къ сему принадлежатъ выраженія обветшалыя, провинціальныя, и слова и обороты чужеспранные.

§ 63. *Выраженія обветшалыя* (архаизмы) суть слова и обороты живаго языка, кошорые,

при возрастающемъ его обогащеніи, устарѣли и не употребляются хорошими Писателями, хотя иногда вспрѣчающа вѣ языкѣ простонародномъ. Они суть:

- а) Выраженія, означающія низкія, телесныя дѣйствія человека; напр. *жрать, рыгать*.
- б) Слова испорченныя: *огению, некрутъ, гать*.
- с) Слова низкія и подлыя: *треснутъ, вм. ударить, сварганить, буркалы, бахвалить, тарантить*.
- д) Вышедшія изъ употребленія; напр. *звыгайный, коѣлобъ, говяда*.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя изъ простонародныхъ словъ употребляются въ сочиненіяхъ шуточныхъ. Изъ числа обветшалыхъ должно исключить сильныя и выразительныя слова языка Славянскаго, употребляемыя хорошими нашими Писателями.

§ 64. *Провинціальныя* слова суть тѣ, которыя употребляются въ нѣкоторыхъ только обласныхъ Россіи; напр. *поносъ*, т. е. попушный вѣтеръ; *заесать*, вм. чай пить; *нишени*, вм. молчи; *квогга*, вм. насѣдка. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть введены въ общій языкъ, когда означаютъ предметъ, собственно той области принадлежащій и неизмѣющій выраженія въ языкѣ книжномъ; напр. *тундра*; или выразительностію своею достойны повсемѣстнаго употребленія: *ръкоставъ*.

§ 65. *Чужестранныя* слова вошли въ языкъ при введеніи въ общее употребленіе вещей и понятій, заимствованныхъ у иностранцевъ. Изъ сихъ словъ позволено употреблять въ хорошемъ слоgъ слова *техническія*, или относящіяся къ

Наукамъ и Искусствамъ; напр. *Исторія*, *Грамматика*, *Эпопея*, *Магнетизмъ* и т. п., также названія чиновъ: *Генералъ-Маіоръ*, *Коммисаръ*, *Ассессоръ*. — Нѣкоторыя изъ техническихъ словъ переведены на Русскій языкъ весьма удачно, и потому должны быть замѣняемы Русскими, напр. *Географія* — *землеописаніе*; *стиль* — *слогъ*, *пунктъ* — *точка*. Въ семъ случаѣ должно руководствоваться примѣромъ хорошихъ Писателей. Вообще слова техническія иностранныя имѣютъ, опъ повсемѣстнаго своего употребленія, то преимущество предъ Русскими, что выражаютъ предметъ точнѣе и опредѣленнѣе, и способны принимать формы прилагательныхъ. По сей причинѣ должны они употребляться въ просномъ, разговорномъ и поучительномъ языкѣ, въ которомъ преимущественно преобладаютъ ясность и опредѣленность. — Русскія же слова превосходятъ иностранныя своимъ благородствомъ и важностію (напр. *Полководецъ* вм. *Генералъ*), и потому предпочитаются въ слогѣ высокомъ и величественномъ. — Впрочемъ всѣ иностранныя слова, кромѣ упомянутыхъ техническихъ, особенно тѣ, которымъ есть равносильныя Русскія (напр. *панданъ*, *фантомъ*, *руины* и т. п.), должны быть изгнаны изъ языка.

§ 66. *Чужестранные обороты* суть тѣ, которые противны Русскому сочиненію и порядку словъ. По языкамъ, изъ которыхъ они вкрались, называются они *Латинизмами*, (въ остроуміи); *Германизмами* (я весь ухо), *Галлицизмами* (онъ слышалъ меня пѣшь) и т. п.

2. Ясность и опредѣленность слога.

§ 67. *Ясность* слога пребуешь, чѣмъ смыслъ рѣчи нашей былъ удобопонятенъ, а *опредѣленность* соспоишь въ томъ, чѣмъ рѣчь наша выражала именно ту мысль, которую мы въ виду имѣемъ. Для удовлетворенія симъ двумъ важнымъ требованіямъ, надлежитъ пріучать себя ясно и опредѣленно мыслить, и выбирать приличныя, исключительныя нашей мысли соотвѣтствующія выраженія. Вирочемъ есть и другія причины *темноты* и *сбивчивости*, заключающіяся въ языкѣ или въ самыхъ мысляхъ.

§ 68. *Темнота* слога происходитъ:

- 1) Отъ сбивчивости мыслей, т. е. когда сами не знаемъ съ точностію, что хотимъ сказать.
- 2) Отъ нравственныхъ причинъ: когда не хотимъ прямо сказать, что истинно думаемъ.
- 3) Отъ безпорядочнаго размѣщенія знаковъ препинанія и отъ ошибокъ противъ Синтаксиса, особенно въ расположеніи словъ.
- 4) Отъ ошибочнаго выраженія, т. е.
 - а) Когда употребляемъ малонизвѣстные слова;
 - б) Когда употребляемъ слова извѣстные, но не въ обыкновенномъ ихъ смыслѣ; напр.: онъ *нарогито* пришелъ.
 - в) Когда употребляемъ слова, имѣющія двойное значеніе, не опредѣливъ сначала ихъ смысла: напр.: *переводитъ* книгу, *переводитъ* мышей.

- 5) Отъ неправильнаго размѣщенія словъ, различающихся въ окончаніи; напр.: *притѣсненіе производитъ отгаяніе* вм. *отгаяніе производится притѣсненіемъ* или *происходитъ отъ притѣсненія*.
- 6) Отъ недоспапочности выраженія: когда въ предложеніи недостаетъ необходимыхъ частей, напр.: *Богъ Творецъ вселенныя*, вм. *Богъ есть Творецъ вселенныя*.
- 7) Отъ излишней подробности: когда обременяемъ главную мысль множествомъ постороннихъ, и тѣмъ отвлекаемся отъ своей цѣли.
- 8) Отъ излишняго старанія быть краткимъ, когда хотимъ сказать много немногими словами. Краткость есть одна изъ необходимостей хорошаго слога, но ясность важнѣе оной.

§ 69. *Сбивчивость* или *неопредѣленность* слога происходитъ:

- 1) Отъ выбора выраженій, которыя сами собою сбивчивы; напр. когда вмѣсто имени существительнаго употребляемъ неокончательное склоненіе: *негатать великое дѣло*.
- 2) Отъ излишняго объема выраженія, т. е. когда оно относится не къ одному тому предмету, о которомъ говорится, напр.: *смерть свойственна старости (юности также)*.
- 3) Когда между двумя главными словами, находящимися въ соотношеніи, случается другія главныя же; напр.: *„противъ злоключеній сей жизни безразсудно ополчаться со-*

кровищами, отъ коихъ одно Провидѣніе насъ спасти можетъ.“ (Отъ сокровищъ или отъ злослосеній?)

- 4) Когда главная мысль ослабляется посторонними.
- 5) Когда нарушаемъ *единство*, т. е. смѣшиваемъ разнородные предметы; напр.: *осыпать цвѣтами и виномъ нестерпимое поле*; и т. п.

3. Порядокъ мыслей.

§ 70. Кроме выше упомянутого логическаго порядка (§ 41 и слѣд.) есть другой, *внутренній* порядокъ, которымъ иногда, сообразно съ особенною цѣлю сочиненія, нарушается порядокъ логическій. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ *отдѣленія* главной мысли стояли тамъ, гдѣ они удачнѣе всего могутъ произвести *общее* впечатлѣніе. Въ семъ случаѣ чувство рѣшитъ лучше всякихъ правилъ.

§ 71. Вообще можно преподавать для сего слѣдующія правила:

- 1) Должно размыслить, *что* именно хотимъ сказать, и *съ* какимъ намѣреніемъ.
- 2) Не переходить отъ одной мысли къ другой, не сказавъ о первой всего, чего требуетъ цѣль сочиненія.
- 3) Не пропускать мыслей необходимыхъ для связи цѣлаго, т. е. не дѣлать скачковъ.
- 4) Располагать мысли въ нѣкоторомъ порядкѣ: сначала помѣщать самыя сильныя и общія, а за ними слабѣйшія и частныя.

- 5) Предложенія приводишь въ надлежащую связь, и старайся, чтобъ переходъ опъ одной части къ другой не былъ примѣненъ.

4. Единство.

§ 72. Сочиненіе имѣетъ единство, когда въ немъ нѣтъ ничего чуждаго или такого, что могло бы ослабить дѣйствіе, которое мы имѣемъ въ виду. Мысли и выраженія должны соответствовать предмету сочиненія и намѣренію Сочинителя. — Три главныя цѣли всякой рѣчи суть: *убѣдить, тронуть, возбудить страсть*. Каждая изъ оныхъ требуетъ особыхъ средствъ въ отношеніи къ выраженію; такъ напр. если имѣемъ цѣлю тронуть, то не должны употреблять выраженій и оборотовъ, производящихъ смѣхъ. — Каждое сочиненіе имѣетъ особенный свой *тонъ*.

5. Красота слога.

§ 73. Можно съ удовольствіемъ читать сочиненіе, въ которомъ соблюдены всѣ вышеприведенныя правила хорошаго слога: между тѣмъ есть другія средства усугубить сіе удовольствіе, особенно, когда сочиненіе наше не есть сухое, учебное, и можетъ быть написано со вкусомъ и пріятностію для воображенія. Свойство слога, имѣющее цѣлю удовольствіе читателей, называется *красотою*.

§ 74. Средства, для доставленія слогу красоты, суть *внѣшнія* и *внутреннія*. Къ внѣшнимъ принадлежитъ: *благозвучіе*; къ внутрен-

нимъ: благородство, краткость, живость и естественность или непринужденность.

1) Благозвучіе.

§ 75. Благозвучіе требуетъ во первыхъ, чтобъ при составленіи словъ въ предложеніяхъ и періодахъ гласныя и согласныя буквы размѣщены были такъ, чтобъ не производили дикаго, труднаго выговора (гіашусь), и чтобъ теченіе рѣчи вообще было легко и непринужденно.

§ 76. Для соблюденія благозвучія, должно помнить слѣдующія правила:

- 1) Избѣгать стеченія однихъ согласныхъ буквъ; напр.: *изъ жерлъ стремится.*
- 2) Также и гласныхъ; напр.: *она и я и у ея.*
- 3) Не ставить сразу многихъ односложныхъ словъ; напр.: *я былъ здѣсь, ты тамъ, а онъ сталъ тутъ.*
- 4) Избѣгать стеченія многосложныхъ словъ; напр.: *Французы назвали его миродарователемъ и свободовозстановителемъ.*
- 5) Избѣгать стеченія сходныхъ звуковъ въ словахъ, слѣдующихъ одно за другимъ; напр.: *его горести; женщина на насъ глядитъ; или: онъ надо мною насмѣхается, забавляется и издѣвается.*
- 6) Не повторять слишкомъ часто одного и того же слова.
- 7) Не начинать многихъ періодовъ тѣмъ же словомъ.
- 8) Обращать вниманіе на окончаніе періода: не оканчивать онаго односложнымъ или

опорваннымъ словомъ; напр.: *я давно уже о томъ и настоятельно говорилъ ей; нтъ сомнѣнїя, что всѣ пороки, происходящіе отъ неосторожности и поспѣшности геловѣка, вредны.*

§ 77. Для соблюденїя легкаго и непринужденнаго теченїя рѣчи должно избѣгать сбивчиваго и кудряваго словорасположенїя. Самый лучший и выразительный періодъ есть потокъ, въ которомъ господствующиъ свобода и непринужденность. Вообще трудно передать правила для соблюденїя благозвучїя, круглости и непринужденности. Лучшїй въ этомъ наставникъ есть опытный слухъ, а средство — чтенїе хорошихъ Писателей. Изъ Русскихъ Прозаиковъ советуемъ читать въ семь отношенїи *Карамзина, Муравьева, Жуковскаго и Батюшкова.*

§ 78. Иногда изображается самыми звуками и движенїемъ рѣчи ея *содержанїе*. Полные и круглые періоды *Ломоносова* возбуждаютъ чувство торжественности и спокойнаго величїя; языкъ разысканїй, дружеской бесѣды, равно какъ и сильной страсти требуетъ слога свободного, легкаго, опрывистаго.

§ 79. Словами можешь изображаться слѣдующее:

- 1) Звуки въ природѣ, напр.: *трещать, свистать, хрипѣть.*
- 2) Движенїе и медленность, напр.: *скакъ въ лодку; протлевивается.*
- 3) Ощущенїя: и въ Прозѣ глѣвъ говоришь скоро и кратко, веселость легко, уныніе протяжно.

2) *Благородство слога.*

§ 80. Подъ именемъ *благородства*, или *достойнства* слога разумѣется то, чѣмъ слогъ не былъ пропитанъ благоприспособности и добрымъ правамъ. На письмѣ никогда не должно употреблять выражений, которыхъ мы не смѣли бы произнести предъ почтенными особами.

§ 81. Впрочемъ *благородство* есть понятіе относительное: выраженіе, само по себѣ не подлое, можетъ въ связи съ другими нарушить благородство; напр. слово *пожурить* не заключаетъ въ себѣ никакого низкаго смысла, но въ слѣдующей связи оно вовсе не у мѣсна: онъ сталъ въ ужасъ на колѣна; уже готовился къ смерти; уже засверкалъ мечъ надъ его главою; но вдругъ раздалось слово: *милость!* и его только что — *пожурили*.

3) *Краткость.*

§ 82. Подъ словомъ *краткость* разумѣется не то, чѣмъ сочиненіе вообще было *коротко*: ибо оно можетъ занимать нѣсколько страницъ и быть краткимъ, и напротивъ быть длиннымъ, занимая одну страницу. — *Краткость* есть понятіе относительное. Все, чѣмъ не нужно для изображенія или поясненія предмета, есть излишнее и противно правиламъ краткости.

§ 83. Ошибки противъ краткости суть слѣдующія:

- 1) Излишняя длиннота словъ, напр.: *усовершенствовывается* вм. *усовершается*.

2) Частое повтореніе одной мысли или выраженія, напр.: *весна прошла, отцвѣла, протекла.*

3) Лишнія, для ясности ненужныя слова, напр.: *Главнокомандующій перешелъ чрезъ рѣку съ находящеюся подъ его главнымъ начальствомъ арміею, вм. съ своею арміею.*

4) Остановка на любимой мысли.

5) Длиныя вносныя предложенія.

6) Обремененіе главной мысли посторонними.

7) Ненужное употребленіе околичностей тамъ, гдѣ собственное слово уже выразительно.

§ 84. Правила, для соблюденія краткости, суть слѣдующія:

1) Не нужно стараться о соблюденіи краткости на щетъ ясности.

2) Должно представлять себѣ каждую мысль какъ можно опредѣлительнѣе, и соразмѣрять отношеніе оной къ цѣлому сочиненію.

3) Надлежитъ избирать, смотря по цѣли (научить, позабавить или пронуть) и по читателямъ, для которыхъ пишемъ, самый приличный способъ выраженія, и опускать все, что не соотвѣтствуетъ намѣренію нашему, и не поясняя предмета, только его затмѣваетъ.

4) Должно стараться о выраженіи мыслей сильныхъ и богатыхъ немногими словами.

4) Живость.

§ 85. Живость слога есть свойство, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ на вооб-

раженіе и чувство читателя, и занимаетъ такимъ образомъ всѣ душевныя его силы.

§ 86. Хотя на чувство и воображеніе должна собственно дѣйствовать Поэзія, но Краснорѣчіе въ случаяхъ важныхъ, когда дѣло идетъ объ убѣжденіи читателя или возбужденіи страсти, должно употреблять всѣ могущія служить къ тому средства, съ надлежащею при томъ разборчивостію, не выпуская изъ виду главной цѣли и свойства Прозы.

§ 87. Живость придается слогу преимущественно такъ называемыми *тропами* или *фигурами*.

§ 88. *Тропъ* есть перемѣна слова на другое, столь же понятное, но болѣе выразительное. Троповъ считается пять:

1) *Метафора* основана на подобіи: въ ней одно слово замѣняется другимъ, живѣйшимъ и пріятнѣйшимъ. Напр.: *весна жизни, подолза горы, свѣтъ Наукъ, глава Церкви* и т. п. Нѣсколько Метафоръ, слѣдующихъ одна за другою, составляютъ *Аллегорію*; напр.: *межъ брани пожинаетъ лавры, посѣянные во время мира*. Въ Аллегоріи должно соблюдать *единство*. Напр. слѣдующая Аллегорія неправильна: *не терзай пламенемъ страсти краткаго теченія твоей жизни. — Смягчи огонь гнѣва. —* Къ Аллегоріи принадлежатъ загадки и многія пословицы.

2) *Синекдоха* есть тропъ, въ которомъ полагается:

- а) Родъ вмѣсто вида, и напрошивъ (напр.: *смертный* вм. *человѣкъ*);
 - б) Цѣлое вмѣсто части, и напрошивъ (напр.: *Французы сожалѣли о смерти своего Короля*);
 - с) Наричательное имя вмѣсто собственнаго, и напрошивъ (напр.: *Россійскій Геркулесъ*);
 - д) Множественное число вмѣсто единственнаго, и напрошивъ (напр.: *Русскій вошелъ въ Парижъ; Героны имѣютъ льстецовъ*);
 - е) Число извѣстное вмѣсто неизвѣстнаго (напр.: *милліоны вопіютъ о пощадѣ*).
- 3) *Метонимія* есть пропъ, въ которомъ полагаешься:
- а) Причина вмѣсто дѣйствія (напр.: *вино говоритъ въ немъ; любитъ Виргилія*);
 - б) Вещество вмѣсто самой вещи (напр.: *мраморъ Фидіаса*);
 - с) Дѣйствіе вмѣсто причины (напр.: *потѣхъ надъ работою*);
 - д) Содержащее вмѣсто содержимаго (напр.: *выпей стаканъ*);
 - е) Владѣтель вмѣсто вещи, кою владѣетъ (напр.: *мой братъ погорѣлъ*);
 - ф) Признакъ вмѣсто самой вещи (напр.: *пріобрѣсть лавры*);
 - г) Время вмѣсто того, что бываетъ въ ономъ, и напрошивъ (напр.: *утеный вѣкъ; во время жатвы*);

- h) Свойства вмѣсто лицъ, которымъ они принадлежатъ (напр.: *старость недо- вѣрлива, добродѣтель любезна*).
- 4) *Ипербола* есть непомѣрное увеличеніе или уменьшеніе предмета (напр.: *ему море по колену; меньше нежелу нигто*).
- 5) *Пронія* есть тропь, въ которомъ слова принимаются совершенно въ противномъ смыслѣ; напр.: *радуйся, злодѣй, своимъ дѣломъ!* — Къ Проніи принадлежатъ:
- a) *Сарказмъ* или язвительная, оскорбительная насмѣшка;
- b) *Харіентизмъ* — насмѣшка забавная и веселая.

§ 89. *Фигуры* суть особенные обороты языка, которыми придаются слогу живость и выразительность. *Фигуры* раздѣляются на *фигуры рѣченій* и *фигуры предложеній*.

§ 90. *Фигуры рѣченій* состоятъ въ особенномъ расположеніи словъ, и измѣняются перестановкою оныхъ. Онѣ суть слѣдующія:

- 1) *Удержаніе* есть опущеніе одного или многихъ словъ, которыя должны быть доразумѣваемы, напр.: „я Богъ, я червь; я Царь, я рабъ.“
- 2) *Безсоюзіе* есть опущеніе соединительныхъ или условныхъ союзовъ, напр.: „спарцы, дѣши, жены — всѣ гибли отъ меча.“ — „Когда скажу, явися.“
- 3) *Многосоюзіе* есть повтореніе союзовъ, напр.: „мы спасали и колыбели дѣтей и прахъ

„опцевъ, и троны, и алтари, и память
„минувшихъ и славу грядущихъ лѣтъ.“

4) *Повтореніе* есть употребленіе одного слова нѣсколько разъ, для приданія бѣльшей силы той мысли, которая имъ выражается, напр.: „бѣжитъ, бѣжитъ врагъ твой, Россія!“ — Если нѣсколько предложений начинаются однимъ и тѣмъ же словомъ, то фигура сія называется *Единоначатіемъ*; когда же они оканчиваются онымъ, тогда именуется *Единозаключеніемъ*. — *Возвращеніе* есть фигура, въ которой послѣдующее предложение начинается тѣмъ словомъ, которымъ кончилось предыдущее.

5) *Восхожденіе* есть повтореніе подобозначащихъ словъ и выражений, изъ коихъ послѣдующее всегда должно быть сильнѣе предыдущаго; напр.: „идетъ, бѣжитъ, летитъ.“

6) *Околичнословіе* есть выраженіе во многихъ словахъ того, что можно было бы назвать однимъ словомъ. Сія фигура употребляется для приданія рѣчи живости и красоты, и для избѣжанія выражений низкихъ и неблагородныхъ; напр.: *неумѣренность въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, вмѣсто пьянство.*

§ 91. *Фигуры предложений, или фигуры мыслей*, суть тѣ, которыя заключаются въ особенномъ выраженіи самыхъ мыслей. Вотъ онѣ:

1) *Вопрошеніе*: когда Сочинитель предлагаетъ себѣ или другимъ вопросъ, и самъ на оный отвѣчаетъ: „Что се есть? — До чего

„мы дожили, о Россіане! что видимъ? что
„дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“

- 2) *Уступленіе*: въ сей фигурѣ признается справедливость какой нибудь одной противной мысли, чтобы нѣмъ сильнѣе доказать справедливость другой, важнѣйшей; напр.: „Неоспоримо, что человѣкъ получилъ отъ „Бога естественныя силы оплодотворить всякое насѣние и вредъ, а разумъ изобрѣлъ и „пособствующія тому средства во всѣхъ „случаяхъ. Богу самому даже угодно, дабы „человѣкъ не пренебрегалъ сихъ данныхъ „ему способамъ и не оставался въ бездѣйствіи во время напастей. Самъ онъ предписывалъ народу своему брани и ожесточеніи въ оныхъ, самъ ободрялъ къ мужеству и храбрости; самъ заповѣдывалъ иногда не щадить упорныхъ враговъ и миловать покорныхъ; — но отъ него же „бываетъ на людей и на цѣлые народы пощеченіе такихъ напастей, подъ которыми „ни изнемогаетъ вся храбрость, все мужество и все искусство человѣческое.“

- 3) *Раздѣленіе* есть фигура, въ которой исчисляются части цѣлаго или виды одного рода; напр.: „Граждане Новгородскіе! въ „спѣнахъ вашихъ родилось, утвердилось, „прославилось самодержавіе земли Русской. „Здѣсь великодушный Рюрикъ творилъ судъ „и правду; на семь мѣстъ древніе Новгородцы лобызали ноги своего отца и Князя, „который примирилъ внутренніе раздоры,

„успокоилъ и возвеличилъ городъ ихъ. На
 „семь мѣстъ они проклинали гибельную
 „вольность, и благословляли спасительную
 „власть единого.“

- 4) *Изображеніе* есть фигура, въ которой отдаленный предметъ или минувшее происшествіе представляюща такъ живо, какъ будто бы они находились предъ глазами нашими; напр.: „И Екатерина на тронѣ! Уже
 „на безсмертномъ мраморѣ Исторіи изоб-
 „раженъ сей незабвенный день для Россіи;
 „удерживаю порывъ моего сердца описать
 „его величіе. Красота во образѣ величе-
 „ственной Паллады! вокругъ блестящіе ря-
 „ды Героевъ; пламя усердія въ груди ихъ.
 „Предъ нею священный ужасъ и Геній Рос-
 „сіи. . . . Опираясь на Мужество — Боги-
 „ня шествуетъ, и Слава, гремя въ обла-
 „кахъ трубою, опускаетъ на главу ея въ-
 „нокъ лавровый!“

- 5) *Противоположеніе*: когда, для лучшаго изображенія предмета, противопоставляется ему другой; напр.: „Русскіе гибнутъ, Нового-
 „родцы богатыютъ. Въ Москву, въ Кіевъ,
 „во Владиміръ привозятъ трупы Христіан-
 „скихъ вишазей, убіенныхъ невѣрными, и
 „народъ, осыпавъ пепломъ главу свою, съ
 „воплемъ встрѣчаютъ ихъ: въ Новгородъ
 „привозятъ товары чужеземные, и народъ
 „съ радостными восклицаніями привѣт-
 „ствуетъ гостей иностранныхъ. Русскіе
 „считаютъ язвы свои: Новгородцы счи-

„таюшъ златыя монеты. Русскіе въ узахъ:

„Новгородцы славятъ вольность свою.“

- 6) *Прохождение*: когда, представляя будто хотимъ умолчать о предметъ, въ самомъ дѣлѣ говоримъ объ ономъ; напр. „Не изобразяю словомъ блистающія лѣпоты лица „ея“ (Императрицы Елисаветы), „являющія прекрасную душу, ни сановитаго возрасша, Монархини приличнаго, ни величественной главы, къ пошенію вѣнца рожденной, ни устъ, щедроту источающихъ, ни очей, воззрѣніемъ оживляющихъ; „ибо ко всѣмъ человеколюбивая Государины взоръ свой обращаетъ.“

- 7) *Наращиваніе* есть постепенное восхожденіе отъ одной мысли къ другой сильнѣйшей; напр. „Непохвально мещинъ врагу, непростительно преслѣдовать человека, непростившаго намъ зла: что же сказать о томъ, кто гонитъ своихъ благошворителей?“

- 8) *Поправленіе* есть фигура, въ которой сказавъ что нибудь, по видимому одумываемся и поправляемъ рѣчь выраженіемъ сильнѣйшимъ; напр. „Погибните вы навсегда, безразсудные, вы, которые дерзаете оскорблять Бога хуленіями вашими! Но — что я говорю? . . . нѣтъ! лучше обратитесь, несчастные, прибѣгните къ милосердію Его и покайтесь для спасенія вашего.“

- 9) *Обращеніе*: когда, говоря или разсуждая объ одномъ предметъ, обращаемъ рѣчь къ

другому, постороннему; напр. „А ты, ко-
 „торый не токмо трудосии въ дѣлѣ бра-
 „ни Господней вѣтряешь Господу, но Ему
 „же крошкою благодарностію возвращаешь
 „и дарованныя тебѣ побѣды! ты, который
 „твердостію въ правдѣ спасъ твою Держа-
 „ву и благостію въ могуществѣ спасаешь
 „царства другихъ! возвеселися Его силою
 „и о спасеніи Его возрадуйся.“

10) *Заимословіе*: когда вводимъ въ рѣчь нашу
 отсутствующія лица или неодушевленные
 вещи, и заставляемъ ихъ говорить и дѣй-
 ствовать. Напр.: „Прибѣгла къ ней сму-
 „щная Россія, и гласомъ избранныхъ сы-
 „новъ своихъ вѣщала: пріими меня въ ма-
 „теринскія твои объятія, пріими наслед-
 „ную твою державу, и врожденнымъ тебѣ
 „бодрымъ опеческимъ духомъ презирай всѣ
 „препятства. Надѣйся на Бога: онъ пра-
 „ведному твоему предпріятію предводителъ
 „будетъ. Надѣйся на себя: ты едина ис-
 „шная наследница; ты, ты дочь моего
 „просвѣтителя. Надѣйся на меня: я всѣ
 „силы свои подвигну къ твоему защищенію
 „и чрезъ главы и трупы твоихъ непріате-
 „лей отворю путь къ престолу.“

11) *Восклищаніе* есть заключеніе рѣчи или
 одной части оной особенною мыслию, воз-
 буждающею удивленіе; напр. „Нѣтъ, нѣтъ!
 „да будетъ великъ Іоаннъ, но да будетъ
 „великъ и Новгородъ!“

12) *Сокращеніе* есть прерваніе рѣчи до окончанія смысла. Сія фигура употребляется только въ движеніяхъ самой сильной страсти.

Примѣчаніе. При употребленіи фигуръ должно избѣгать частаго повторенія оныхъ и излишняго наполненія ими рѣчи: въ противномъ случаѣ слогъ будетъ напыщенъ, высокопаренъ и тяжелъ.

5) *Естественность.*

§ 92. Естественность довершаетъ цѣну хорошаго слога; ибо все то, что неестественно, изысканно, принужденно, не можетъ возбудить удовольствія. Красоты должны быть сообразны съ цѣлію, для которой мы пишемъ, и сколько бы сочиненіе хорошо ни было, но оно не понравится человѣку съ густымъ вкусомъ, когда не будетъ *естественно и непринужденно*. Особенно должно избѣгать спаранія блистать новоспію, необыкновенностію и наборомъ мыслей, неотносящихся къ нашему предмету.

§ 93. Вообще нельзя научить человѣка *хорошо писать*: дѣло сіе зависитъ отъ того, какъ онъ *мыслитъ*. Для сего надлежитъ образовывать вкусъ наблюденіемъ выраженій тѣхъ Писателей, которые, по общему мнѣнію, правильнѣе другихъ мыслятъ, а потому и пишутъ; но сіе наблюденіе не должно превращаться въ слѣпое подражаніе, которое живетъ чужимъ добромъ. Кто научится правильно размышлять, приводитъ мысли свои въ порядокъ, избираетъ выраженія и обращаетъ вниманіе на слогъ, тому

выраженія сіи будутъ представляться сами собою и рождаются въ одно время съ мыслями.

ХАРАКТЕРЪ СЛОГА.

§ 94. Общія правила, относящіяся къ соблюденію красоты слога, не въ равной мѣрѣ требуются въ различныхъ родахъ онаго. *Проза*, или языкъ, служащій для изображенія предметовъ существующихъ, истинныхъ, бываетъ: *философическая*, *историческая* и *риторическая*. Каждая имѣетъ свой характеръ; требующій большаго или меньшаго наблюденія правилъ красоты.

§ 95. Характеръ *философической* Прозы есть: связность, разсудительность, опредѣленность, спокойствіе; *исторической*: ясность, сообразность съ предметомъ, простота, краткость; *риторической*: пылкость, возвышенность. Каждая Проза имѣетъ различныя степени. Низшая степень философической и риторической называется *народною*. Характеръ оной есть общепонятность.

§ 96. Къ Риторикѣ относятся еще правила писать Прозою, употребляемою въ дѣлахъ жизни гражданской (*слогъ дѣловыхъ бумагъ*) или въ сношеніяхъ людей между собою (*слогъ писмовный*). Характеръ слога *дѣловаго* составляютъ ясность, опредѣленность, краткость, твердость; *писмовнаго*: естественность, приличіе предмету, легкость и живость.

§ 97. Вообще слогъ раздѣляется на *низкій*, *средній* и *высокій*.

- 1) Въ *низкомъ* слогѣ употребляются выраженія простыя, общепонятныя, не требующія въ читателяхъ большаго образованія, и дѣйствующія вообще на всякаго здравомыслящаго человека, не воспламеняя при томъ его воображенія.
- 2) *Средній* слогъ занимаетъ воображеніе, но не въ превосходной степени. Выраженія и обороты въ немъ отборнѣе и живѣе; въ немъ говоримъ не одинъ холодный разсудокъ, но и чувство.
- 3) *Высокій* слогъ сильно дѣйствуетъ на воображеніе, представляетъ смѣлыя и разительныя картины, отвергаетъ обыкновенныя обороты, употребляетъ новыя и смѣлыя выраженія и пр.

§ 98. Каждый изъ сихъ трехъ родовъ слога долженъ преимущественно господствовать во всякомъ сочиненіи, и сіе то составляетъ его *характеръ*. Впрочемъ низкій слогъ можетъ подниматься до средняго и даже до высокаго, но сіе должно происходить не вдругъ, безъ скачковъ; при низхожденіи должна быть наблюдаема таже постепенность, и съ большею еще осторожностію, ибо выраженія простыя, вслѣдъ за отборными, могутъ произвести самое невыгодное дѣйствіе.

В. Объ изустномъ произнесеніи рѣчи.

§ 99. Всякое сочиненіе пишется для того, чтобы оно было произнесено или гитано.

§ 100. Изустное произнесеніе раздѣляется на Декламацию и Мимику. Въ Декламациі преподаются правила выражать голосомъ изображенныя письмомъ мысли и чувства. Мимика есть сопровожденіе Декламациі взглядами, и движеніями лица и тѣла.

Примѣчаніе. Правила Декламациі и Мимики, преподающіяся впрочемъ гораздо лучше примѣромъ на самомъ дѣлѣ, нежели письменными уроками, принадлежатъ къ второму, подробнѣйшему курсу Краснорѣчія, и не входящъ въ планъ нашего сочиненія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПРОЗАИЧЕСКИХЪ.

Предварительныя понятія.

§ 101. Письменное изображеніе мыслей, составляющихъ одно связное цѣлое, имѣющее цѣлю изображать предметы существенные и истинные, и дѣйствовать на разумъ человека — называется *прозаическимъ сочиненіемъ*.

§ 102. Выше сего (§ 8) сказано, что предметы, изображаемые Прозою, могутъ быть *повѣствовательные, описательные, поучительные и убѣдительные*. По сему раздѣляются и сочиненія; но того недовольно: сочиненія прозаическія бываютъ различны не только по предмету своему, но и по цѣли, Сочиняедемъ предположенной, и по другимъ отношеніямъ.

§ 103. Вообще можно раздѣлить прозаическія сочиненія на слѣдующіе семь классовъ:

- 1) Письма.
- 2) Разговоры.
- 3) Описанія.
- 4) Историческія сочиненія.
- 5) Дѣловыя бумаги.
- 6) Учебныя сочиненія.
- 7) Рѣчи.

Каждый изъ сихъ родовъ имѣетъ свои особенныя виды.

Примѣчаніе 1. Сіи семь родовъ прозаическихъ сочиненій отличаются не столько въ разсужденіи содержанія, которое въ разныхъ можетъ быть одинаково, сколько въ разсужденіи расположенія и выраженія.

Примѣчаніе 2. Романы или вымышленныя Повѣсти, и писанныя Прозою драматическія сочиненія по вымыслу и расположенію принадлежатъ къ Поэзій, а по выраженію къ Прозѣ.

§ 104. Во второй части Риторики преподаются правила располагать и писать сочиненія прозаическія сообразно съ предположенною цѣлію.

§ 105. Во всѣхъ прозаическихъ сочиненіяхъ вообще должно наблюдать слѣдующія правила, явствующія отчасти изъ первой части Риторики:

- 1) Правильность грамматическую,
 - 2) Правильность логическую,
 - 3) Красоту риторическую и
 - 4) Единство слога: для каждаго сочиненія долженъ быть избираемъ приличный ему слогъ, который можетъ иногда измѣняться, но цѣли Сочинителя, но вообще долженъ быть сохранямъ съ начала до конца.
-

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Письма.

§ 106. *Письма*, въ точномъ значеніи слова, суть разговоры, или бесѣды съ отсутствующими. Они заступаютъ мѣсто изустнаго разговора, но заключають въ себѣ рѣчи одного только лица.

§ 107. Изустный разговоръ имѣетъ свойства неприготовленнаго, непринужденнаго, безискусственнаго сочиненія — и сіи же качества составляютъ необходимую принадлежность всякаго хорошаго письма. Между ими есть однако и разность: дѣйствіе письма прочтѣе; разговоръ же получаетъ болѣе выразительности отъ голоса, которымъ произносится, и отъ сопровождающихъ оный пѣлодвиженій. Изъ сего видно, что въ письмѣ должно быть разборчивѣе въ употребленіи и расположеніи словъ, и стараться о полномъ и ясномъ выраженіи и размѣщеніи мыслей. При сочиненіи писемъ должно слѣдовать правилу: пиши такъ, какъ спалъ бы говорить въ семъ случаѣ, но говоришь правильно, связно и пріятно.

§ 108. Въ письмѣ, какъ и во всякомъ другомъ сочиненіи, должно быть одно господствующее чувство, которымъ опредѣляется главный тонъ его. Въ семъ случаѣ болѣе должно обращать вниманіе на расположеніе души того, къ кому пишемъ, нежели слѣдовать собственному; ибо нерѣдко можетъ случиться, что предметъ,

приносящій намъ удовольствіе, въ другомъ возбуждаетъ чувство совершенно противное.

§ 109. Слогъ письма зависитъ преимущественно отъ его содержанія: въ семъ отношеніи нельзя предписать общихъ правилъ. Должно только всячески избѣгать высокопарности и надутости выраженій: простота, ясность и точность лучше всѣхъ украшеній.

§ 110. Общія правила при сочиненіи писемъ суть:

- 1) Помнишь, къ кому и о чемъ пишемъ, и сообразоваться съ тѣмъ въ слогъ и расположеніи письма,
- 2) Исчислишь предварительно всѣ предметы, о которыхъ хотимъ писать, чтобы не прибавлять приписокъ, или *постскриптовъ*.
- 3) Расположишь предметы письма такимъ образомъ, чтобы не было въ немъ повтореній, и чтобы оно составляло одно связное цѣлое. Предметы, важные для того, къ кому пишемъ, помѣщаютъ въ началѣ, а касающіеся до насъ самихъ, въ послѣдствіи.
- 4) Если нужно приготоуишь читателя къ сообщаемому нами извѣстію, то должно обращать вниманіе не столько на самый предметъ, сколько на дѣйствіе, которое сообщаемое нами извѣстіе произведетъ.

§ 111. Письма вообще можно раздѣлить на письма *по предметамъ общежитія* и *литературныя*. Первые, или собственные письма, суть рѣчи, обращаемыя къ отсутствующимъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни общественной;

последнія суть повѣствованія, описанія или разсужденія, имѣющія только наружную форму письма.

I. Письма по предметамъ общежитія,

§ 112. Письмо по предмету общежитія состоитъ изъ обращенія, содержанія и заключенія.

§ 113. Обращеніемъ означается отношеніе, въ которомъ пишущій находится къ тому, съ кѣмъ переписывается. Для сего употребляются нѣкоторыя извѣстныя формы. Если пишемъ къ кому въ первый разъ, то можемъ помѣстить въ началѣ нѣкоторыя извиненія, и изложить причины, побудившія насъ писать.

Примѣчаніе. Въ Русскомъ языкѣ форма обращенія въ письмахъ къ Государю и Императорской фамиліи опредѣляется закономъ. Въ письмахъ же къ прочимъ лицамъ она есть слѣдующая: къ высшимъ насъ: *Милостивѣйшій Государь, Милостивѣйшая Государыня, Милостивый Государь;* къ равнымъ: *Милостивый Государь мой;* къ гораздо низшимъ: *Государь мой.* Въ письмахъ къ знашимъ особамъ, имѣющимъ Княжеское и Графское достоинство: *Святѣйшій или Сіятељныйшій Князь, Сіятељныйшій Графъ.* При семъ случаѣ неизлишнимъ будетъ упомянуть вообще о титулатурѣ. Военные и гражданскіе чиновники раздѣляются на 14 классовъ, которымъ приложены слѣдующіе титулы: особы 1-го класса (Генераль-Фельдмаршалы, Генераль-Адмиралы, Государственный Канцлеръ, Дѣйствительные Тайные Совѣтники 1-го класса) и 2-го (Генералы отъ Инфантеріи, Кавалеріи и Артиллеріи, Адмиралы, Дѣйствительные Тайные Со-

вѣшники) имѣють титулъ *Высокопревосходительства*; 3-го класса (Генералъ - Лейтенанты, Вице - Адмиралы, Тайные Совѣшники) и 4-го (Генералъ - Маіоры, Коншрѣ - Адмиралы, Дѣйствиельные Штабскіе Совѣшники) *Превосходительства*; 5-го класса (Штабскіе Совѣшники) *Высокородія*; 6-го класса (Полковники, флота Капитаны 1-го ранга, Коллежскіе Совѣшники) 7-го (арміи Подполковники, старой гвардіи Капитаны и Ротмистры, флота Капитаны 2-го ранга, Надворные Совѣшники) и 8-го (арміи Маіоры, старой гвардіи Штабсъ - Капитаны и Штабсъ - Ротмистры, молодой гвардіи, Артиллеріи, Инженернаго и Кадетскихъ Корпусовъ Капитаны и Ротмистры, флота Капитанъ - Лейтенанты и Коллежскіе Ассессоры) *Высокоблагородія*; 9-го (арміи Капитаны, старой гвардіи Поручикъ 1, молодой гвардіи и пр. Штабсъ - Капитаны и Штабсъ - Ротмистры, флота Лейтенанты, Тишунярыне Совѣшники); 10-го (арміи Штабсъ - Капитаны, старой гвардіи Подпоручики, молодой гвардіи и пр. Поручики, Коллежскіе Секретари); 12-го (арміи Поручики, старой гвардіи Прапорщики, молодой гвардіи и пр. Подпоручики, флота Мичманы, Губернскіе Секретари); 13-го (арміи Подпоручики, молодой гвардіи и пр. Прапорщики, Сенатскіе и Синодскіе Регистраторы), и 14-го классовъ (арміи Прапорщики и Корнеты, Коллежскіе Регистраторы) титулъ *Благородія*. Чиновники Горные означаются по классамъ. Духовныя особы имѣють слѣдующіе титулы: Митрополиты и Архіепископы: *Высокопреосвященства* (обращеніе: *Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Государь и Архипастырь*); Епископы: *Преосвященства* (*Преосвященнѣйшій Владыко*) Архимандриты и Протоіерей: *Высокопреподобія*; Іерей: *Преподобія*.

§ 114. *Содержаніе* письма вообще располагается, какъ сказано выше, § 110. По содержанию своему, которое измѣняется до безконечности, письма бывають:

- 1) *Дѣловыя*, относящіяся къ главѣ: о *дѣловыхъ бумагахъ*.
- 2) *Сочиняемыя* по требованію *благопристойности*, какъ-то *посвятительныя*, *поздравительныя*, *соболѣзновательныя*, *благодарственныя* и т. д. Въ сихъ письмахъ обыкновенно нѣтъ сильнаго или искренняго чувства, и потому сочиненіе ихъ затруднительнѣе прочихъ; между тѣмъ всячески должно избѣгать въ нихъ общихъ и обыкновенныхъ мыслей и оборотовъ (какъ, напримеръ, въ извѣстіи о чьей либо смерти, приводящъ давно и всѣмъ извѣстныя мысли о смертности и т. п.)
- 3) *Дружескія* письма легче всѣхъ прочихъ, ибо въ нихъ участвуютъ и умъ и сердце: въ сихъ письмахъ должно избѣгать *излишней чувствительности*, которая легко можетъ сдѣлаться приторною.
- 4) *Забавныя*, или шутивыя письма, имѣющія цѣлю развеселить того, къ кому пишемъ, не могутъ быть подчинены правиламъ; но вообще надлежитъ наблюдать, чтобы веселость и замысловатость не были въ нихъ изысканныя и принужденныя, чтобы предметомъ шутокъ нашихъ не были чувства и мысли важныя, и чтобы шулки сіи не оскорбили того, къ кому пишемъ.

5) Письма *поучительныя* имѣютъ цѣлю наставленіе того, къ кому пишемъ, въ какомъ нибудь важномъ или полезномъ дѣлѣ. Въ сихъ письмахъ должно избѣгать педантизма и сухости. Сіи письма относятся обыкновенно къ разряду писемъ литературныхъ.

§ 115. Письма раздѣляются еще по особамъ, къ которымъ пишемъ, на письма къ *высшимъ*, къ *равнымъ* и къ *низшимъ*: каждое изъ сихъ отношеній требуетъ особеннаго вниманія: къ высшимъ должно писать учтиво, но безъ рабства, къ равнымъ просто, но всегда благоприсойно, а къ низшимъ ласково и безъ надменности.

§ 116. Въ *заключеніи* письма полагаются увѣренія въ нашемъ почтеніи, дружествѣ и пр. Заключение сіе можетъ быть въ связи съ окончаніемъ содержанія письма. Можно придавать сему заключенію особенныя обороты, но всячески должно избѣгать натяжки и принужденности.

Примѣчаніе. И въ заключеніи, какъ приступѣ, наблюдаются введенныя обычаемъ формы. Въ письмахъ къ знатымъ особамъ пишутъ: *Свѣтлѣйшій Князь* или *Сіятельныйшій* или *Графъ*, *Вашей Свѣтлости* (*Сіятельства*) *всепокорнѣйшій слуга*, и т. д. (см. примѣчаніе на стр. 56). Къ высшимъ пишутъ: *имѣю честь пребыть съ глубокайшимъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностію, съ истиннымъ высокопочтеніемъ* и т. д., смотря по нашему къ нимъ отношенію; къ равнымъ: *съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію*; къ низшимъ просто: *пребываю съ почтеніемъ* и т. д. Впрочемъ и сіи формы измѣняюші-

ся до безконечности. Въ заключеніи писемъ къ духовнымъ особамъ, испрашивающъ ихъ *Пастырскаго* (или *Архипастырскаго*, смотря по ихъ сану) *благословенія*.

§ 117. Въ письмахъ, служащихъ *отвѣтомъ*, должно наблюдать слѣдующее:

- 1) Въ началѣ сослаться на то письмо, на которое отвѣчаемъ, съ означеніемъ его числа.
- 2) Отвѣчать на всѣ пункты, о которыхъ къ намъ писано, и именно, если можно въ томъ же порядкѣ. Сіе правило измѣняется при наблюденіи замѣчанія § 110 No 3. Сверхъ того должно писать о предметахъ важныхъ сначала, а маловажные соединить въ одинъ періодъ въ концѣ отвѣта, чѣмъ письмо не сдѣлалось слишкомъ длиннымъ.

§ 118. Короткія письма, которыя пишемъ къ пріятелямъ, живущимъ въ одномъ съ нами городѣ, называются *записками*. Онѣ заключающъ въ себѣ обыкновенно краткія извѣщенія, приглашенія, вопросы и пр. Въ нихъ не соблюдается особенной формы. Просиона и естественность суть главныя ихъ качества; но человекъ со вкусомъ и въ небольшой запискѣ умѣетъ говорить умно и съ чувствомъ.

II. Письма литературныя.

§ 119. *Письма литературныя*, какъ сказано выше (§ 111), суть разнаго рода сочиненія, имѣющія только наружную форму письма, которая избирается для того, чѣмъ Авторъ могъ имѣть болѣе свободы въ расположеніи и выраженіи своихъ мыслей.

§ 120. Предметомъ писемъ литературныхъ могутъ быть: повѣствованія о неважныхъ случаяхъ, описанія (преимущественно путешествій), критическія разсужденія, сообщеніе главныхъ понятій о нѣкоторыхъ предметахъ Наукъ, особенно говорящихъ сердцу и воображенію, и т. п. Всѣ сіи предметы излагаются въ письмахъ безъ наблюденія строгихъ правилъ Науки, но съ непринужденностію и простою, необходимыми качествами писемъ.

§ 121. Слогъ писемъ литературныхъ совершенно подобенъ слогу писемъ въ общежитіи употребляемыхъ; но такъ какъ сіи письма назначаются преимущественно для печати, то языкъ въ нихъ долженъ быть правильнѣе, нежели въ первыхъ. Форму заимствуютъ они обыкновенно у писемъ дружескихъ къ особамъ, намъ равнымъ.

§ 122. Лучшія письма на Русскомъ языкѣ писали *фонъ-Визингъ*, *Карамзинъ* и *Муравьевъ*. Письма перваго изъ нихъ не имѣютъ особенной правильности и обработки, потому что не были назначены къ печати. Письма *Ломоносова* имѣютъ всѣ качества хорошихъ писемъ; только языкъ въ нихъ устарѣлъ.

Примѣчаніе. Въ предлагаемыхъ нами для примѣра письмахъ не соблюдено раздѣленія на употребляемые въ общежитіи и литературныя, потому что границы между сими двумя видами весьма неопредѣленны, и что въ первомъ изъ нихъ имѣемъ мы весьма мало напечатанныхъ образцовъ. Предлагаемъ же образцы, сочиненные нами самими, почли мы неудобнымъ и неприличнымъ.

П Р И М Ъ Р Ы.

I. Письмо ЕКАТЕРИНЫ II къ Доктору Циммерману.

Вѣкъ Мой напрасно страшился Меня. Я никогда не хотѣла ужасать, а желала только быть достойною любви и почтенія, и прини-
сывала злословіе единственно тому, что Меня не разумѣли. Я знала многихъ людей, которые были оспроумиѣ Меня, но не знала зависти и злобы. Мое удовольствіе и желаніе состояло въ томъ, чтобы дѣлать всѣхъ счастливыми; но какъ всякой хочеть быть по своему счастливъ; то желаніямъ Моимъ встрѣчались иногда препятствія. Славолюбіе Мое не имѣло въ себѣ ничего вреднаго и ненавистнаго; но можеть быть, что Я ошибалась въ Своихъ намѣреніяхъ, надѣясь сдѣлать людей благоразумными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій вообще склоненъ къ безумію и несправедливости, съ которыми мудрено найти благополучіе въ жизни. Когда бы люди слѣдовали во всемъ умъ и добродѣтели, то они могли бы обойтись безъ насъ. Я любила Философію, любя сердечно добродѣтели республиканскія, которыя кажутся несогласными съ Моею неограниченною властію: за то никто въ Россіи не можеть сказать, чтобы Я употребляла во зло власть Свою. Искренно люблю также Искусства и Словесность. Собственные Мои сочиненія почишаю бездѣлками. Я писала съ удовольствіемъ въ разныхъ родахъ: Мнѣ кажется все посредственнымъ; но Авторство служило для Меня только забавою. Въ политической системѣ Я слѣдовала всегда тому плану, который казался мнѣ полезнѣйшимъ для Моего Государства и безвреднѣйшимъ

для другихъ; если бы знала лучшей, то предпочла бы его. Европа безъ нужды боялась Моихъ намѣреній: они клонились къ ея истинной пользѣ. Мнѣ часто платили неблагодарностію, но никто не можетъ доказать Моей неблагодарности. Я нерѣдко мстила Своимъ врагамъ прощеньемъ и благодѣяніями. Вообще, человѣчество имѣло во Мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ. . . .

Перев. Карамзинъ.

II. Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову.

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что Г. Профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ же точио обществельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля въ 26-е число, въ первомъ часу по полудни, поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочино силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотривъ, не видалъ я ни малаго признака электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искръ, и къ тому пришла моя жена и другіе, и какъ я, такъ и они, безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута допыкались, зашѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, прошивъ которыхъ покойный Профессоръ со мною спорилъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза, и искры прещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали, и жена

просила, чтобы я прочь шла. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что щипростынутъ, а при этомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человекъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ, въ страхъ и запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ побилъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной скорости, какъ спѣхъ было много, пріѣхавъ я, увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать шаковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣщенной ливни съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновидное пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, затѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочешь. Между тѣмъ умеръ Г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ; но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ

надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, а другая около полугоду, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачущъ. Того ради, Ваше Превосходительство, какъ истинный Наукъ любитель и покровитель; будьте имъ милосливый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего, маленькаго Рихмана; могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ Наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублей. Милосливый Государь! нехотѣйши вы бѣдной вдовѣ его и дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградишь; и я буду больше почитать, нежели за свое. Между нѣмъ; чтобы сей случай не былъ пропущенъ противу приращенія Наукъ; всепокорнѣйше прошу миловать Науки и

Вашего Превосходительства;

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ.

Санктпетербургъ;

Юля 26. 1753.

III. *Письмо Фонъ-Визина къ его пріятелю о планѣ Россійскаго Словаря.*

Мучительная головная боль цѣлая двѣ недѣли меня не покидала, и препятствовала мнѣ отвѣчать на дружеское письмо ваше отъ 7 сего мѣсяца. Позвольте васъ некрѣпно поздравить какъ съ табакеркою, такъ и со всеобщей похвалою вашему переводу, котораго экземпляръ получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствіемъ.

Теперь лежатъ у меня предъ глазами примѣчанія И. . . . Н. . . . Б. . . . на начертаніе нашего Словаря. Я въ сіе дѣло не мѣшаюсь; потому, что Академія представленія его почини

всѣ уже приняла (*); начертаніе перемѣнено, и собственно все дѣло кончено. Починаю рѣшеніе Академіи, но чтобы имѣть удовольствіе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣніе мое о сихъ перемѣнахъ. Посвящаю вамъ цѣлое утро; боюсь только, чтобы манерія моя не завела меня далеко, и чтобы письмо мое не сдѣлалось тетрадью. Въ такомъ случаѣ прошу васъ дружески, его не дочитывать; я лучше хочу не быть чинанъ, нежели быть скученъ, а всего болѣе прошу васъ не дѣлать изъ всего письма никакого употребленія, въ чемъ на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Собственные имена оппюдь не составляютъ существа языка, и уменьшительная ихъ еще меньше, и если Ивану нѣтъ мѣста въ Лексиконѣ, тѣмъ менѣе Ванькѣ такая прешензія прилична. Что же касается до увеличительныхъ, будио духовными особами употребляемыхъ, то я оиъ роду не слыхивалъ, чтобы собственный имена имѣли когда нибудь увеличительныя. Знаю, что бываютъ они полныя и сокращенныя, напр. Іоаннъ, Иванъ; но не думаю, чтобы какой нибудь Архіерей называлъ себя когда нибудь смиренный Іоаннище. Буде имя Іоаннъ для того увеличительное, что содержишь болѣе слоговъ и буквъ нежели Иванъ, то по сему правилу Василіса было бы увеличивательное Вассы. Я не сшану говорить объ Акулинѣ, которая лишло имени увеличительнаго никогда не согласится изъ доброй воли уступитъ Акилинѣ, имѣя съ нею равное число буквъ и слоговъ.

Если полагаешь, что уменьшительныя имена собственныхъ принадлежатъ къ нашему Слова-

(*) Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ, и по неосновательному слуху заключилъ, что Академія положила принять сіи примѣчанія; но вмѣсто того она опредѣлила прочитывать только ихъ въ публичномъ собраніи, не перемѣняя ни мало общаго плана.

рю, то безъ сомнѣнія принадлежатъ къ нему и происходящія отъ собственныхъ прилагательныхъ; напр. отъ Петра Петровъ; отъ Никиты Никитинъ, равнымъ образомъ и отчества, напр. Кузмичъ, Матвѣичъ, Кузминична, Матвѣевна. Разсудите, не грѣшно ли терять время на такія безплодныя упражненія?

Академія положила принять въ Словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное, и которое нѣтъ? — Всякой за свое имя вспунится. Въ нашемъ домѣ Осипъ, въ моемъ Денисъ весьма употребительны, и мнѣ кажется, что всякое имя нарекается Христіанину при святомъ крещеніи поочино для того, чтобъ оно было употребительно. Върьте мнѣ, что буде въ Лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими уменьшительными, привѣстственными, уничижительными и проч. составятъ въ Словарь нашемъ однихъ Петрушекъ, Ванюшекъ, Анютокъ, Марѳутокъ, по крайней мѣрѣ не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ Лексиконѣ! Что нѣкоторыя собственные имена употребляются въ пословицахъ, то не составляетъ пріищъ къ помѣщенію ихъ въ Словарь нашей Академіи. Все такія пословицы, гдѣ есть Сенюшки и Фили, весьма низки и убоги и выраженіемъ; желательнѣе, чтобъ онѣ вовсе были забыты.

Между *резонами* для принятія въ Словарь именъ собственныхъ, Академія уважала (*), что въ древнихъ нашихъ челобитныхъ и производ-

(*) Авторъ все сіе говоритъ объ Академіи, основываясь на дошедшемъ до него несправедливомъ слухѣ. — Разумѣется, что Фонъ-Визинъ не употребилъ бы слова *резонъ*, если бы онъ писалъ для публики и для печати. — *Примѣанія Издателя Вѣстника Европы.*

„схвахъ просители употребляли имена уменьшительныя.“ Но уваживъ сей резонъ, приняла совѣтъ, коли смѣю сказать, противурѣчащее ему правило: внести въ Словарь собственные имена только самыя употребительныя. Неужели въ нашей древности могъ подаваться челоभिшь потъ только, кто назывался напр. Иваномъ или Петромъ? Я увѣренъ, что Гурій и Варсонофій равное съ ними имѣли право, а по сему резону, если собственные имена въ Словарь принимаешь, то принимаешь всѣ: въ какомъ случаѣ безплодное приращеніе Словаря, простираясь еще на нѣсколько фоліантовъ, опдало бы благополучное онаго окончаніе на безконечныя вѣки.

Имена Фила, Федора, конечно въ Словарь нашъ внесены быть должны, — но не какъ имена собственные, а какъ имена, употребляющіяся въ метафорическомъ смыслѣ. Я желалъ бы еще, чтобы помѣщены были всѣ, содержащія метафорическій смыслъ собственные имена особъ, прославившихся въ Исторіи, какъ добродѣтелями, такъ и пороками. Я желалъ бы, напримѣръ, чтобы въ Словарѣ нашемъ было истолковано, что имя Неронъ заключаетъ въ себѣ идею лютаго тирана, Тимъ Государя милосердаго, Сардапаль тирана сладостраснаго; что Золотъ именуется злобный и презрительный Крипикъ; что имя Каннина сдѣлалось титломъ высокоумнаго врага опечеству. Симвъ образомъ потомство судить дѣянія своихъ предковъ. Таковъ судъ есть достойное возмездіе порока, достойная награда добродѣтели. Сіе нечувствительно обращаетъ мысль мою на счастье нашего времени; ибо нѣтъ сомнѣнія, что когда опдаленнѣйшіе потомки спанутъ читая новыя грядущихъ временъ изданія нашего толковаго Словаря, уже найдутъ они въ немъ имя Екатерины въ разумъ слова, знаменующаго премудрую Монархиню.

Г. Сочинитель примѣчаній въ одномъ мѣстѣ говоритъ, „что нынѣшній Лексиконъ Французской Академіи признается отъ всѣхъ вообще лучшимъ Словаремъ.“ Я самъ того же мнѣнія, и весьма согласенъ держаться всего, что въ немъ наблюдаемо. Тогда бы въ нашемъ Словарѣ не было ничего лишняго: въ немъ не найдемъ вы ни Anne, ни Annette, ни Pierre, ни Pierrot.

Въ слѣдствіе примѣчаній, Академія опредѣлила внести въ Словарь названія Государствъ, столицъ и знамѣйшихъ Россійскихъ городовъ. Если бы я случился тогда съ вами, то взялъ бы смѣлость поспорить. Теперь въ Словарь нашъ войдетъ, напримѣръ, Франція. Сдѣлаемъ ей дефиницію крапчайшую: „Франція есть большое Европейское Государство, окруженное Нидерландами, Германіею, Швейцаріею, Савойскою землею, Средиземнымъ моремъ, Пиренейскими горами и Океаномъ. Оно находится между 13 и 26 градусами долгошы, и между 42 и 51 градусами широты.“ Пожалуйте скажите, положеніе Франціи, счетъ градусовъ долгошы и широты ся, составляетъ ли существо Славяно-Россійскаго языка? Мнѣ кажется, что нашедъ въ нашемъ Словарѣ сію дефиницію, я такъ же бы удивился, какъ если бы въ Словарѣ Географическомъ нашедъ, что „Франція есть имя собственное, числа единственнаго, рода женскаго.“ Г. Сочинитель примѣчаній говоритъ, что знаніе положенія земель весьма полезно: безъ сомнѣнія; но я увѣренъ, что онъ же признаетъ полезнымъ и знаніе Грамматики: слѣдуетъ ли же изъ того, чѣмъ въ Географію захала Грамматику, а въ Грамматику Географію? Мнѣ кажется, всякая вещь должна быть въ своемъ мѣстѣ. Всего бы лучше держаться и въ семъ случаѣ Лексикона Французской Академіи. Въ немъ не найдемъ вы ни France, ни François, ни Angleterre, ни Anglais. Найдемъ Juif; но съ слѣдую-

щимъ примѣчаніемъ: Juif subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploie figurément en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête à usure, etc.

Я весьма согласенъ дать въ семь разумъ Жиду мѣсто и въ нашемъ Словарѣ, но не пускаю въ него Іудеанина.

Въ разсужденіи техническихъ терминовъ, Г. Сочинитель примѣчаній, кажется, весьма недоволенъ нашимъ начертаніемъ. Онъ, „воображаетъ себя Россіянина, который, ухватясь за нашъ Словарь, ищетъ въ немъ словъ: *абберраціа*, *перигей*, *эпакта*, *архитрава*; предсказываетъ себя досаду его, когда онъ, рывшись повсюду, не найдетъ въ немъ искомыхъ словъ; какое справедливое будетъ его негодованіе на Сочинителей, какъ они въ винѣ своей останутся безмолвны!“ Если бѣ сія несчастная сцена при мнѣ приключилась, я не далъ бы ей долго продолжаться: раскрылъ бы при немъ нашъ Словарь, указалъ бы ему въ немъ *абберрацію*, *перигей*, и спросилъ бы его безъ чиновъ: „да за что же ты бранишься?“ И дѣйствительно, если Словарь дѣланъ будетъ по начертанію, то каждое изъ сихъ въ своемъ мѣстѣ найдется. Въ начертаніи исключаются только названія техническія, кои однимъ ученымъ извѣстны; но какъ многимъ не Астрономамъ извѣстны: *абберрація* и *перигей*; многимъ не Хронологамъ знакома *эпакта* (*) многіе не Архитекторы знаютъ, что *архитрава*, то въ силу начертанія всѣ сіи слова должны непременно имѣть мѣсто въ нашемъ Словарѣ. Буде же кто захочетъ искать въ немъ названій напр,

(*) Смыслъ *абберраціи* выражается Русскимъ словомъ *уклопеніе*: слѣдственно можно и не ставить Латинскаго слова, но Греческія *эпакта* и *перигей* должны безъ сомнѣнія войти въ Лексиконъ.

каждой корабельной веревочки, и не нашедъ ихъ, изволивъ разсѣрдиться — пусть его гнивается! Мы не виноваты, если кто въ Словарь нашемъ не найдетъ того, чего искать въ немъ не должно.

Je reviens toujours à mes moutons. Станемъ держаться Лексикона Французской Академіи; въ немъ есть aberration, périgée, éclipse, architrave; но со всѣмъ тѣмъ Сочинители наблюдали строго правило: de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élémentaires des sciences, des arts, et même ceux des métiers, qu'un homme de lettres est dans le cas de trouver dans des ouvrages, où l'on ne traite pas expressément des matières, auxquelles ces termes appartiennent.

Далѣе въ примѣчаніяхъ нашелъ я слѣдующее, совсѣмъ отличное разсужденіе: „Провинціальные слова, неизвѣстные или неупотребляемые въ столицахъ, напрасно изгоняны изъ Словаря; ибо нѣкоторые изъ нихъ послужаютъ къ обогащенію языка, какъ оны сунь; луда, шундра и проч.“ Правда, что если бѣ въ начертаніи такое изгнаніе предписано было, можетъ быть, въ Словарь нашемъ не было бѣ ни луды, ни шундры. Воля Господня! и шумъ бѣда была бѣ не велика; но какъ именно сказано въ начертаніи, что „должны имѣть въ Словарь мѣсто все тѣ провинціальные слова, кои служатъ къ обогащенію нашего языка:“ то буде луда и шундра очень хороши (*), найдутъ и они мѣсто въ нашемъ Словарѣ.

Академія нынѣ рѣшилась, „составить глаголы, какъ то и должно было, въ первомъ лицѣ настоящаго времени; ибо многіе, разное знамено-

(*) Сибирское слово *тундра* должно быть въ Русскомъ Лексиконѣ; ибо никакимъ другимъ мы не означаемъ обширныхъ, низкихъ, безлѣсныхъ равнинъ, заросшихъ мхомъ, о которыхъ можешь говорить Поэтъ, Географъ, Путешественникъ, описывая Сибирь и берега Ледовитаго моря; но въ *лудѣ*, кажется, нѣтъ большой нужды. — Прим. Изд. В. Е.

ваніе имѣющіе, глаголы одинаково пишутся въ неопредѣленномъ, напр. *жну, жать и жму, жать*. — Не понимаю, почему глаголы такъ ставились должно было; увѣренъ я напрошущаго, что въ нашемъ языкѣ весьма мало сыщется глаголовъ подобныхъ *жну, жать и жму, жать*. Противъ каждаго изъ нихъ берусь выставить другой, который, имѣя разное знаменованіе, пишется въ первомъ лицѣ одинаково, напр. *ла- ать, лажу и ла- ать, лажу, лѣть, пою, поить, пою*. — Есть хорошіе Лексиконы, гдѣ глаголы ставятся въ первомъ лицѣ; есть очень же хорошіе, гдѣ они ставятся въ неопредѣленномъ. Въ сей перемѣнѣ не вижу никакой выгоды; но вижу замѣшательство, и весьма великое; ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержитъ глаголы въ неопредѣленномъ. Теперь надобно переводить ихъ на новыя квартиры: *быть* изъ литеры Б опрavitить въ литеру В, *есмь*; *сла- ать* изъ литеры С въ литеру Ш, *шлю*, и проч.

Главнѣйшее примѣчаніе ошлось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то есть: расположить Словарь аналогическимъ ли порядкомъ, или этимологическимъ? Резоны противъ начертанія кажутся мнѣ ни мало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй Словарь, но есть истинная и полезная *Table des matières* (*) нашего толковаго Словаря. Неужель состоящая въ двухъ томахъ подобная таблица Словаря энциклопедическаго есть вторая Энциклопедія? Г. Сочинитель примѣчаній говоритъ, что „въ этимологическомъ Лексиконѣ нашею *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь въ ней слово, какъ по прочтеніи ея съ начала до конца.“ Сіе *иногда* случается не рѣже и съ Лексикономъ аналогическимъ: но и въ томъ и въ дру-

(*) Означеніе содержанія.

гомъ нѣтъ конечно нужды читать страницу съ начала до конца; а надобно ее обозрѣть, потому что не въ естествѣ вещей въ одинъ мигъ попадать глазами на искомое слово. Что же надлежитъ до перваго изданія Лексикона Французской Академіи, который былъ этимологическій, но конечно неудобности его были весьма велики; ибо не было при немъ той таблицы, которая всѣ неудобства отвращаетъ, и которая будетъ при нашемъ Словарѣ. Впрочемъ я то знаю, что изъ Словаря этимологическаго шестидесять подъязычъ въ одинъ годъ сдѣлають Словарь аналогическій, а изъ Словаря аналогическаго шестидесять Членовъ Россійской Академіи ни въ пять лѣтъ не сдѣлають Словари этимологическаго (*).

Письмо мое несомно длинно. Чувствую, что нѣтъ въ немъ ни складу, ни ладу; но я пишу къ другу. Надѣюсь отъ него такого снисхожденія, съ какимъ искреннимъ почтеніемъ и преданностію пребываю вамъ — и проч.

Фонъ - Визинъ.

IV. Письма Морица изъ Италіи.

Верона. 3 Октября 1786.

Тамъ стало здѣсь, любезный другъ мой! Зубчатые Тирольскія Альпы, черезъ которые мы разными излучинами пробирались, теперь позади насъ; и я спустилъ ногу на ту землю, куда давно уже неслися мои мысли, которая давно прельщала мое воображеніе своими памятниками прошедшаго, окруженными вѣчнозелены-

(*) Это отчасти справедливо; не всѣ люди догадываясь, что надобно искать, напримѣръ, *облака* въ литерѣ В. Многіе должны рыться во всѣхъ аналогическихъ таблицахъ, чтобы отыскать это слово. — Прим. Изд. В. Е.

ми дугами, и возбуждала во мнѣ желаніе *пиль-
еримствовати*, видѣть нѣ свящія мѣсна, гдѣ
человѣчество являлось нѣкогда на высшей степе-
ни совершенства, гдѣ каждая душевная спо-
собность цвѣла и плодъ приносила, и гдѣ по-
чти всякое мѣсто означено какимъ-нибудь вели-
кимъ происшествіемъ или славнымъ дѣломъ, со-
храненнымъ для насъ Исторіею.

Но я сѣшу туда, гдѣ на семи холмахъ сіяло
нѣкогда величайшее и славнѣйшее всего, что
есть на Земномъ шарѣ; гдѣ еще и теперь, сре-
ди великолѣпныхъ остатковъ древности, жи-
ветъ Искусство, какъ въ своей отчизнѣ. Отсюда
да устремлю я взоръ свой на сей обширный
театръ; отсюда начну мои странствія.

И такъ не прежде, какъ изъ Рима, могу
писать къ тебѣ подробно. Теперь я не путеше-
ствую; теперь спѣшу единственно къ цѣли
моего пилигримства, къ предмету моихъ огнен-
ныхъ желаній, къ тому мѣсту, которое на нѣ-
сколько времени будетъ моею отчизною.

Прибытіе мое въ сію прекрасную землю
кажется мнѣ еще сновидѣніемъ. — Вчера ночью,
за нѣсколько миль отъ Вероны, изломилось у
насъ колесо. По близости не было ни одной де-
ревни, и мы не прежде, какъ черезъ нѣсколько
часовъ, могли исправить свою коляску.

Я сѣлъ на камень подлѣ дороги — вѣялъ
пріятный вѣтерокъ, и мало по малу предметы
стали видимы. Передо мною былъ садъ; на де-
ревахъ висѣли зрѣлыя виноградныя кисти.

Пришелъ хозяинъ съ лѣсниццею, и началъ
снимать виноградъ.

Фуры, нагруженные виномъ, ѣхали мимо;
ихъ везли быки, увѣчанные зеленью; мальчики
сидѣли на бочкахъ верхомъ, кричали и рѣзались.

Мракъ, которымъ еще освѣялись окружаю-
щи, все оіе приблизилъ, такъ сказавъ, къ душѣ
моей, подобно какъ любезную мечту сновидѣній;

и теплый воздух заставилъ меня забыть, что я сижу подъ открытымъ небомъ, ночью и въ полѣ.

И такъ чувства мои дѣйствительно наслаждались крошкѣмъ Италіянскимъ климатомъ, неразлучнымъ въ нашихъ мысляхъ съ другими красотою сей земли! — На восточномъ небѣ показывались первые лучи утренней зари: на что обратилъ вниманіе наше одинъ изъ людей, пришедшихъ помогать намъ. Воображая здѣшній пріятный климатъ, всякій съ удовольствіемъ воображаетъ и пріятные звуки Италіянскаго языка, который слышалъ я тогда въ первый разъ въ его отечествѣ.

Спановилось ясное, и вдали открылись высокіе кипарисы, виноградомъ увѣчанные пригорки, разнообразныя *сцены*, различныя красоты Природы.

Я думалъ о тебѣ, и живо чувствовалъ разстояніе между нами, сидя подлѣ дороги на Веронскомъ полѣ, и видя зарю перваго утра на свѣтлоголубомъ небѣ Италіи.

Верона, 3 Окт.

Амфитеатръ занимаетъ обширную площадь и окруженъ низенькою стѣною. Дѣйствительный видъ его не совсѣмъ опивчается воображенію, которое обыкновенно любитъ все возвышать, увеличивать, . . .

Однако жъ дѣйствительность имѣетъ свои права. Видъ проспаго величества скоро беретъ верхъ надъ всякимъ увеличеннымъ воображеніемъ, которое подобно туману расфвается, уступая вѣрному измѣренію глаза.

Съ арены (или мѣста сраженій, усыпаннаго пескомъ) смотрю вверхъ, туда, гдѣ вышнія ступени ограничиваютъ горизонтъ, и гдѣ развалины, пресѣкаясь въ воздухѣ, составляютъ нѣчто живописное. — Видъ съ верхнихъ ступе-

ней внизъ до арены, подобно какъ въ глубокую яму, дѣлаешь совсѣмъ пропавшее впечатлѣніе.

Маленькій новый театръ съ занавѣсомъ и кулисами, построенный на аренѣ, весьма несообразенъ съ величественнымъ своимъ окруженіемъ. Прежде строили мѣсна для театра, а здѣсь построенъ театръ для мѣсна.

Нынѣ послѣ обѣда осматривалъ я Веронскія окрестности, гулялъ на шѣхъ лугахъ, гдѣ нѣжнѣйшій Кашула игралъ въ своемъ младенчествѣ, и гдѣ юный духъ его воспитывался Природою.

Сей древній городъ съ мостами своими представлялъ издали хорошую картину; но входя въ него, видишь почти вездѣ узкія и кривыя улицы, въ которыхъ однакожъ довольно живописи, происходящей всего болѣе отъ того, что ремесленники работающіе не въ домахъ, а въ открытыя лавкахъ, нѣкоторые даже на улицѣ передъ домомъ.

Мантуа, 5 Окт.

„Здѣсь, говорятъ Дафнисъ въ Виргиліевой Эклогѣ, здѣсь, когда есть у тебя время, успокойся въ тѣни, Мелибей. Быки сами прійдутъ сюда утолить свою жажду. Здѣсь Минцій покрываетъ нѣжнымъ проситникомъ зеленой берегъ, и рой пчелъ жужжитъ на священномъ дубѣ.“

„Мелибей соглашается, оплагаетъ на время работу свою, и садится въ тѣнь, чтобы слушать пѣніе двухъ пастуховъ, и рѣшитъ, который поетъ лучше.“

Я также, держа въ рукѣ моей Поэта, останавливаюсь на прекрасномъ берегу Минція, образующаго въ своемъ извивистомъ теченіи маленькіе острова, на которыхъ въ частомъ зеленомъ кустарникѣ пасутся стада, и которымъ нѣжный проситникъ служилъ опускою.

Передо мною возвышается городъ съ своими башнями, на лѣвой сторонѣ большая пло-

тина, а вокругъ меня зеленые дуга, по которымъ извивается тихая рѣка.

Все оживаетъ, все дѣлается настоящимъ въ моихъ мысляхъ. Образъ древности созерцается въ сей прелесной окружности. Мѣсна, воепѣшныя Спихопворцемъ, не перемѣнились.

Мантуа, 6. Окт.

Я ходилъ пѣшкомъ въ отчизну *Виргиліеву*, въ деревню *Піетролу*, которая прежде называлась *Андесомъ*, и до которой отъ города не болѣе двухъ *Италіянскихъ* миль.

Мы вышли изъ *Виргиліевыхъ* воротъ на плотину болота, окружающаго городъ, и производимаго прекрасною, древними *Спихопворцами* воспѣшою рѣкою *Минциемъ*.

Дорогою вожагой мой говорилъ безпрестанно о *Виргиліевомъ* гротѣ (*la grotta di Virgilio*), обѣщая мнѣ показать его. — Пришедши въ деревеньку *Піетролу*, купили мы хлѣба, каштановъ, винограду, и сѣли обѣдать на улицѣ. Тутъ окружили насъ крестьяне, и говорили что иностранный господинъ желаетъ конечно видѣть *Виргиліевъ* гротъ, находящійся недалеко отъ деревни въ *Герцогскомъ* звѣринцѣ, который называется *Вирджиліана*.

Путешественники напвердили крестьянамъ о славномъ ихъ землякѣ. Они знаютъ, напримеръ, что онъ былъ великій Поэтъ, жилъ во время Императора *Августа* и умеръ въ *Неаполѣ*.

Герцогскій звѣринецъ представляетъ самую жалкую картину; все запущено, брошено, пусто. Гротъ, который былъ цѣлю моего путешествія, не существуетъ; показываютъ только мѣсто его, гдѣ я увидѣлъ нѣсколько старыхъ бочекъ и множество крапивы. Тутъ, говоря, уединялся *Виргилій* въ своей юности и сочинялъ первые стихи. Теперь нѣтъ и слѣдовъ сего святилища.

Карамзинъ.

V. Письма Русскаго Путешественника.

Берлинъ; Юля 4, 1789.

Вчера въ шестъ часовъ утра поѣхали мы съ Д* верхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокий песокъ, и ни какихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ штакпирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однако жъ въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойный Король, живучи въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое украшено Римскими колоннадами, училась гвардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроень; въ большой, такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, стрѣнныхъ отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ; и на собственныя деньги покойнаго Короля: онъ дарилъ ихъ, кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимающія солдатами. Жителѣй очень мало: причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцемъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразишь, что цѣлый домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятнадцать рублей въ годъ; да и то нанять не кому. На дверяхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Коротко сказать, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не

Можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустыны!

Въ Понсдамъ есть Русская церковь подъ надзираніемъ сшараго Русскаго солдата, который живётъ тамъ со времени царствованія Императрицы А н н ы. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлый старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Русски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ поварницею между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Русски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился; сказалъ онъ: или я, можешь быть, забываю его.“ И то и другое правда, опивчали мы. „Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ: и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нынѣ праздника.“ Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ сполько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося сшарца, который по Воскресеньямъ приходящій туда читаетъ святейшую изъ книгъ, приговѣляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукъ. Отъ времени до времени сшарикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. „Часто онъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже недалеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.“ — Съ полчаса побыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему — тихой смерти.

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное; птички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долигѣ, по кошорой течетъ крошкая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественный городъ, и обширная плодородная долина, сославляющъ великолѣпный видъ. — Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ кошорому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень ласково, и вызвался было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденъ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдовательно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо ширѣ. Жителей считается въ Дрезденъ около 35.000: очень немного по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденъ Прусскими ядрами въ 1760 году. — Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемый *Новый городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсмаптываніемъ пріятной картины, кошорую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы. — Сей мостъ, длиною въ 670

шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновеній.

Господинъ II^е хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галлерей, которая почищается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить: не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно на то, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галлерей. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаэлеву Марію (которая держитъ на рукахъ Младенца, и передъ которою стоятъ на коленяхъ С. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву *Ночь*, о которой столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляюшся смѣси свѣта со тмою; Микель-Анджелову картину, представляющую осужденнаго на смерть человека, и вдали городъ; картины Юлія Романа: Пана, который учитъ на флейтѣ молодого пастуха; играющую Цецилію, окруженную Святыми, и проч. — Веронезовы: воскресеніе, похищеніе Европы, и проч. — Караччьевы: Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со Младенцемъ, Матѳеемъ и Іоанномъ, и проч. — Тинтореттовы: Аполлона съ Музами; паденіе Ангеловъ, и проч. — Бассановы: Израильскій народъ въ пустынѣ, Ноево семейство, и проч. — Джіордановы: похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч. — Розовы: собственный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими. — Пуссеневы: Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ, который смотрится въ

воду, и еще другой, гдѣ спитъ Нимфа, которую разсмаприваютъ изъ задерева двое мужчинъ. — Рубенсовы: сидящую Марію съ Младенцемъ, которому Ангелы подають плоды; Спирашій Судъ, Христа спящаго на корабль во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая съчепъ лозою; Нептунъ, укрощающаго море и проч. — Фанъ-Диковы: изображенія Королей Карла II и Якова II; Иеронима, у ногъ котораго лежишь левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективны и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять. — Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую галерею изъ Моденской, напр. Корреджіева *Ночь*. Августъ III, Польскій Король, былъ великій любитель Живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзирашеть сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли изъ галереи картинъ десятокъ, и при томъ самыхъ лучшихъ; но что, къ счастью, воровъ скоро опыскали, и картины возвратились на прежнее свое мѣсто. — Выходя, вручилъ я Господину Надзирашелю Голландскій червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую зеленую кладовую (*das grüne Gewölbe*), или собраніе драгоценныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтъ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфюрста я послѣ сказалъ: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно заплашеть Голландскій червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знашій Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфюрсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлерей и зеленой кладовой, пренія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть Библіотека, и всякій путешественникъ, имѣющій нѣкоторое пребываніе на ученость, счищаетъ за должность видѣть ее, т. е. взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *Какая огромная библіотека!*

Лейпцигъ, Іюля 16.

Нынѣ по утру слышалъ я эстетическую лекцію Доктора Плашнера.

Эстетика есть *Наука вкуса*. Она практикуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартъ первый предложилъ ее, какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ Науку, которая — осматривая Логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственного, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, Эстетика учить наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушающими, такъ, что нѣгдѣ было унести яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Плашнеръ говорилъ уже на кафедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о геніи. Геній, сказалъ онъ не можешь заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ Науры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его Наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими Науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ особливую способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видить связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не

видишь; и потому часто находишь важнымъ то, что обыкновенному человѣку котораго взоръ простирается недалеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью испорченныхъ бумагахъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи — Брауншвейгскаго Дома! Но проникательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще. — Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка видѣнь особый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставляю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ бытъ его ходатаемъ! Съ сей минутой перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества? — Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ геніевъ. Если бы можно было извлечь его, наприм., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Иерусалемовой книги о Религіи, то въ первыхъ оспалось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенныя догматы Теологіи; но, одушевляемые симъ огнемъ, возвышаются они душу читающаго.“ —

Планиеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почищаютъ, какъ его. — Когда онъ сошелъ съ кафедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. . . .

Юля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на правую бальзамическаго луга, наслаждался утвромъ, — и былъ счастливъ!

Солнце взошло высоко, и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовашь, что полдень не далеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой кресныянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе. — „Тамъ, на правой сторонѣ большой домъ съ садомъ.“ —

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы — другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, который ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія — Вейсе проводилъ дѣло въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу, и видѣлъ въ окно, какъ любезный хозяинъ, маленькій человѣчекъ въ красномъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спустился къ дому по аллеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Москвитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъливой, любезный Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами! — Ему уже слишкомъ шестидесятъ лѣтъ; но румяное и свѣжее лицо его не показываетъ ни пятидесяти — и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ — и въ такой жаръ: подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга Дѣтей* переведены на Русскій, и нѣко-

торыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ иѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердець. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видимую пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издаетъ нынѣ *Переписку фамиліи Друга Дѣтей*, пріятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ; однако жъ безъ всякаго приниженнаго смиренія, которое для меня такъ же противно, какъ и самохвальство. — Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое счастіе! „Благодарю Бога, сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкуснѣе въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое счастіе совершеннымъ, если бы Небесная Благость возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей не помогаетъ.“ — Однимъ словомъ, если я любилъ Вейсе какъ Автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человека.

У него есть рукописная Исторія нашего Театра, переведенная съ Русскаго. Г. Дмитревскій, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Русскихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкій, и подарилъ Господину Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. „Путешествуйте счастливо, сказалъ онъ, и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однако жъ я постараюсь еще

увидѣвшись съ вами въ Лейпцигѣ. “ — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонпеновъ стихъ: *sa fin* (и. е. конецъ мудраго) *est le soir d'un beau jour* — и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть счастье для того, въ комъ не загроубѣло чувство добра.

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины — гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливается весь шукъ своего плодородія, и въ нѣблящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — прѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выйти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Природою, и умираютъ, гдѣ родился; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ Природы, повсюду опровергающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможные удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ тру-

довъ, своей промышленности, и призываюшъ меня участвовашъ въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ. — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе пишательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондрии! Путешествуй, мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашъ посшиліонъ остановился. Vous êtes déjà en France, Messieurs, сказалъ намъ худо-одѣтый человѣкъ, подошедши къ нашей каретѣ: et je vous en félicite. Это былъ осмотрщикъ, который за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаюшся, и поселяне пришиваюшъ кокарды къ шляпамъ. Починмейстеры, посшиліоны, бабы, говорятъ о революціи.

Здѣшняя кафедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, нельзя не почувствовать благоговѣнія; но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на барельефы карнизовъ и колоннъ, гдѣ вы увидите престранныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. Наприм. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ Орденовъ; нѣкоторые съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ, и пр. — Богатыя одежды Священниковъ и украшеніе алтарей показываютъ за диковинку. Одно серебряное Распятие, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоить 60,000 талеровъ. — По круглой лѣстницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самый

верхъ башни, откуда безъ иѣкошораго ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насѣкомыми, и цѣлый городъ, казалось, можно было въ минуту измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Спразбурга едва были примѣнымы; миль за десять и болѣе снѣжались горы. Говоряшъ, что въ самую ясную погоду можно видѣть и снѣжные верхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе. — Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались иѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые Художники не шакъ думаютъ. — Между колоколами, изъ которыхъ самый большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ шакъ называемый *серебряный*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣщаютъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранится большой охотничій рогъ, которымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятія Спразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе разорены, а другіе выгнаны изъ города. Въ память счастливо разрушеннаго заговора трубятъ въ этотъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни путешественники пишутъ свои имена, или стихи, или что кому вздумается. Я нашелъ и Русскія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти. — Высоко! — Здравствуй, братъ землякъ! — Какой же видъ!*

Въ Лютеранской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморный монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ два льва и орелъ, въ ужасъ и смященіи, изображаютъ соединенныя арміи, побѣ-

жденныя Графомъ во Фландріи. На лѣвой сторонѣ представлена Франція въ образѣ прекрасной женщины, кою, со всѣми знаками живой горести, хочешь одною рукою удерживать его, а другою оппалкиваешь смерть. Печальный Гений жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же сторонѣ развѣвающимся побѣдоноснымъ знаменемъ Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знающихъ, онъ достигъ своей цѣли. Я, не будучи знающимъ, смотрѣлъ на фигуры — на эту, на другую, на шириную — и былъ въ своемъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онъ сдѣланъ. Смерть, въ образѣ скелета, одѣланнаго манніею, была мнѣ противна. Древніе не такъ изображали ее, — и горе новымъ Художникамъ, пугающимъ насъ такими представленіями! Лицъ героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ горестной Франціи, нежели къ гнусному скелету. Коротко сказать, Пигаль, по моему чувству, есть искусный Художникъ, но худой Поэтъ. — Подъ сими монументомъ, въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежитъ бальзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудъ, стоящемъ на гробѣ, а внутренность погребена въ землѣ. Лудовикъ XV, по своей чувствительности или по чему другому, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія умирающаго Маршала, которое состояло въ томъ, чтобы тѣло его было сожжено. *Qu'il ne reste rien de moi dans le monde*, сказалъ онъ, *que ma mémoire parmi mes amis!* —

Здѣшній Университетъ такъ же почти славенъ, какъ Лейпцигскій и Гейтингенскій. Многіе Нѣмцы и Англичане прѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Спразбургскихъ Профессоровъ очень немногіе извѣстны въ ученѣмъ свѣтѣ какъ Авторы. Ихъ называютъ лѣнивыми въ сравне-

ни съ другими. Можеть быть, они богаче другихъ, а въ Германіи бѣдность дѣлаетъ многихъ Авторами. —

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ, но чію улицы тѣсны, и нельзя похвалить архитектуры домовъ.

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Опѣхавъ опѣ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцары! всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы Небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ прелестной Натюры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное свидѣніе, и самая роковая стрѣла должна крошечко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую пиранскими спрасками! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изыскаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красоты Природы — чувствую я по

же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благоспѣ, не была бы высочайшею Благоспѣю, если бы она, съ которой нибудь стороны не уследила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-по услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ ушами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропшалъ на жребій чловѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благоспѣи, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ спремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; шамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увишья гибкимъ винограднымъ снѣблемъ — смотриши на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаешь имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибается за нами хребецъ свой, отбрасывающій снѣжною нѣнью на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумажки.

Элизау, Августа 14.

Вчера, въ восемь часовъ, ушра пошли мы съ Б* изъ Цюриха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали исшощаться — день былъ самый ясный — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши миль двѣ, я отъ слабости упалъ на правую подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водонада. Изъ шракира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы черезъ часъ опять пустились въ

путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдышаться. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семь видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? „Я думаю, отвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.“ Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и съ шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ много, чтобы взглянуть на нее; однако жъ гдѣ шумъ громозвучный, ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердце? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, ошложили до слѣдующаго дня посморгнуть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я допачишься до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ пракширъ *Вьцца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей пракширъ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монпанъ упоминаетъ объ немъ, и при томъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія, а Монпанъ былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день по утру, т. е. сегодня, былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо принятой книги, подъ титуломъ *Philosophische Aufsätze*, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ

даль мнѣ Лаватеръ рекомендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цюриха, перестали дивиться, и увѣряли меня, что я конечно переѣню свое мнѣніе, когда посмоплю на него съ другой стороны, и вблизи. — О городъ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотникомъ, моста, который дрожитъ подъ ногами одного человека, и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Приѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Спрямленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстрины. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростию, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей граничной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростию летящихъ одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ, и

составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на коихъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облилъ былъ водяными часпичами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки издаваемыхъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Здѣсь Живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэтъ не находитъ словъ для описанія сего ужасно-великаго явленія. Развѣ только въ страшные дни древняго потопа, когда правосудный Богъ превратилъ земные пары во влажный гробъ развратнаго человѣчества, водная стихія явилась такъ, какъ она здѣсь явилась. Я готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія у Рейна, въ томъ, что вчера говорилъ о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа были мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минутою. Перѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. После сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ коихъ льетъ извергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ коихъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ Стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердоснѣи отражающему все удары злаго рока); — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крупомъ берегу предсказывались мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хи-

жины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, опустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку, и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодочникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

Путешествіе по Швейцарскимъ горамъ.

Тунъ, въ 10 часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большого озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ними замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактиръ *Фрейгофъ*; заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудили меня въ четыре часа. Въ это время опходишь отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

Тунское озеро, въ 5 часовъ утра.

Темнота почти мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минуша отъ минуши яснѣе. Все дышитъ! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проникаетъ сквозь мое плащье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣ-

шокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Напура! просни слабому: на нѣсколько часовъ отъвращаешь онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

Въ 7 часовъ.

По обѣимъ сторонамъ озера непрерывно продолжающіяся горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Числые ручьи низпадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоёмъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькій ручеекъ; провоздавъ дни свои Св. Беатусъ, первый изъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвыщается старыи замокъ Шпицъ, который принадлежалъ некогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многие изъ Бубенберговъ оказали отечеству важныя услуги; и пролили кровь свою для славы его. Последними отраслями сего Дома были Леонардъ и Амадія; прекрасный юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ; а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединились тѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Увеселенія свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда поѣхали новобрачные и всѣ гости прогуливаться въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и

чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлад-
ждалъ радостныхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ
красавицъ, играя ихъ волосами; мелкія волны
пѣнились подъ лодкою.
. Уже приближался вечеръ, и плаватели без-
престанно отъ береговъ удалялись. Солнце село
— и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада,
заревѣла буря; озеро снрашно взволновалось, и
кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ бе-
регу, но берегъ во мракъ скрывался отъ глазъ
его. Весла валились изъ рукъ обезсильвшихъ
гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить
лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ!
Сперва старались они ободрять гребцовъ и корм-
чаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ
усилія ихъ остаются тщетными, и что гибель
неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, обпер-
ли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожид-
дались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась
на лодку — и всѣ пошонули, всѣ, кромѣ одного
гребца, который счастливо доплылъ до берега,
и принесть вѣсть о гибели несчастныхъ. Та-
кимъ образомъ пресѣлся древній родъ Бубенбер-
говъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство До-
му Эрлаховъ, который по сіе время считается
знаменѣйшимъ въ Берискомъ Кантонѣ. — Съ
печальными мыслями разсматривалъ я сей за-
мокъ; вѣпръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ.

Приспавъ къ берегу версты за двѣ отсюда,
шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между
луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь
гораздо выше и ближе одна къ другой; я не ви-
далъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноград-
ныхъ; крестьянскія избы построены здѣсь оп-
мѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ ли-
цахъ своихъ что-то особенное. Я нанялъ шенеръ
проводника, которому извѣстенъ путь по Аль-

пійскимъ горамъ — и черезъ полчаса пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

Лаутербрунненъ.

Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Липпины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина сшановится часъ отчасу уже, и наконецъ раздѣляется на-двое: налево идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а направо въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Вершины за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свержающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семь отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо лезишетъ внизъ, почти не допрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, какъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли или тончайшаго серебряннаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносянныя влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье. — Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха* составляютъ дикую красоту, пѣвнющую любителей Натуры.

Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаушербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ шракширѣ.

Въ 8 часовъ вечера.

Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранишныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго творенія! — Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушьи хижинны на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростию началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать бѣеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, копорые за десяти лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратиться въ пылъ цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ каплящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному спутнику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ

кучамъ! Смерть его неизбежна. — Больше чепы-
рехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой ка-
менной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ про-
падала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пла-
менныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы,
гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная пе-
ремѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои
возобновились; дыханіе мое стало легко и сво-
бодно; необыкновенное спокойствіе и радость
разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣ-
на, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ
жертву сердечнаго моленія — Тому, Кію въ
сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ споль-
зующею Свое всемогущество, Свое величіе,
Свою вѣчность! Друзья мои! я стоялъ на
высочайшей ступени, на которую смертные вос-
ходить могутъ для поклоненія Всевышнему!
Языкъ мой не могъ произнести ни одного сло-
ва; но я никогда такъ усердно не молился, какъ
въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ
я справедливость того, что Руссо говоритъ о
дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попече-
нія; всѣ заботы, всѣ тѣ мысли и чувства, ко-
торыя унижаютъ благородное существо чело-
вѣка, осѣнаются въ долины — и съ сожалѣніемъ
смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена,
не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію
минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго
Штауббаха, освѣщаемаго солнечными лучами.
Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опре-
дѣленіе, забываетъ земное свое опеченство, и дѣ-
лается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря
на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣ-
пами скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на ко-
торомъ столѣтія оставляющъ едва примѣн-
ные слѣды (*), забываетъ онъ время, и мыслию

(*) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зи-

своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. —

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея, какъ на фундаментахъ. Путь нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ паслухи живутъ только лѣтомъ. Сіи просиодущіе люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столу, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя паслушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма понравилась, и что я хочу остаться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую сползло мнѣ только шагнуть, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуточку низки передо мною всѣ великаны Земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по оплоному скалу — мимо стада, пасущихся на цвѣтной благоуханной зелени — начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже виденъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая

му прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было перечестъ сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или, по крайней мѣрѣ, древность сихъ горъ.

изъ двухъ или трехъ сошъ разсѣянныхъ доми-
ковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріят-
номъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и
верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*; а нижній от-
крылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ
горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники
суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ
Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который
былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между
двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество
высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хо-
ня и не видалъ я ничего подобнаго хрусталь-
нымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ шунъ
однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя
въ самомъ дѣлѣ представляющъ для глазъ нѣчто
величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ
сіи ледники бурному морю, котораго валы онъ
внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились
въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе
прекрасно и справедливо, и что сей путеше-
ственникъ или Писатель имѣлъ нѣпическое во-
ображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того
мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаешь
изъ-подъ свода его мутная рѣка Линшина, воро-
чая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшил-
ся я взойти выше. Къ несчастію, проводникъ
мой не зналъ удобнѣйшаго ко вѣходу мѣста; но
какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣре-
нія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по
кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсы-
пались подъ моими ногами, такъ что я непре-
спанно сползкался и ползъ, хватаясь руками
за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что
онъ предастъ меня судьбѣ моей; но я, смотря
на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни
слова, взбирался выше и выше, и храбро прео-
дѣлывалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась
мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ
разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами;

но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тупѣе опдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висѣщемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, если не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожъ ошмѣнно сладкой и вкусной, которая прохлладила внутреннихъ жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Больше четирыхъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же прудностію, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласточки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣтны и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 сажень; а теперь возвышается передо мною грозный Вентергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой прескъ, (который заспавилъ меня вздрогнувъ) — а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, по-

добнымъ отдаленному грому, — приче́мъ на нѣ-
сколько сажень вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нащелъ я паспуховъ,
которые также подчивали меня творогомъ,
сыромъ и густыми, ароматическими сливками.
Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу
теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище
вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ,
орошающихъ наши долины; здѣсь запасная хра-
мина Напуры, храмнина, изъ которой она во
время засухи черпаетъ воду для освѣженія жа-
ждущей земли. И если бы сіи снѣги могли вдругъ
расплавиться, то второй потопъ поглотилъ бы
все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не лѣзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на
сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ
слѣдовъ жизни — нѣтъ ни деревъ, ни травъ — гдѣ
меланхолическая пустота искони царствуетъ.
Иногда, надъ дикими, мерзвыми ущесами являет-
ся здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійскій
орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пи-
щею. Тщешно сіи послѣднія стараются спа-
ситься отъ него легкостію ногъ своихъ, прыгая
съ одной высоты на другую! Лютый врагъ го-
нится повсюду за своею добычею, и наконецъ
пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ несчастная
не находитъ для себя никакого пути. Тутъ
сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее въ
пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое
искусство въ прыганіи, неизбежно погибаетъ.
Орелъ извлекаетъ ее опшуда въ острыхъ ког-
няхъ своихъ.

Но не одна птица сія умерщвляетъ без-
оружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для
нихъ страшнѣе. Презирая всѣ опасности, съ
удивительнымъ проворствомъ взбираются они
на крутизны; однакожь многіе погибають, падая
въ пропасти, или утоная въ морѣ снѣговъ.
Страшные анекдоты объ нихъ рассказываютъ.

Напримѣръ; одинъ Гриндельвальдскій охотникъ, гонимый на Шрекгорнѣ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой — уже острые граниты готовы были растерзать несчастнаго — но онъ зацѣпился ногою за камень, и повисъ надъ пропастью. Представивъ себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти, наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, сплѣсть на ноги и спуститься внизъ.

Долина Гасли.

Пробывъ у паспуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути былъ такъ называемый *Розенлавицелетшеръ*, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острия свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ: дичь и пущота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ свѣдхъ, мшистыхъ скалъ упадали кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить нельзя — и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣскольку минутъ, и если не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя. —

Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жилили ведуть пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣлають большіе сыры, и черезъ Валлисцевъ отправляютъ ихъ въ Шалію, Сырные анбары построены изъ шонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ, или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отовсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня помнила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него сшакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она густа*, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея: побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человекъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаешь брата; столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человека. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлають — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотою Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца?

Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человекъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни веденъ за собою тѣмъ непріятностіей. — Съ сими мыслями пошелъ я опъ настуха; нѣсколько разъ обращивался назадъ, и примѣнилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди, и будь счастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я опъ всего сердца желаю ему счастья; — но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ перервалъ нить моихъ размышленій. Что это значитъ? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. „Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, ошвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.“ — Хошя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады; безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смолришь на нихъ равнодушно; однако жъ мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ обѣщаль мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но шумъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ, для чего я не Живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая, въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада, представилась глазамъ моимъ, между дикихъ, каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ — рѣка Ара; стремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, низпадающихъ съ крупныхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто

романтическое, пылительное — нечто такое, чего я оны роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — отъ всего сердца! — Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти опять на высокій пригорокъ и спустившись съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлажненной водяною пылью, летящею отъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однако жъ я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той, яроспѣи воды ископанной ямъ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя деревья, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхъ подымается, будучи опровержена его вѣчно кипящею пучиною, и распростираная вокругъ себя бѣлая облака влажнаго дыму! Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа! Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляясь будете вамъ всякій, имѣющій чувство, но кто можетъ изобразить васъ кистію или словами? — Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и при томъ съ такими порывами вихря (производимого въ воздухъ силою падающей воды), что, боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякій, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что

я вышелъ изъ рѣки: ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе трехъ верстъ; и дорога была уже не такъ трудна, какъ на ѣздѣ съ вершины Шейдека; но сіи три версты довели усталость мою до высочайшей степени; потому, что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные отпрыгивающъ отъ голыхъ скалъ, и согревая воздухъ, производящъ духоту, весьма рѣдко вътѣракомъ охлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, сморщили на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разбѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены сильною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливаютъ дома поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣяніями Природы; — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша качнется по струистой лазури,

освѣщаемой золотыми лучами — подлѣ мейнъ сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ; положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чѣшбы она не проснудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣку воду длинною своею палкою, и напоминаетъ мнѣ пѣхъ Духовъ въ Багвапъ - Гетъ (*), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокій Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ упреннаго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашемъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревейки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣшніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣшущихъ береговъ... Здѣсь журчала Со-на въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ выпями столѣтнихъ дубовъ — какое превращеніе! . . . Сколько вѣковъ потребно было на то, чѣшбы сгладить съ Натуры всѣ признаки начальной дикости!

Но можетъ быть, друзья мой, можетъ быть, въ теченіе времени сіи мѣсна опять заустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть, черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ,

(*) Индѣйская книга.

которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревунутъ, какъ въ пустыни Африканской! . . . Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте Исторію народовъ; повзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ: они увядаютъ въ свое время — прійдетъ странникъ, который удивлялся некогда красотѣ ихъ; прійдетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они. . . . и печальный мохъ предстанетъ глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаетъ мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ Государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ Искусствамъ и Художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ — и если запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ Науки, Искусства и Художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи Философіи есть младенецъ.

Больше писать нѣгдѣ.

Парижъ, 2 Апрѣля 1790.

Я въ Парижъ! Эта мысль производить въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, непонятное, пріятное движеніе. . . *Я въ Парижъ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюлвери въ поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ ошмѣннымъ любопытствомъ: на дома; на кареты; на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій. —

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ описи, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается, а послѣ будетъ время разсуждать; описывать; хвалить, критиковать. — Теперь замѣчу одно; что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: ошмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скоростъ въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ; хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность — напри-мѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами; слушають васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушають и тогда, когда вы уже говорили перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что

они васъ не понимаютъ! А Парижскій житель хочешъ всегда опгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ опвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *лицъ Леды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался некогда Люнеціею; что имя Парижскихъ жителей, *Parisii*, значить *народъ покровительствуемый Изидою* — то есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *пара* и *Изисъ*, хотя НВ. Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ, и не думали искасть ея покровительства; перевести ли некопорыя мѣста изъ Занисокъ Юлія Цесаря (перваго изъ древнихъ Авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги, сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ было въ немъ отъ угара? Окружить ли мнѣ себя цвореніями Іоанна Готвильда, Вильгельма Коррозена, Клавдія Фощена, Николая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филибьеня, Коллетеша, де-ла-Мара, Брисса, Буассо, Праделя, де-Мера, Монфокона — ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показанъ ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобные Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лансъ, не Рено пѣли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо, не Мори удивляли Парижцевъ

своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Иппи ли мнѣ вслѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новыя виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колонады? — Я слышу отвѣтъ вашъ: „Мы прочитаемъ Сентъ-Фуа, его *Essais sur Paris*, и узнаемъ все то, что ты можешь сказать о древности Парижа; скажи намъ только, каковъ онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и болѣе ничего не потребуемъ.“ — И такъ, оставляя почтенную сшарину, оставляя все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы вѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрывая безчисленными вѣтряными мельницами, которыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, строусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладка какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ вѣзжаете въ поля *Елисейскія*, не даромъ названцыя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками, въ разныхъ мѣстахъ разсыянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные лю-

ди пляшутъ, изнуренные шестидневною работою, опдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *годевили*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красокъ сего лѣсочка, сихъ умильныхъ рожицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадамъ. Подойдите къ ней, и увидите передъ собою густыя аллеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густою ли древнихъ алей или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ проспираются во всю длину сада; или красивою бассейновъ, цвѣтничковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ де-Ноטרъ, творецъ сего конечно искуснаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ поляхъ *Елисейскихъ*, а такъ называемые *лучшіе люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивые берега Сены, граничные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучаща множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ. Мало, если назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь, если не хотите переменить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите . . . пыльныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблоковъ и сельдей: вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ ря-

довъ — зажмите носъ и закройте глаза. Картина пышнаго города заимнися въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе счастливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ Прованскихъ: значитъ, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада, и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, но новая атмосфера, но новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты — такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благоуханнымъ (*) и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная *Сентъ-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы (**), или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима, по крайней мѣрѣ для насъ, иностранцевъ, а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязясь, мастерски прыгають съ камня на камень, и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ, и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ научился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

(*) Потому что нигдѣ не продають столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

(**) Мостовая дѣлается въ Парижѣ кашомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда спрашная грязь.

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ алей, называемыхъ *булеварами*. Ихъ три: одна для карешъ, а двѣ для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались некогда играть въ шары (*à la boule*) на зеленой травѣ: отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *булеваръ*. Сначала, на мѣстѣ алей, былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; деревья посажены гораздо послѣ. Одна часть булеваровъ называется *старыми*, а другая *новыми*; на первыхъ видите предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностию для занятія праздности — здѣсь Комедія, тутъ Опера; здѣсь блестящія палаты, тутъ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирляндами; тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму Любви; здѣсь маленькій пріятный лѣсочекъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какой нибудь *фигляръ* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показывающія вамъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія, звѣри Африканскіе, колибри и крокодилы. Тутъ молодой расстрепанный *франтъ* встречается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотришь на него съ усмѣшкою, и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ карешъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ . . . маршируетъ опрѣдъ національной гвардіи. Цѣлый день употребилъ я на то,

чтобы обойти эту шумную часть бульваровъ.

Такъ называемая *новая* часть представляеть совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ дерева съ-нистые, ален красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ, не слышите ни стука каретнаго, ни топота лошаднаго, ни пѣсенъ, ни музыки; не видите ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разрумяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремесленникъ съ своею женою и дочерью; путь по алеѣ медленными шагами прохаживается сынъ его съ молодою своею не-вѣстою; тамъ поля съ хлѣбомъ, сельскія работы, шрудящіеся земледѣльцы; словомъ, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V говаривалъ: *Lutetia non urbs, sed orbis* (Лютеція, то есть Парижъ, есть не городъ, а цѣлый міръ): чтожь бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимъ пространствомъ, и вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите себѣ 25000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, кошорые съ верху до низу наполнены людьми! Сступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ, — на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ, — однако жъ сіи два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показывающся на улицахъ работники, Савояры, поденьщики — и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Академія.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль быть участникомъ въ достохвальныхъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе, окрыляющъ разумъ человѣческій. Надобно отдать справедливость Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришелье для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому Министру! Жаль, что всякій новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина Членовъ состоятъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знамениты! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. „Всякой знай свое мѣсто и дѣло,“ есть мудрое правило, но рѣже всего исполняется. Правда, что *Господа-сорокъ*, *messieurs les quarante* (*), наблюдають въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ попребовалъ для себя кресло: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. *C'est toujours quelque chose.* Главный плодъ сего Академическаго дерева есть *Лексиконъ Французскаго языка*, чистый, правильный, строгій, но не полный, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже сло-

(*) Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

во *Академія*. Напримѣръ, Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недосшатки его, хотѣлъ дополнить, украсить; но смерть помѣшала. Академія занималась и Критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришелье доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, шѣмъ болѣе хвалили *Сидъ*. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая напримѣръ Журналъ для Критики и Словесности: чего бы не произвели соединенные труды лучшихъ Писателей? Однакожъ польза ея несомнительна. Множество хорошихъ піесъ написано для славы бывъшъ Членомъ Академіи, или заслуживъ ея хвалу. Всякій годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и Краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторовъ обрабатывать ихъ, въ день Св. Лудовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается: для чего Лафонтенъ, Мольеръ, Жанъ - Батистъ, Жанъ - Жакъ Руссо, Дидрошъ, Дорашъ и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависимость; иногда славы не бывъ, нежели бывъ Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть попомство. Главное дѣло не *полугать*, а *заслуживать*. Не Писатели, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторовъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента, утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, которые сами записушся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка: *messieurs*

les quarante ont de l'esprit comme quatre, и забавная эпитафія:

Ci - git Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.

Но вопи́ь что дѣлае́тъ честь Академіи: въ за́мъ ея, между многими изображеніями славныхъ Авторовъ, стои́тъ Пироновъ бю́стъ! Мщеніе великодушное.

Академія Наукъ учреждена Лудовикомъ XIV, состои́тъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономією, Математикою, Химією, стара́ясь *открывать новое или доводить до совершенства* извѣстное, по девизу: *invenit et perfecit*. Каждый годъ выдаетъ она большой шомъ сочиненій своихъ, полезныхъ для Ученаго, пріи́мныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую Исторію Наукъ со временъ Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣ́тъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ, Нѣмецкій Ученый снима́етъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца можно будетъ вырѣзать на его гробъ:

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;
Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,
Мудрецъ на небо преселился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ, какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ Математику, Астрономию, и въ шу́тку называетъ Уранією, ведетъ переписку со всѣми знаменитыми Астрономами

Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Бодѣ. — Лавуазье есть геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ революціею генеральнымъ опкущикомъ, имѣетъ конечно не одинъ милліонъ: но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благошворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты преобладаютъ иногда большимъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ, а сверхъ того любитъ дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братьевъ, а другою кладетъ имъ кошель въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ генеральнымъ опкущикомъ, также любилъ Науки и благотворность; но Философія послѣдняго не стоила Химіи перваго. Товарищъ мой, Беккеръ, не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Клапрона. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ Науки соединяютъ людей, живущихъ на сѣверѣ и югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло! — Слава Лавуазьева пристрастила многихъ здѣшнихъ дамъ къ Химіи, такъ что года за два передъ симъ красавицы любили извѣсняясь нѣжныя движенія сердецъ своихъ химическими операціями. — Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Исторіею Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ революцію, и мирную тишину кабинета промѣнялъ, можетъ быть, на эшафотъ (*).

(*) Лавуазье и Бальи умерщвлены Робеспьеромъ.

Академія Надписей и Словесности учреждена также Людовиком XIV, и болѣе снѣ дѣшъ ревностно пруднился для обогащенія Исторической Императоруры; нравы, обыкновенія, монументы, древности, составляющъ предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовъ, которые можно назвать золотую мною Исторію. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, если не читали Записокъ Академіи; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѳинахъ, въ Римѣ и проч. Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даетъ умирать, vetat mori.*

Намѣную вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Лувръ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Людовика XIV или великаго Министра его Кольберта.

Го-Бюссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Пикардіи зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтеть и благоухаетъ. Перемена климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющее вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я прѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно, вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на правѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постилальны впрягаютъ лошадей; вънѣрь воешь; и дикія уныло шумятъ надъ головой моею.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго!

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію! . . .

Дикій, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ, и пѣвается; — но черезъ минушу очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась пылающими лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черезъ часъ будемъ въ Калѣ.

Лондонъ, Іюль... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя фarosами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Если великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно граничнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Пройхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палащъ, ни одного огромнаго дому. Но длиныя, широкія, гладковымощенныя улицы; большими камнями усилан-

ныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, напертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; непрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (squares); гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стекляныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое то общее благоустройство во всехъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая розница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ кошорыхъ ползунъ бѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровые и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — Лорды и ремесленники чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный разряженный человекъ тащется въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но вѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и перѣздовъ изъ земли въ землю! Человекъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домохозяевъ. *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности* — вотъ чувство, ко-

второе дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконѣцъ карета наша остановилась; товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало идти куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской Опелли своей на лѣстницу, поднялъ я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонъ, на улицу Пель-Мель, въ 208 нумеръ имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Г-ну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ обыкновеннаго духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего прїѣзда въ Лондонъ! Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ трактирѣ. „Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ эмигрантомъ; но онъ добрый человѣкъ, и согласился раздѣлить ее съ вами.“ Товарища моего не было дома; въ горницѣ не нашелъ я ничего, кромѣ посели, гипсары и картъ. Въ ту же минуту явился Англійскій парикмахеръ, толстый флегматикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ, и напудрилъ мукою. . . я уже не въ Парижѣ, гдѣ кисть искуснаго, веселаго Ролета (*), подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только пегъ сухари,* Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: *I dont understand you, Sir; я васъ не разумѣю!* И

(*) Имя моего Парижскаго парикмахера.

большой человекъ не есть ли ребенокъ? Бездѣлица веселишь, бездѣлица огорчаетъ его: толстый Лондонскій парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ мою душу. Надѣвая на себя Парижскій фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, кошорая однакожъ въ минушу разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другаго, и куда ни взглянешь, вездѣ перспективы огня, кошорые вдали кажутся вамъ огненною, безпрерывною нитью, пронизанною въ воздухъ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, кошорый, въѣхавъ въ Лондонъ ночью, и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминированъ для его пріѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣняли естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министертво давало пенсіи на *лунный свѣтъ* (*); гордый Бранденбургъ смѣлся, звучишь въ карманъ гинеями, и велишь Пиншу зажигать фонари засвѣтло.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ кошоромъ человекъ можетъ быть уединенъ, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, кошорыя, подобно Китайскимъ тѣнямъ, мелькають передо мною, оспавляя въ первахъ легкія, едва примѣнимыя впечатлѣнія, люблю перлясь душою въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаюсь къ самому себѣ, — думаю, что я средоточіе нравственнаго міра,

(*) Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался: изъ остатковъ суммы, определенной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

предметъ всѣхъ его движеній, или пылика, которая съ міріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрь predetermined случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суешности; напрошивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ, но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долгое пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями, теряемъ чувство цѣлаго. Свѣжее любопытство ловитъ главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что при долгомъ, повторительномъ разсматриваніи заземляется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, если бы я прожилъ въ Лондонѣ года два, уѣхавъ и захотѣвъ себѣ представить его въ картинѣ, то мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кто скажетъ вамъ: шумный Лондонъ! тошъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмерно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдышаться. Если бы отъ времени до времени спукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то

вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные дома: двадцать, тридцать человекъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо, если въ 10 минутъ услышите два слова — какія же? *your health, gentleman! ваше здоровье!* Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомысліемъ въ Философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что Орашоры ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружносцію предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ летающія; за мною два лакея съ шрудомъ уснаиваются бѣжать. Англичанки по большей части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, копорыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случилось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гоголь писалъ съ насурь. Правда, что такія гнусныя фizioноміи встрѣчаются только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столько многообразны, живы и разншелны, что десяти Лавашеровъ не доспало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франшовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо-насаженные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстый галстухъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинушый ротъ,

объ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вошь ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ дюдей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ, Питтъ, въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажише, друзья мои, нацему П., обожа-телю Англичанъ, чтобы онъ поплчасъ заказалъ себѣ дюжину синихъ фраковъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человекъ, которые вспрѣ-тятся вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить пись-мо свое: остальные наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *таверну*. Лондонскія улицы все одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я душно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвра-тился къ любезному моему... чемодану.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечитель-ность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о лю-дяхъ, и гнушался людьми.

Лучше, если бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ; но когда бѣдный человекъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англійскія дол-жно назвать благодѣаніемъ человѣчества, и Французская пословица: *il n'y a point de belles prisons* (*) здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское су-дилище, Justice-Hall, гдѣ каждая 6 недѣль сви-раются такъ называемые *Присяжные*, *Juri*, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму Англійскимъ Законодате-

(*) То есть: „нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ.“

лямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человеколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности, и не боялись излишнихъ предоспорожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбираетель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый *Шерифомъ*, избираетъ онъ 12 до 24 Присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему добродушію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельство доноса; и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается, а если признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ.

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судъ, выслушивается на себя доносъ, и на вопросъ: „какъ хочешь быть судимъ?“ отвѣчаетъ: „по совѣсти и закону моего опечесства.“ Шерифъ избираетъ тогда другихъ Присяжныхъ, ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человекъ. Когда же Присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Донощикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или чрезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ яс-

номъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши отсюда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *невиноватъ*, и дѣло рѣшено безъ всякой аппеляціи. Если скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, если законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, ошъ котораго зависѣла бы жизнь другаго! Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя уснановленіе Присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. Напримѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разные улики обвиняли его; 11 Присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ*! двѣнадцатый не хотѣлъ. Товарищи требовали ошъ него причинъ. „Не знаю, ошвѣчалъ онъ: но видъ этого человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню.“ Прошелъ цѣлый день въ споръ; и наконецъ Присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Чрезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца; ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городского судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгатъ, ту славную темницу, кошорой имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое сна-

ружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по бѣльшей части важные преступники, и требовали подалнїя. Зная ономъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованїя: „государь мой! разсыпьте вокругъ себя гиней; ихъ здѣсь не пропустъ: таковъ заведенный мною порядокъ.“ — Для чего же не сдѣлають васъ Лондонскимъ Полицеймейстеромъ? спросилъ я, и въ доказательство, что вѣрю ему, спряхалъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: „здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, здѣсь *господинъ* воръ, здѣсь *госпожа* фальшивая монетчица.“ Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразныя людей! Признаюсь, что я сжавъ сердце ходилъ за надзирателемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнїя и множествомъ ему подвластныхъ.

Въ Невгашѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники: они раздѣлены съ первыми одною спѣною. Такое сосѣдство ужасно! И добрый человекъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями, и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ (*)? Съ нѣкотораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Бошани-Бей-

(*) Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгашомъ.

скую колонію, отъ чего Невгашъ называютъ ся преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторые лучше хопятъ бытъ съ *гестію* повѣшены въ Англіи, нежели плыть такъ далеко? „Мы любимъ свое отечество (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества.“

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Книгсъ-Бенча (*), или темницы для неплатящихъ должниковъ, — описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англomanъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Арминды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Книгсъ-Бенча съ портретомъ Живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Книгсъ-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупающъ и продающъ заключенные; есть и кофейные дома, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Книгсъ-Бенчѣ — это довольно странно! Поршные, сапожники и пр. отправляютъ свое ремесло. — Въ сихъ тюрьмахъ нѣтъ ни одной замужной женщины. По Англійскимъ законамъ, въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязатель-

(*) Выгода сидѣть въ Книгсъ-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ, покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгашъ.

снва, а онъ, бѣднякъ, или плашитъ или идетъ въ тюрьму. Последнее спасеніе для дѣвicy или вдовы, которая не можетъ удовольствоваться своихъ заимодавцевъ, есть въ Англіи замужство.
Карамзинъ.

VI. Письмо Путешественника въ полу-денную Россію.

Синферополь.

Вчера послѣ обѣда былъ я на высочайшей изъ Крымскихъ горъ, Чатырь - Дагъ, въ 1200 футовъ перпендикулярной вышины и около пятнадцати верстъ въздъ отъ подошвы до вершины.

Одинъ Французъ, Грекъ, мои люди и я были пилигримами; день былъ прекрасный, и дорога около 30 верстъ, (считая отъ Акмечети до Чатырь - Дага) самая пріятная.

Луговая тропинка течетъ по берегу прелестнаго Салгира, какъ будто бы гоняясь за его волнами и излучинами, мимо долинъ, осыпанныхъ иилями серебряныхъ струй, мимо кустарниковъ, растущихъ надъ ними густыми рощами, мимо селеній, покрытыхъ цвѣтомъ виноградныхъ садовъ, которые, стоя надъ свѣтлою рѣчкою, радуются, кажется, своимъ счастливымъ положеніемъ. Эти мѣста полюбились мнѣ лучше всѣхъ другихъ на семь полуостровъ. Нигдѣ глаза не передавали сердцу моему столько пріятныхъ впечатлѣній; нѣтъ ни одного человека, хорошо образованнаго, который бы не почувствовалъ здѣсь удовольствія встрѣчаться на каждомъ шагѣ новые виды и ландшафты, одни другихъ веселѣе, одни другихъ разнообразнѣе.

Ночь застала насъ въ деревнѣ одного Мурзы, который былъ некогда счастливымъ любимцемъ Князя Пошемкина. Ему угодно было пригласить насъ къ себѣ. Пожилой Мурза встрѣ-

нилъ гостей въ домѣ, богато украшенномъ съ Азіятическимъ вкусомъ, сидя важно на диванѣ, куря трубку и удостаивъ насъ однимъ легкимъ наклоненіемъ головы. У дверей по угламъ комнаты стояли невольники, которые, при одномъ словѣ устъ его, лезли выполнять повелѣнія. Галлерей, гдѣ онъ принялъ насъ, украшалась колоннами; въ одной стѣнѣ выведенъ былъ каминъ, на другой сторонѣ во всю стѣну простирался диванъ, покрытый богатою матеріею. Мурза, посадивъ меня рядомъ съ собою, расспрашивалъ меня чрезъ переводчика о моей фамиліи, о Московской жизни, о цѣли предпринимаемаго мною путешествія, и хвалилъ мои намѣренія. Наконецъ, когда я хотѣлъ откланяться, онъ пребоваъ, чтобы я остался ужинать. Скоро принесли кушанье. Знашныя Мурзы слѣдуютъ въ столъ однимъ обыкновеніемъ съ послѣдними Ташарами. Тѣже блюда, тѣже низкія скамейки, до которыхъ нагибаться должно, чтобы брать кушанье; тоже употребленіе однихъ ложекъ, безъ другихъ приборовъ. Послѣ ужина Мурза проводилъ насъ самъ въ хорошо прибранную комнату, гдѣ былъ приготовленъ намъ ночлегъ, осыпалъ меня ласками и сказалъ, что на другой день будутъ готовы его верховыя лошади, чтобы намъ ѣхать на нихъ на Чатырь - Дагъ (*).

На другой день, послѣ покойнаго ночлега, отблагодаривъ еще разъ хозяина, который не оставилъ насъ и поутру безъ угощенія, сѣли мы на лошадей и слѣдовали далѣе по красивымъ берегамъ погожъ Салгира и по тихой упренней зарѣ (?) которая обѣщала прекраснѣйшій день. Въ самомъ дѣлѣ солнце взошло очень хорошо; небо было чисто и ясно; вѣялъ вѣтерокъ самый тихій, когда мы приблизились къ подошвѣ горы

(*) На сію гору нельзя взбираться иначе какъ верхомъ.

въ селеніе Господина Попова, гдѣ дали намъ свѣжихъ Ташарскихъ лошадей, чтобы взбираться на Чатырь - Дагъ.

На горѣ иногда представляются путешественнику песчаныя площади, или равнины, мшистые кимми, дикія растенія; иногда сопутствуютъ ему прозрачныя лѣсочки, прохладныя нѣжи и самой свѣжій вѣтерокъ; иногда ряды голыхъ скалъ; мѣсна ошвсюду открытая, и упоръ лучей солнечныхъ дѣлають путь тягостнымъ. Гора возвышается нечувствительнымъ образомъ. На покатоостяхъ ея пасутся стада, и стоятъ пасущескіе шалаши; далѣе, на нѣкоторой вышинѣ, предметы внизу становятся мельче, но яснѣе; воздухъ рѣдѣетъ, и вѣтеръ дуешь холодно.

Послѣ прехъ часовъ ѣзды, въ 3 часа по полудни увидѣли мы себя въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ крайней поверхности Чатырь - Дага, который, подобно шапру (*), стоитъ на семь мѣсѣхъ.

Надлежало взбираться по каменному утесу, прямо вверхъ; ибо нѣтъ уже ни какой оплогодости. Я сошелъ съ лошади, чтобы идти нѣшкомъ, надѣясь болѣе на свои ноги, нежели на чужія; а товарищи мои повиснули на гривахъ лошадей, которыя, вынянувъ головы, медленно вскарабкивались съ ногами своими по уступамъ камней. Скоро они *предположили идти* нѣшкомъ со мною. Наконецъ, покрытые потомъ и пескомъ, всступаемъ мы смѣлымъ шагомъ на маковку Чатырь - Дага.

Здѣсь, можешь быти, не долженъ былъ никогда изображаться слѣдъ человѣческій, но смертный едва ли не перешагнулъ за всѣ преграды, предписанныя ему Природою.

(*) Чатырь - Дагъ значитъ на Ташарскомъ языкѣ гора Шахеръ.

Какое обширное поле для чувства и для размышленія! какое неисчетное совокупленіе предметов! не весь ли кругъ земной обнимаю я взоромъ въ семь горизонтовъ?

Впереди гора Агермышъ, покрывшая облаками, сползая наравнѣ со мною; позади меня синѣеящее Черное море, котораго ревъ едва доснигаемъ до слуха; съ другой стороны подъ моими ногами носящаяся облака, парящія птицы, и низко спелются луга, долины и хребты съдыхъ скалъ; въ отдаленности видны, подобно блестящимъ точкамъ, Акмечеть, Карасу-Базаръ и Бакчисарай; солнце, уклоняясь къ западу, освѣщаетъ часть сего обширнаго театра, между тѣмъ какъ тѣни пролигиваются разноцвѣтными полосами по другой его половинѣ.

Здѣсь, въ семь вѣчномъ уединеніи, гдѣ время, дщерь вѣчности, поставило престолъ свой ошъ юныхъ дней міра, стараюсь я тщетно *удержать* нѣчто изъ слѣдовъ тѣхъ тысящелѣтній, которыя протекли на земномъ шарѣ, и еще протекать будутъ до неизвѣстной крайности. Здѣсь, въ сихъ древнихъ пустыняхъ, гдѣ рука времени начертила лѣтописи Природы, хочу читать въ нихъ исторію творенія, не постигаю смысла таинственной книги, и возвожу око выше солнца, туда, гдѣ тайный покровъ Напуры дѣлается прозрачнымъ для существъ другихъ міровъ; здѣсь наконецъ, въ семь священницъ, гдѣ возбуждаются высокія мысли, протекаю *систему* міровъ, разсѣянныхъ въ безпредѣльной пустотѣ, населенныхъ существами; ищу самъ себя, смертнаго, столь гордаго умомъ своимъ, міръ нашъ столь шумный; ищу, и обращаюсь со стыдомъ къ точкѣ земли, которая, едва примѣтная подъ ногами моими, исчезаетъ совершенно въ неизмѣримости вселенной, которой бури столь громкія въ нашихъ царствахъ, столь ужасныя для народовъ, со-

всѣмъ неслышны въ остаткѣ всемірнаго пространства. — Между тѣмъ должно проститься съ страной облачнаго міра, чтобы возвратиться въ свое земное отечество.

Медленно, не безъ принужденія дѣлаю я тотъ шагъ, съ которымъ должно мнѣ пересунуться изъ свѣтлаго жилища мира въ жилище бурь и страстей. Спускаюсь съ Чатыръ-Дага, и долго оглядываюсь на всѣ стороны, чтобы впечатлѣніе въ душѣ моей тотъ образъ и картину, которымъ подобныхъ, можетъ быть, не увижу никогда въ жизни моей. Горная прогулка и размышленія упомяли меня такъ, что я едва могъ уже обращать свое вниманіе на другіе предметы; однакожъ я имѣлъ еще довольно силъ, чтобы сойти во глубину одной изъ ледяныхъ пропастей, ископанныхъ въ горѣ рукою Природы, чтобы побыть тамъ нѣсколько минутъ и сказать себѣ: я прикасался къ двумъ крайностямъ нашего земнаго міра. Недавно былъ подъ облаками; теперь спую подъ землею. Сии пропасти служатъ вѣчнымъ ледникомъ Природы, и, какъ думаютъ Геологи, запасной хранилищемъ, откуда земля, рѣки и море почерпаютъ во время засухи неиспощимыя жилы водъ.

Владиміръ Измайловъ.

VII. Письма Русскаго Офицера.

Село Сутоки. Мая 10. 1812.

Природа въ полномъ цвѣтѣ! Зеленеющія поля обѣщаютъ самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отъ чего сердце мое отказывается участвовать въ общей радости творенія. Оно не смѣетъ развернуться, подобно листьямъ и цвѣтамъ. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущаетъ насъ предъ сильною лѣтнею грозою, сжи-

маешь его. Предчувствіе какого-то опдаленнаго несчастія меня пугаешь. . . . Но можешь быть, это мечты! . . . „Не даромъ, говорятъ простолюдимы, прошлаго года такъ долго ходила въ небесахъ *невиданная звѣзда*; не даромъ горѣли города, села, лѣса, и во многихъ мѣстахъ земля выгорала: не къ добру это все! Быть великой войнѣ!“ Сіи добрые люди имѣютъ свои замѣчанія. Въ самомъ дѣлѣ мы живемъ въ чудесномъ вѣкѣ: Природа и люди испытываютъ превращенія необычайныя. Теперь въ вѣдомостяхъ только и пишутъ о страшныхъ наводненіяхъ, о трясеніи земли въ разныхъ странахъ; о дивныхъ явленіяхъ на небѣ. Мы читаемъ въ *Степенныхъ книгахъ*, что передъ великимъ нашесшествіемъ Татаръ на Россію солнце и луна измѣняли видъ свой, и небо, чудесными знаменіями, какъ бы предувѣдомляло землю о *грядущемъ горѣ*. . . . Не лзя не согласиться съ знаменитымъ Макиавелемъ, что мыслящіе умы также легко предузнаютъ различныя приключенія въ судьбѣ царствъ и народовъ, по извѣстнымъ обстоятельствомъ, какъ мореплаватели замѣтили свѣшилъ и прочее по своимъ исчисленіямъ.

Извѣстно, до какой степени Маркизь Куэва де Бедмаръ, описанный Сень-Реалемъ, силенъ былъ *въ науку предузнавать*! Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, такое припеченіе войскъ къ границамъ? Къ чему самъ Государь, оставивъ всѣ удовольствія столицы, поспѣшилъ туда раздѣлять труды воинской жизни? — Къ чему, какъ не къ войнѣ! Но война сія должна быть необыкновенна, ужасна! Наполеонъ, разгромивъ большую часть Европы, стоитъ какъ туча, и хмурится надъ Нѣманомъ. Онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячею поглощенныхъ испочниковъ; *грудь Русская* есть *плотина*, удерживающая стремленіе, — прорвется — и

наводненіе будетъ неслыханно! — О другъ мой! уже ли бѣдствія *нашествій* повторялися во дни наши?... Уже ли покореніе?... Нѣтъ! Русскіе не выдадутъ земли своей! Если не достанетъ воиновъ, то всякъ изъ насъ будетъ одною рукою водить соху, а другою сражаться за опшечество! —

Кого не мучитъ теперѣ любопытство, чтобъ разгадать загадку будущаго? — Я читаю славную Гедеонову проповѣдь на *разрушеніе Лиссабона* — и живо представляется воображенію моему, какъ величавый мужъ сей въ священныя сумеркаха пространнаго храма, гдѣ голосъ его въ таинственныхъ описывахъ повипоряется, предъ лицомъ Императрицы Елисаветы, описывая бѣдствія колеблющейся Природы и страшную гибель Лиссабона, смѣло укоряетъ блестящій сонмъ вельможъ въ оспавленіи праопшеческихъ правовъ, въ нѣгѣ и роскоши, которымъ предаются, и вдругъ устами боговдохновеннаго Пророка гласитъ имъ въ послѣднее наставленіе сіи священныя слова: *и егда услышите гласъ его, не ожесточите сердецъ вашихъ!* — Прощай! я иду въ свой садикъ поливать цвѣты, и слушаю громкаго соловья — пока это еще можно! — „Жизнь невидимкою, значитъ быль счастливо!“ говоритъ славный писатель Декартъ. — Еще разъ: прощай!...

16-Юля, Смоленскъ.

Сей часъ пріѣхалъ я въ Смоленскъ. Какое смятеніе распространилось было въ народѣ!... Получили извѣстіе, что непріятель уже близъ Орши. Въ самомъ дѣлѣ всѣ корпусы, армию нашу составляющіе, проходя различными путями къ одной цѣли, соединились въ чрезвычайно укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, и ожидали непріятеля, полагая, что онъ непременно поидетъ на то мѣсто, чтобъ купить себѣ входъ

въ древніе предѣлы Россіи цѣною сраженія съ нашими войсками; ибо какъ отважиться завоевывать Государство, не разбивъ его войскъ? — Но дерзкій Наполеонъ, надѣясь на неисчислимое воинство свое, доминя прямо въ грудь отечества нашего. Народъ у насъ не привыкъ слышать о приближеніи непріятеля. Умы и души въ страшномъ волненіи. Уже попіянулись длинные обозы; всякой развѣдываетъ, гдѣ безопаснѣе? Никто не хочетъ достаться въ руки *непріятелю*. Кажется, въ Россіи, равно какъ и въ Испаніи, будутъ они покорять только землю, а не людей. — До сихъ поръ Смоленскъ совершенно опустѣлъ бы, если бъ не успокоило встревоженныхъ гражданъ его вожделѣнное присутствіе Государя. Провѣзжая изъ арміи въ Москву, Онъ удостоилъ посѣщеніемъ Своимъ нашъ городъ. Я узналъ отъ живущихъ на большой дорогѣ, что Государь, проѣзжая тамъ вчерашній день, весьма ласково разговаривалъ съ поселянами, заходилъ въ церкви, молился и приказывалъ народу молиться. Не такъ ли поступали древніе Цари, отцы народа?

Смоленскъ, 17 Іюля.

Мой другъ! настаютъ времена Минина и Пожарскаго! Вездѣ гремитъ оружіе, вездѣ движущіеся люди! Духъ народный, послѣ двухъ-сотлѣтняго сна, пробуждается, чуя грозу военную. Губернскій Предводитель нашъ, Маіоръ Лесли, отъ лица всего Дворянства, испрашивалъ у Государя позволеніе вооружить 20,000 рапинокъ на собственный щетъ владѣльцевъ. Государь съ великодушію признашельностію принялъ важную жертву сію. Находящіяся здѣсь войска и многочисленная артиллерія были обзрѣваемы самимъ Государемъ. Къ нимъ, по Высочайшему повелѣнію, должны немедленно присоединиться идущіе изъ Дорогобужа и другихъ *депо* ре-

крутскіе баталіоны. Уже передовой отрядъ, подъ начальствомъ храбраго Генерала Оленина, выступилъ къ Красному. Старый Генераль Лесли, поспѣшно вооруживъ четырехъ сыновъ своихъ и нѣсколько десятковъ ратниковъ, послалъ ихъ присоединиться къ сему же отряду, чтобы были впереди. Вчера принявъ изъ отставки въ службу Генераль Пассекъ, и получилъ начальство надъ частію здѣшнихъ войскъ. — Земское ополченіе, усердіемъ дворянъ и содѣйствіемъ здѣшняго Гражданскаго Губернатора, со всевозможною скоростію образуется. Смоленскъ принимаетъ видъ военнаго города. Безпрестанно звенятъ колокольчики; скачутъ курьеры; провозятъ пѣшнихъ или шпіоновъ. Нѣсколько Польскихъ губерній подняли знамя бунта. Не даромъ они твердили пословицу: „слышишь птичка весну!“ (słyszcie ptaszek . wiosnę!) О заблужденіе! Они думаютъ *воскреснутъ* среди всеобщаго *разрушенія*! . . . Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли съ тобою видѣться; но письменное сношеніе замѣняетъ половину свиданія — такъ говоритъ Персіанскій Бек-али; я вѣрю ему — и буду спараться къ тебѣ писать — Прощай! . . .

19 Юля. Тамъ же.

Я имѣлъ удовольствіе обнять брата моего Григорія, служащаго въ Либавскомъ пѣхотномъ полку. Общество офицеровъ въ семъ полку прекрасное; солдаты отменно хороши. — Обѣхавъ нѣсколько полковъ, я вездѣ находилъ офицеровъ, которые принимали меня какъ истинные друзья, какъ ближайшіе родные. Кто же такіе эти прекрасные люди? — спросишь ты. — Общѣ наши товарищи: кадеты! — О какъ полезно общественное воспитаніе! Никакіе уставы, никакія условія обществъ не могутъ произвести такихъ твердыхъ связей между людьми,

какъ *свызка раннихъ лѣтъ*. Совоспитанники по сердцу и душѣ встрѣчаются вездѣ съ непритворнымъ, сердечнымъ удовольствіемъ... Многіе изъ товарищей нашихъ уже Полковниками и въ крестахъ; но обхожденіе ихъ со мною точно то же, какое было за 10 предъ симъ лѣтъ, не смотря на то, что я только бѣдный Поручикъ! — Какъ сладко напоминать то время, когда между богатыми и бѣдными; между дѣтьми знатныхъ опцевъ и простыхъ дворянъ не было никакой разницы; когда пища, Науки и рѣзвости были общими; когда, не имѣя понятія о жизни и свѣтѣ, мы такъ сладосно мечтали о томъ и другомъ!... Помнишь, какъ, повторяя безсмертныя слова Екатерины, что *Корпусъ Кадетскій есть разсадникъ великихъ людей*, мы любили воображать себѣ, что всѣ до одного будемъ полезны отечеству. Но сколько изъ юныхъ растений сего разсадника, поверженные въ бури случаевъ, утратили способности свои отъ бездѣйствія, сдѣлались бесполезными отъ несправедливости людей, и увяли отъ бѣдности или въ тѣни неизвестности, лишенные спасительныхъ лучей — ободренія...

Вчера арміи двинулись отъ Смоленска, внизъ по теченію Днѣпра, къ окрестностямъ озера Капани. Авангардъ пошелъ къ Руднѣ: отсюда ожидаютъ непріятеля, который теперь толпится на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ. Сіе наступательное движеніе войскъ *нашихъ* много обрадовало народъ. Всякій спалъ дышать свободнѣе!...

Дай Богъ нашимъ впередъ! помоги Богъ отштолкнуть дерзкихъ отъ древнихъ рубежей нашихъ!... Однакожь, идя впередъ, кажемся не забывающимъ о способахъ, обезпечивающихъ и *отступленіе*... На сихъ дняхъ военное начальство требовало у Гражданскаго Губернатора надежнаго и дѣятельнаго дворянина для особен-

ныхъ важныхъ препорученій. Зная изъ многихъ опытовъ усердіе и дѣятельность брата моего Ивана, Губернаторъ представилъ его начальству. Тотчасъ поручено было ему, со всевозможною скоростію, безъ лишней огласки, устроить сколько можно болѣе переправъ на Днѣпръ у Соловьева, что на большой Московской дорогѣ. Мосты спѣютъ съ удивительною скоростію. Работаютъ день и ночь. Великія толпы народа, бѣгущія изъ разныхъ занятыхъ непріятелемъ губерній, переправляются безпрестанно. — Но неужели и войска пойдутъ чрезъ нихъ? — Уже ли и Смоленскъ сдадутъ? ... Солдаты будутъ драться ужасно! Поселяне готовы сдѣлать то же. Только и говорятъ о поголовномъ наборѣ, о всеобщемъ возстаніи. „Повели, Государь! всѣ до одного идемъ!“ Духъ пробуждается, души готовы. Народъ проситъ воли, чтобъ не потерять вольности. — Но война народная слишкомъ нова для насъ. Кажется, еще боятся развязать руки. До сихъ поръ нѣтъ ни одной прокламаціи, дозволяющей сбираться, вооружаться и дѣйствовать гдѣ, какъ и кому можно. — Дозволятъ — и мы *поселяне* готовы въ подкрѣпу *воинамъ*. Знаемъ мѣста, можемъ вредить; засядемъ въ лѣсахъ, будемъ держаться — и удерживать; станемъ сражаться — и отражать!...

Августа 4 дня, въ 2 часа за полдень.

Село Сутоки.

Въ сіи минуты, какъ я пишу къ тебѣ дрожащею рукою, рѣшается судьба Смоленска. Непріятель, сосредоточивъ *едѣ-то* великія силы, ворвался вчера въ Красное; и между тѣмъ, какъ наши смотрѣли на Рудню, онъ пошелъ къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ внезапно. Дивизія Невѣровскаго принесла сегодня Французовъ на плечахъ; а храбрый Генералъ Раевскій вспрѣтилъ ихъ съ горсткою войскъ, и не впустилъ въ

городъ. Сегодня всѣ обыватели высланы; батшарей разставлены. Непріятель съ двумя сшами тысячь наступаетъ на Смоленскъ, защищаемый 150.000 нашихъ. Покровская гора еще въ нашихъ рукахъ. Теперь сраженіе горитъ подъ самыми стѣнами. — Когда получишь сіи строки, то знай, что чей-нибудь жребій уже рѣшился: или отбьешь Наполеонъ, или — *дверь въ Россію отперта.*

Я сей часъ иду помолиться въ послѣдній разъ на гробахъ родителей, и ѣду къ старшему брату моему, Василью: отъ него видно сраженіе. Прощай! —

Августа 8. Село Цуриково.

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину — я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе. 4 числа непріятель устремился къ Смоленску, и встрѣченъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5 числа, съ ранней зари до поздняго вечера, 12 часовъ, продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались какъ львы. Французы, или лучше скажемъ Поляки, въ бѣшенѣмъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломались въ ворота, бросались на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ пѣснились около города по ту сторону Дибра. Наконецъ, утомленный противоборствіемъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. — Злодѣи потчасъ исполнили приказъ изверга. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненныхъ ядеръ полетѣли на дома; башни, магазины, церкви. — И дома, и церкви, и башни обнялись пламенемъ — и все, что можетъ горѣть — запылало! . . . Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, прескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кнущая ружейная пальба, стукъ барабановъ,

воплъ старцевъ, стоны женъ и дѣшей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками: вошъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ, что раздирало сердце! . . . Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки Русскіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тлился съ ранеными. . . .

Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ прескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщаль оное. Между тѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила шемношу ко мраку, и ужасъ къ ужасу. — Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣшей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взятъ былъ непременно 5 числа; однако жъ Русскіе опснояли его грудью, и 5 числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано — о превратности судьбы! То, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно! . . . Главнокомандующій имѣлъ на то причины. Теперь Смоленскъ есть огромная груда пепла; окрестности его — суть окрестности Везувія послѣ изверженія. — Наши поспѣшно опсступаютъ къ Дорогобужу; но сей часъ, то есть 8-го числа къ вечеру, пріоспанились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся, и завтра будутъ драться! Злодѣи берутъ однимъ многочисловомъ. Вооружайтесь всѣ, вооружайтесь всякъ, кто только можетъ, гласитъ наконецъ Главнокомандующій въ послѣдней прокламаціи своей. — *И такъ — народная война!*

Его Императорское Высочество Константинъ Павловичъ, усердно раздѣляющій съ войскомъ труды и опасности сего бурнаго времени, былъ свидѣлемъ кровопролитнаго боя и страшнаго пожара Смоленскаго. Съ душевнымъ прискорбіемъ взиралъ онъ на разрушеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ своего отечества. — Жители Смоленска неутѣшны. Несчастія ихъ неописанны. О другъ мой! сердце твое облилось бы кровію, если бѣ ты увидѣлъ злополучіе моей родины. Но Судьбы Вышняго неиспытанны: — пусть разрушаются грады, пылаютъ села, испребляются дома, исчезаетъ спокойствіе мирныхъ дней: но пусть сія жертва крови и слезъ, сіи стоны народа, текущіе въ облака вмѣстѣ съ куреніемъ пожаровъ, умилоштивяшъ наконецъ разгнѣванные небеса! Пусть постраждутъ области; но спасенъ отечество! Вотъ общій голосъ душъ, вотъ искренняя молитва всѣхъ Русскихъ сердецъ! —

Я и старшій братъ съ нетерпѣніемъ ожидали, пока выйдетъ братъ нашъ Григорій изъ огня. Онъ былъ 12 часовъ въ стрѣлкахъ, и дрался такъ храбро, какъ только можетъ драться Смолянинъ за свой отечественный городъ. Въ этомъ увѣрили насъ всѣ офицеры его полка. Бригадою ихъ командовалъ Генераль-Маіоръ Оленинъ, и водилъ ее въ самый жаркій огонь. Всѣ жалуютъ о смерти, отличнаго по долговременной службѣ, необычайной храбрости и добротѣ душевной, Генерала Балы, коимъ убитъ 5-го числа въ передней цѣпи стрѣлковъ. — Кровопролитныя битвы еще продолжаются. Мы ложимся и всаемъ подъ блескомъ заревъ и громомъ перестрѣлокъ. Миѣ уже нельзя заѣхать домой; нушъ отстрѣзанъ! И такъ иду туда, куда движемъ всѣхъ буря войны! Сколько раненыхъ! сколько бѣгущихъ! Безконечные обозы тянутся по полямъ; толпы на-

рода спѣшаютъ, сами не зная куда! . . . Мы теперь нищѣ, съ благороднымъ духомъ, бродимъ уныло по развалинамъ своего отечества. — Бѣдный С. . .! въ то время, какъ братъ его сражается, и отечественный городъ въ глазахъ его горитъ, узнаешь онъ, что отецъ впалъ въ жестокую горячку, а мать, испуганная приближеніемъ врага, умерла! . . . Вотъ примѣръ ужаснѣйшаго положенія, въ которомъ находятся теперь многіе! — Повсюду стонъ и разрушеніе! . . . Мы живемъ во дни ужаса! . . . Прощай! — Можетъ быть, въ этомъ мірѣ уже навсегда! . . .

23 Августа.

„Тутъ остановимся мы и будемъ сражаться!“ думалъ каждый, увидѣвъ издали высоты Бородинскія, на которыхъ устроили баатарен. Войска перешли Колочу, впадающую здѣсь же, при селѣ Бородинѣ, въ Москву рѣку, и установились на протяженіи холмовъ, омываемыхъ слияніемъ сихъ двухъ рѣчекъ. Спало войско — и не спало ни жатвъ, ни деревень; первыя принопшаны, другія снесены. „Война идетъ, и мѣшенъ!“ такъ говорили издавна въ народѣ. Можетъ ли быть бѣднѣе лютейшее войны? . . .

Наступаетъ вечеръ. Наши окапываются неутомимо. Застѣками городятъ лѣса. Пальбы нигдѣ не слышатъ. Тамъ, вдали, непріятель разводитъ огни; въперъ раздуваетъ пожары, и зарево выше и выше восходитъ на небеса! — По послѣднему расположенію войскъ, у насъ на правой рукѣ Милорадовичъ; на лѣвой Князь Баграціонъ; въ срединѣ Докторовъ. Глава всѣхъ войскъ Князь Кутузовъ, подъ нимъ Барклай де Толли. Ожидаютъ непріятели и сраженія. — Прощай! —

24 Августа.

Отдаленный громъ пушекъ привѣстивовалъ восходящее солнце. Генералъ Коновницынъ, съ

передовыми полками, схватился съ непріятелемъ подъ стѣнами Колоцкаго монастыря. — Вотъ идутъ они: одинъ искусно уклоняется, другой — нагло влечетъ гремящія тысячи свои прямо на насъ. — Толпы его, тянувшіяся по дорогѣ, вдругъ распахнулись въ право и въ лѣво. Смотрите, какая необозримость сихъ движущихся стѣнъ! . . . Поля дрожатъ, кажется, гиушя подъ множествомъ конныхъ; лѣса наполнены стрѣлками; пушки выныгиваются изъ долинъ и кустарниковъ, и въ разныхъ мѣстахъ, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки, взъѣзжаютъ. — Многочисленное войско непріятельское колеблется: кажется въ нерѣшимости. Вотъ пошатнулось было въ лѣво, и вдругъ повалило на право. Огромныя полчища двинулись на лѣвое наше крыло. — Русскіе спокойно смотрятъ на все съ укрѣпляемыхъ высотъ своихъ. — Пыль, взвившаяся до небесъ — осѣдаетъ. Даль яснѣетъ. Непріятель къ чему-то готовился. Посмотримъ, къ чему . . .

24 Августа, поздно въ вечеру.

Непріятель, какъ туча, засинѣлъ, сгустившись, прошивъ лѣваго нашего крыла, и съ быстрой молніею ударивъ на оное, хотѣлъ все сбить и уничтожить. — Но Князь Багратионъ, Генераль Тучковъ, храбрый Графъ Воронцовъ и прочіе, призвавъ на помощь Бога, укрѣясь своимъ мужествомъ, и оградясь штыками Русскими, опбросили далеко пѣхоту, дерзко приступавшую къ баштарямъ. Пушки наши дѣйствовали чудесно. Кирасиры врубались съ неимовѣрною отважностію. Раздраженный непріятель нѣсколько разъ повторялъ свои нападенія, и каждый разъ былъ отражаемъ. Поле покрылось грудami тѣлъ. — Во все время, какъ мелкій огонь гремѣлъ неумолчно и небо дымилося на лѣвомъ крылѣ, Князь Михаилъ Даріоновичъ сидѣлъ на

своей деревянной скамейкѣ, которую за нимъ всегда возили, у огня, на средній линіи. Онъ казался очень покоенъ. Всѣ смотрѣли на него, и, никакъ сказать, черпали отъ него въ сердца свои спокойствіе. Въ рукахъ его была нагайка, которою онъ то помахивалъ, то черпалъ что-то на песокъ. — Казалось, что весь онъ превратился въ слухъ и зрѣніе, то вслушиваясь въ гремящіе переходы сраженія, то внимательно обозрѣвая положеніе мѣсцъ. — Часто пересылался съ нимъ Баграціонъ. — Ночь прекратила бой и засвѣтила новые пожары. — Прощай до-завтра!

25 Утро.

Все тихо. Непріятель отдыхаетъ; перевязываетъ вчерашнія раны, и окапываетъ лѣвое крыло свое. — И наши не дремлютъ: — готовятся! —

25. Сумерки.

Я почти цѣлый день просидѣлъ на колокольнѣ въ селѣ Бородинѣ. Ошшуда, въ зрительную трубку — все, какъ на ладони! — Они роются, какъ крошкы, въ землѣ; строятъ преогромные редуты, а пушекъ, пушекъ, и сказать спрашно! — На одномъ только окопѣ нащипалъ я — сто! — Но не одинъ я задержанъ былъ любопытствомъ на колокольнѣ; многіе Генералы всходили шуда же. — Общее мнѣніе было, что непріятель для того огораживаетъ лѣвое крыло свое, чтобъ свести всѣ войска на правое, и съ сугубымъ усиліемъ ударить на лѣвое наше. — На средину также ожидали нападенія. — Но вотъ уже сумерки! Въперъ поднимается съ воємъ, и гулитъ по шалашамъ. Французы отаборились, и засвѣтили огни. Я забылъ сказать, что почти цѣлый день шайки ихъ стрѣлялись съ нашими егерями: наши не давали имъ нишъ изъ Колочи. — Прощай — темно! иду доставать свѣчи. —

Съ 25 на 26. Глубокая ночь.

Все безмолвствуетъ!... Русскіе, съ чистою безупречною совѣстію, тихо дремлютъ, облегиши дымящіеся огни. Сторожевыя цѣпи пересылаютъ одна другой просяжныя отголоски. Эхо чуть вторитъ имъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрятся звѣзды. Такъ все покойно на нашей сторонѣ. —

Напротивъ того: ярко блещутъ утросенные огни въ таборахъ (*) непріятельскихъ; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики по всему стану ихъ разносятся. — Вошь! слышны восклицанія. Вошь еще другія!... Они вѣрно привѣтствуютъ разъѣзжающаго по спроямъ Наполеона. Точно такъ было предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Что будетъ завтра? — Вѣтеръ гаситъ свѣчу, а сонъ смыкаетъ глаза. — Прощай! —

29 Августа. Окрестности Москвы.

Заспонала земля, и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26-го Августа. Туча ядеръ, съ визгомъ пролетѣвшихъ надъ шалашемъ нашимъ, пробудила меня и товарищей. Вскливаемъ, смотримъ — густой туманъ лежитъ между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Непріятель подвезъ нѣсколько сотъ орудій, и открылъ цѣлый адъ. Бомбы и ядра сыплются градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстны. Одни шалаши валятся; другіе пылаютъ. Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь. — Все сіе происходило въ срединѣ; а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣпѣла гроза въ непрерывныхъ перекатахъ грома пушекъ и мелкаго ружья. Мы проспились съ братомъ. Онъ побѣждалъ со стрѣлками защищать мостъ. —

(*) Таборъ значишь, кажешся, бивакъ (bivouaque).

Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной баштарѣ, гдѣ находился Свѣтлѣйшій, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ. — — Мой другъ! я видѣлъ сіе неимовѣрно - жестокое сраженіе, и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли чинывалъ. —

Я былъ подъ Аустерлицемъ; но то сраженіе, въ сравненіи съ симъ — ошибка! Тѣ, которые были подъ Прейсишъ-Эйлау, дѣлають почти такое же сравненіе. — Надобно имѣть къ Микель-Ангела, изобразившую Спрашый судъ, чтобъ осмѣлился представить сіе ужасное побоище. — Подумай только, что до 400 тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ мѣстѣ, по многочисленности ихъ, пространствѣ, почти, такъ сказать, толкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ опчаяніемъ, 2000 пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко воздыхали окрестности — и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы мешались съ дикимъ оспервенѣніемъ; Русскіе стояли съ неподвижностію твердѣйшихъ стѣнъ. Одни стремились до рваться до вождѣльнаго конца всѣмъ трудамъ и дальнымъ походамъ, загрести сокровища, имъ обѣщанныя, и насладиться всѣми утѣхами жизни въ древней знаменитой столицѣ; другіе помнили, что заслоняють собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорбленная Вѣра, разоренныя области, поруганные алтари и прахи опцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіали о мщеніи и мужествѣ.

Сердца Русскія внимали священному воплю сему: мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждымъ вершкомъ земли, и бились до смерти за каждый шагъ. Многія баштарен до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки. — Сраженіе горѣло въ глубокой долині, и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ,

на высоты восходило. Густой дымъ заступилъ мѣсто шума. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ, и заслоняли средину, между тѣмъ, какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣтило сіе мало видало такихъ браней на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ освѣщася ее. — Сколько потоковъ крови! сколько тысячъ тѣлъ! „Не заглядывайте въ этотъ лѣсокъ,“ сказалъ мнѣ одинъ изъ лекарей, перевязывавшій раны: „тамъ цѣлые костры оппеленныхъ рукъ и ногъ!“ . . . Въ самомъ дѣлѣ въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнъ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ было опорванныхъ ногъ и рукъ. — На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оппорванные ноги и разможенные руки до плечъ были обыкновенны. Тѣ, которые несли раненыхъ, облиты были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей. . . .

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и цѣлый день продолжался бѣглый огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи летали здѣсь такъ густо, какъ обыкновенно летаютъ пули; а сколько здѣсь пролетѣло пуль! . . . Но это сраженіе неописанно: я сдѣлалъ только *абрисъ* онаго. — По счастью, на то самое мѣсто, гдѣ случился я съ братомъ, привели уже около вечера брата нашего Григорія. Онъ былъ раненъ пулею въ голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязалъ ее. — Вечеръ наступалъ, и непріятель началъ уклоняться. Русскіе уснояди! — Мы благословляли Небо, и поспѣшили проводить раненаго въ Можайскъ. —

Гродно, 1 Января 1813.

Наконецъ минулъ сей 1812 годъ. Какимъ шумомъ, блескомъ и волненіемъ ознаменовалось шествіе его въ міръ! Ежели говоритъ языкомъ Стихотворцевъ, придавая всему лице и существенность, то я воображаю, что сей годъ, обремененный славою и пресупленіями, важно вступаетъ во враша вѣчности, и гордо вопрошаетъ неисчислимые сонмы протекшихъ годовъ: кто болѣе его обогреть кровію и покрыть лаврами; кто былъ свидѣтелемъ большихъ превращеній въ судьбахъ народовъ, царствъ и вселенной. — Возстаюшъ вѣки древняго Рима, пробуждающія времена великихъ браней, славныхъ Полководцевъ; вѣки всеобщаго переселенія народовъ Напрасно! Древняя Исторія, кажется, не найдетъ въ себѣ года, который бы во всѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ могъ сравниться съ протекшимъ. — Начало его наполнено было мрачными предвѣстіями, шомительнымъ ожиданіемъ. Гнѣвные шучи сгущались на западѣ. Вслѣдъ за пламенною кометою многія дивныя знаменія на небѣ являлись. Люди ожидали будущаго, какъ Страшнаго суда. Глубокая однако жъ тишина и шайна господствовали на землѣ. Но сія обманчивая тишина была предвѣстницею страшной бури. Взволновались народы, какъ волны океана, и всѣ силы, все оружіе Европы обратились на Россію. Богъ предалъ ее на раны, но защитилъ отъ гибели. Россія отступила до Оки и, съ упругостію, свойственною силѣ и огромности, раздвинулась опять до Нѣмана. Области ея сдѣлались пространнѣмъ гробомъ неисчислимымъ врагамъ. Русскій, спаситель земли своей, пожалъ лавры на снѣгахъ ея, и развернулъ знамена свои на чуждыхъ предѣлахъ. Изумленная Европа, слезами и горестію покрывая, взирая на небо, невольно восклицаетъ: „Великъ Богъ земли Русскія, великъ

Государь и народъ ея!“ — „Великъ Кутузовъ, Полководецъ мудрый!“ — говоритъ Испорія, и вмѣстѣ съ именемъ его пишетъ на златыхъ скрижаляхъ своихъ 1812-й годъ.

Федоръ Глинка.

VIII. Письма Суворова.

Къ Князю Потемкину.

1.

Ищете ли истинной славы, идите по слѣдамъ добродѣтели. Последней я преданъ, а первую замыкаю въ службѣ отечества. Для излеченія моихъ ранъ и поправленія здоровья отъ длинной кампаніи, я ѣду къ водамъ. Вы меня отпускаете; цѣленіе ихъ ближе: оно въ обновленіи милостей вашихъ. Свѣтлѣйшій Князь! Защитите проступокъ мое отъ ухищреній ближняго: прошивъ Государственныхъ непріятелей готовъ . . . Какая вдругъ переменна милости вашей! и чего могу надѣяться въ случаѣ несчастія, свойственнаго смертному, когда нынѣ безвинно спражду? Прощивна особа, прошивны и дѣла. Съ честью служилъ бы, но жестокія мои раны отвлекаютъ . . . Свѣтлѣйшій Князь! утруждаю о испрошеніи милости вашей, чтобъ дозволили мнѣ на нѣкоторое время отдалиться къ сторонѣ Москвы для лучшаго излеченія ранъ и поправленія моего ослабшаго здоровья, съ жалованьемъ мнѣ и моему шпабу. Явись къ службѣ не замедлю.

2.

Не думалъ я, чтобъ гнѣвъ Вашей Свѣтлости столь далеко простирался. Во всякое время я его старался утешать моимъ простоду-

шіемъ. — Изреченіе къ *Пойсару* (*) падаетъ на меня. Велика ли та вина, хотя бы при морскіе офицера на мой спросъ не въ важномъ примѣрномъ щетѣ ошиблись! — *Удаленіе отъ познанія наводитъ важную неизвѣстность.* — Вашъ легкомысліе! — Я хочу видѣть племянника (**). Вы до него милоспѣивы. — Я не знаю. — Услыша, тотъ часъ обращаю. — Но и то поступокъ не служба. — Извольте поминишь! — *Сергій Лавреншьевичъ*, какой мой пріятель! — могъ онъ и здѣсь на меня поднять. Онъ при васъ шушишь мною. — Здѣсь меня не почищаютъ. — Невинность не терпимъ оправданій! — Знаете прочихъ. — *Всякій имѣетъ свою систему,* — такъ и по службѣ я имѣю мою. — Мнѣ не переродиться, — и поздно! — *Свѣтлѣйшій Князь!* успокойте остатки моихъ дней! — шея моя не оцараплена, — чувствую сквозную рану, и она не пряма, — шѣло изломано; — такъ не длинны шѣ дни. — Я Христіанинъ! — имѣйте челоуѣколюбіе! — Коли вы не можете побѣдинъ свою немилость, удалите меня отъ себя. — На что вамъ сносишь отъ меня малѣйшее безпокойство? — Есть мнѣ служба въ другихъ мѣстахъ, по моей практикѣ, по моей степени! — Но милости ваши, гдѣ бы я ни былъ, вездѣ поминишь буду. — Въ несправности моей готовъ стать предъ Престолъ Божій! —

3.

Боже мой! какъ я обезпокоилъ Вашу Свѣтлость, моего благодѣтеля! — „Скромность, приговорство, — благоправіе, — своевравіе — твердость, — упрямство — равногласны!“ — Что разумѣшь изволите? — Общій порокъ челоуѣ-

(*) *Пойсаръ*, бывшій флота Лейтенантъ въ Черноморскомъ флотѣ и начальникъ на объѣздномъ суднѣ.

(**) К. А. И. Горчакова.

чества? — на него для меня толкъ пятой заповѣди. —

По естеству или случаямъ, одинъ способенъ къ первой *роли*, другой ко второй! — Не въ своей *роли* — испортивъ. — Обоймъ воинскіе законы руководствомъ. — *Счастіе отъ ихъ правилъ!* Александръ льстивъ и лживъ, дома не сидѣлъ: — Агезилай сдѣлалъ его Гевалдигеромъ! — Лаудонъ, добрый человекъ, взялъ шулкою Дубицу! —

Кто у васъ опшимаешъ, Свѣтлѣйшій Князь — вы великій человекъ! — Вы начальникъ начальниковъ! — Вы говорите: ихъ слава, ваша слава! — Ктожъ изъ нихъ за нею бѣгаетъ, — она бѣжитъ отъ него. — Истина благосклонна одному достоинству. — Милостивый Государь — *Добродѣтель всегда гонима.* — Покровительство ближе всѣхъ къ вамъ! — Вы вѣчны, вы крапки! — Въ него я себя поручаю.

НАСТАВЛЕНІЕ КРЕСТНИКУ (*).

Любезный мой сынъ Александръ!

По званію военнаго человека, вицкай прилежно въ сочиненія Вобана, Куторна, Кюрасса, Гюбнера; учишь отчасни Богословію, Физикъ и Правосвѣнности. Внимательно читай Евгенія, Тюрениа, Записки Юлія Кесаря, Фридриха Винограго, первыя части Ролленевой Исторіи и мечпанія Графа де Сакса; языки полезны для Словесности. Упражняйся въ верховой ѣздѣ и въ шпажномъ искусствѣ.

Военныя добродѣтели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для Генерала. Военачальникъ, руководствуясь порядкомъ и устройствомъ, властвуетъ съ помощію неусыпности и предусмотрѣнія.

(*) Сыну храбраго Австрійскаго Полковника Карачая.

Будь откровененъ съ друзьями, умѣренъ въ нужномъ и безкорыстенъ въ поведеніи. Пламенный усердіемъ къ службѣ своего Государя.

Люби истинную славу; оплечай честолюбіе отъ надменности и гордости.

Привыкай заранѣе прощать погрѣшности другихъ, и не прощай никогда себѣ своихъ погрѣшностей.

Обучай ревностно подчиненныхъ и подавай имъ примѣръ собою.

Непрестанное упражненіе въ томъ, какъ все обнять однимъ взглядомъ, учинитъ тебя великимъ Полководцемъ. Умѣй пользоваться мѣстоположеніемъ.

Будь шерпѣливъ въ военныхъ трудахъ; не унывай отъ неудачъ. Умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя; не предавайся безвременной занальчивости.

Храни въ памяти своей имена великихъ людей и руководствуйся ими въ походахъ и дѣйствіяхъ своихъ съ благоразуміемъ; не презирай никогда непріятеля своего, каковъ бы онъ ни былъ; старайся узнать его оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается; изслѣдуй силы и слабость его.

Привыкай къ дѣятельности неутомимой.

Управляй счастьемъ; одинъ мигъ доставляешь побѣду. Покоряй себѣ счастье быстрою Кесаря, который умѣлъ уловлять непріятеля своего даже днемъ, окружать его и нападать на него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хопѣлъ, и въ то время, когда желалъ; отпрѣзывай у него всякаго рода запасы и пріобрѣти искусство, чтобы войско твое никогда не нуждалось въ продовольствіи.

Да возвыситъ тебя Богъ до мужественныхъ подвиговъ знаменитаго *Карагая!*

Пер. Сергій Глинка.

IX. *Письма Миллера къ Бонстеттену.**Шафгаузенъ, 14 Мая 1773.*

Я давно желалъ имѣть сообщеніе съ другомъ мудросши, имѣющимъ одинакую со мною цѣль, одинакій возрастъ, и которому было бы мнѣ пріятно повѣрить всѣ свои планы, всѣ свои мысли о Наукахъ, отечесствѣ, человѣкѣ. Арабъ, странствующій по раскаленнымъ пустынямъ Ирака, не столь непрерывно желаетъ найти прохладительный источникъ, какъ я, о милый другъ мой! желалъ стремиться за человѣкомъ, тебѣ подобнымъ. Ничего не пропавшия нашему союзу. Мы оба умѣемъ писать. Бернъ и Валлекръ не раздѣлены морями, и мы союзники: такъ, союзники, Бонстеттенъ; будемъ же ими въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Пусть будутъ наши письма, намъ однимъ извѣстныя, вѣрнымъ изображеніемъ нашего сердца; сохранимъ въ нихъ свои добродѣтели, свои недоспашки, свои мысли еще неясныя, планы свои еще несовершенные, взаимную нашу критику и нѣжныя совѣты нашей дружбы. Какія бы ни были мои слабости и просшупки, я покажусь тебѣ такимъ, каковъ я есмь, съ открытымъ лицомъ и душою. Храни меня своимъ благоразуміемъ, и возвращай на добрый путь всякій разъ, когда моя пылкость завлечетъ меня въ заблужденіе. Мы знаемъ болѣе своихъ согражданъ; но мы еще весьма далеки отъ того, чшобы имѣть знанія всеобщія. Твои и мои замѣчанія вмѣстѣ принесутъ намъ гораздо болѣе пользы, нежели трудъ уединенный, неоживляемый пособіемъ и примѣромъ. Я желалъ бы, чшобы мы, такъ сказавъ, составили союзъ чтенія, мыслей, сужденій. Спрашивай меня свободно о всякомъ предметѣ, о которомъ и съ великимъ трудомъ не пріобрѣлъ ты основательнаго свѣдѣнія; спрашивай обо всемъ, что можешь хотя немного

возбудить твое любопытство. Короче сказать, прошу тебя задавать мнѣ всѣ тѣ вопросы, какіе тебѣ вздумается, лишь бы рука твоя писала оныя твоего сердца.

Жанту, 22 Іюля 1776.

Мнѣ грустно, милый другъ, неизъяснимо грустно! Ничто такъ не приводитъ въ волненіе сердца, какъ смерть человѣка съ великимъ духомъ. Сульцеръ, эшотъ добродѣтельный мужъ, эшотъ любезный мудрецъ, эшотъ всеобъемлющій умъ, Сульцеръ, котораго мы видѣли, съ которымъ я провелъ здѣсь четыре восхищительныхъ дня, съ которымъ я говорилъ, смѣялся, печалился, чувствовалъ, другъ Боннета, слава Германіи — его уже нѣтъ! Онъ умеръ въ томъ маленькомъ городкѣ, который есть и мѣсто его рожденія; онъ завѣзжалъ въ него на возвращенномъ пути въ Берлинъ. Я писалъ къ Бодмеру, котораго просилъ сообщить мнѣ всѣ подробности эшого горестнаго случая. Машеріалисты должны умолкнуть передъ смертію Сульцера! Какъ можетъ быть, чтобы Творецъ угасилъ эту душу, возвышавшуюся на такую высокую степень свѣта! . . . Когда я воспоминаю объ умѣ Сульцера, о его сердцѣ, о его любезномъ характерѣ, о привлекательной ясности его лица; то кажется мнѣ, будто начинаю вдвое любить и Науки и добродѣтель. О! пойдѣмъ, Бонстешенъ! по той дорогѣ, которую выбралъ для себя Сульцеръ; оподѣлимъ души свои оныя эшихъ чувственныхъ душъ, которыя топяшся на низкой степени человѣчества; пойдѣмъ спокойно, рука въ руку, при свѣтѣ Наукъ, ободряемые утѣшительною дружбою, во срѣщеніе сего послѣдняго дня, который украситъ существованіе наше въ мірѣ! Главнымъ благодѣніемъ судьбы моей почишаю то, что она провела тебя прямо ко мнѣ посреди осьми сонъ

милліоновъ людей. Здѣсь, мой другъ, въ уединеніи, отдѣленный отъ всего міра, одинъ между землею и небомъ, даю тебѣ и совѣсти моей твердый обѣтъ, что наши души, на-вѣки неразлучныя, будутъ всегда совокупно, соединенными силами стремиться къ одинаковому и общему намъ совершенству. Тотъ самый Богъ, который соединилъ всѣ кольца великой цѣпи творенія, тотъ самый Богъ повелѣлъ намъ быть друзьями, быть счастливыми другъ отъ друга; слѣдовательно, любя добродѣтель и мудрость, намъ не прилично оплакивать Сульцера по примѣру людей обыкновенныхъ. Оставивъ слабымъ душамъ безполезную горестъ и тщетныя жалобы, возвысимъ мысли свои къ разсмаптриванію его добродѣтелей, воспреещающихъ намъ унывать и плакать! Почтимъ его память не суетными скоропогибающими похвалами, но удивленіемъ искреннимъ, и если возможно, послѣдованіемъ его великому примѣру!

Вчера началъ я читать, вмѣстѣ съ Боннетомъ, Разсужденіе Сульцерово, напечатанное въ Запискахъ Академіи. При этомъ случаѣ сравнилъ я нѣкоторые характеры, которыми нѣкоторые славные Писатели отличаются одинъ отъ другаго въ слогѣ своемъ. Моншескье, всегда превосходный, первой степени геній; Сульцеръ мудрецъ Сократовой школы; Галлеръ умный человѣкъ, имѣющій необъятныя свѣдѣнія; Лейбницъ великій Философъ, совсѣмъ недумающій писать, и отъ того чрезвычайно небрежный въ слогѣ. Въ сочиненіи, о которомъ я говорилъ выше, Сульцеръ разсуждаетъ о *Геніи* — прекрасный опривокъ. Авторъ разсыпалъ въ немъ щедрою рукою многія съмена замѣчаній новыхъ; на всякой страницѣ видѣнъ Авторъ *Теоріи Изящныхъ Искусствъ*, просвѣщенный любитель древности, глубокій и тонкій судія произведеній Искусства, наконецъ Профессоръ. Въ слогѣ его встрѣчающа рѣдко — я

сказалъ бы почти никогда — обороты и формы генія. И я и ты сотворены, кажется, болѣе любите Моншескье, нежели Сульцера.

Моншескье, Тацитъ, Титъ-Ливій, Блэкстонъ, Макиавель, все великое Греціи, вѣчнаго Рима, все то, что произвела мужественная сила Сѣвера, свобода Британніи, образованность Французская и трудолюбивая ученость Германской націи, все то, что намъ осталось отъ революціи міра и чего не испребали варвары въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ — памятники генія и мудрости толкаго множества великихъ людей — все это, другъ мой, для насъ открыто, есть наша собственность, можетъ служить намъ пищею. Всѣ вѣки собирали для нашего, а Тотъ, Котораго невидимая рука сохранила для насъ сіи богатства, Тотъ говоритъ намъ: читайте и научайтесь!

Жантѹ, 29 Іюля 1776.

Каждый день около шести или семи часовъ сряду работаю надъ *Исторіею моихъ Швейцаровъ*. . . Теперь дѣло идетъ о Бернѣ. Люди грѣшатъ по невѣжеству, по незнапію настоящей своей пользы: для того-то и надлежало бы имъ просвѣщать себя опытами вѣковъ. Они ошибаются также и отъ того, что слишкомъ слабо чувствуютъ истинны, въ которыхъ увѣрены разсудкомъ. По этой причинѣ и недовольно того, чтобы извлекать изъ Исторіи важныя мысли: надлежитъ передѣлать ее снова и совершенно въ другомъ свѣтѣ представить. Когда я подумаю о томъ, сколь много было бы можно сдѣлать, и какъ еще мало сдѣлано; тогда увѣряюсь, что XVIII вѣку еще много осталось прибавить къ будущему усовершенствованію человека. И это въ особенности должность Исторіи: языкъ ея имѣетъ силу непобѣдимую.

Пер. Жуковскій.

Х. *Письмо къ Б. о статуѣ Мира,*
изваянной Кановою.

И любопытство и жалобы твои основательны, мой другъ; но я не совсѣмъ надѣюсь ихъ удовольствовать. — Ты сътужешь, что до сихъ поръ ни одинъ Журналь не говоритъ о предметѣ, который въ Петербургѣ нѣсколько уже мѣсяцевъ привлекаетъ вниманіе всѣхъ любителей Художества, о такомъ предметѣ, которой достоинъ обнародованія какъ по благороднымъ чувствамъ, подавшимъ къ нему мысли, такъ и по таланту Художника, ихъ исполнившаго. И по этому пребудешь, чтобы я удовлетворилъ твое любопытство, давъ хотя легкое понятіе о статуѣ Мира. Я слышу, говоришь ты, что это одно изъ лучшихъ твореній чужеземнаго Художника; а прекрасное ни одному народу не чужеземно: весь просвѣщенный міръ плашеть дань удивленія произведенію истинныхъ дарований; и мы, кому бы ни принадлежало у насъ подобное произведеніе, мы должны имъ хвалиться, какъ прекраснымъ имуществомъ нашего общества.

Ты совершенно правъ, мой другъ; но произведеніе — изъ котораго не лзя извлечь ни выписокъ, ни примѣровъ — хвалить одними восклицательными знаками — ничего не значить. Однихъ чувствъ мало, чтобы чувствовать прекрасное въ Искусствахъ: его надобно изучить и постигнуть умомъ. И такъ я еще не знаю, на что тебѣ должно будетъ болѣе сътовать: на то ли, что люди, такъ сказать, обязанные говорить о подобныхъ предметахъ, до сихъ поръ молчатъ, — или на то, что я рѣшаюсь говорить. Удовольствовать ученое твое любопытство однимъ историческимъ описаніемъ статуи — не

надѣюсь, а судить о достоинствѣ художества я стану какъ ученикъ. Графъ Н. П. Румянцовъ, многими и безиримѣрными для частныхъ людей опытами увѣковѣчившій любовь свою къ отечественной славѣ, пожелалъ также ознаменовать памятникомъ при мира, пріобрѣтенные къ славѣ Россіи рукою Румянцовыхъ; первый — Абовскій въ 1743 г., второй — Кайнарджійскій въ 1774 г., и третій — Фридрихсгамскій въ 1809 году. — На сей конецъ предложилъ онъ Кановъ сдѣлать снатуку Мира.

Художникъ благородную мысль патриота принялъ съ восторгомъ, съ пламеннымъ желаніемъ (шакъ почти самъ онъ изъясняется въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей) оставить плодъ своихъ трудовъ въ Государствѣ, которое, удивляя вселенную могуществомъ и славою оружія, шагами исполна идетъ къ славѣ Наукъ и просвѣщенія. Съ такими намѣреніями и чувствами начатое дѣло не могло не быть выполнено достойно своего предмета. Снатука Мира, по признанію самого Художника, вмѣстѣ съ его Венерою, дѣланною для Флоренціи, есть лучшее его произведеніе.

Греки почитали Миръ, какъ великую богиню, и изображали ее держащею на рукахъ бога Плутуса — младенца. У Римлянъ, на одной изъ медалей Тиша, Миръ представленъ въ видѣ богини, которая, правою рукою облокотясь на колонну, держитъ оливную вѣтвь, а лѣвою кадуцей Меркурія. — Почти подъ симъ образомъ, вѣками освященнымъ, и Канова осуществилъ свою идею. Окрыленная богиня, попирая ногою змію, въ правой рукѣ, которою она легко склоняется на колонну, держитъ оливную вѣтвь, а лѣвою высокій жезлъ, или древній скипетръ, обыкновенную принадлежность боговъ Олимпійскихъ. На колоннѣ изображены годы мира. Фигура снатуки, — вышиною въ 2 арш. и 8 верш.

— сдѣлана вся изъ одного куска превосходнаго бѣлаго мрамора.

Но ты хотѣлъ знать мысли мои объ ея достоинствѣ? — Вспомни еще разъ, что я не изъ числа знатоковъ, которые первымъ взоромъ могушь открывать и красоты, и пороки; не изъ числа также ученыхъ судей, которые обыкновенно ничему не удивляются, и на прекрасную статую или картину смотрятъ, равнодушные, думая, что обнаружатъ невѣжество, если позволяшь себѣ предаться чувствамъ удивленія. Удивленіе есть начало мудрости, по словамъ Платона. И такъ предадимся ему даже на счетъ невѣщества, и не будемъ произведенія душевныхъ силъ измѣрять холоднымъ разсудкомъ прежде, нежели постигнемъ его душою. „Хотите ли быть посвященными въ тайны Искусства?“ говоритъ Винкельманъ, въ священниче тайнъ сихъ проникнувшій: „подходите къ произведеніямъ его съ чувствомъ предубѣжденія въ ихъ пользу, и красоты — тогда раскроются предъ глазами вашими.“

Нѣсколько уже разъ я вижу статую, и каждый разъ — смотря на нее съ новымъ удовольствіемъ, каждый разъ повѣряя мои чувства и мысли съ чувствами и мыслями другихъ — оправдываю свои наслажденія, и не нахожу никого, кому бы надобно было сказать: возьми мои глаза, и она покажется тебѣ богинею! (*)

Прелестное созданіе! Существо блистающее юностію, жизнью и красою! неужели рука, вооруженная молотомъ и желѣзомъ, произвела тебѣ? Ты свѣтло какъ мысль, легко какъ видѣніе (**).

(*) Это сказалъ Зевксисъ одному изъ бришковавшихъ картину его — Елену.

(**) А особенно если смотреть на статую сквозь большое зеркальное стекло, составляющее дверь

Но — вещи познаются лучше по сравненію: какой статуѣ изъ древнихъ, спросишь ты, можно ее уподобить? — Никакой, мой другъ; довольно того, что она подобна — богинѣ. Не пошому, что ей даны принадлежности божества; не пошому, что ее такъ величественно осѣняютъ крылья: нѣтъ эта голова, это лице, это видъ — все показываетъ существо высшее, ознаменовываетъ натуру божественную. — Какое тѣло! Посмотри на правую руку, которою богиня облачивается на колонну: она прозрачна, она мягка (*). Вотъ сіе тѣло, которое нищается не грубою пицею смертныхъ; въ немъ не видно ни мускуловъ, ни жилъ; въ немъ течетъ не кровь: подъ сею нѣжною оболочкою спрунхся амврозія — свѣтлая, бессмертная влага (**). — Верхняя риза, обливающая гибкій станъ прозрачными волнами, кажется, играетъ въ изгибахъ; ея мягкія и льющіяся линіи очаровываютъ взоръ, какъ гармоническіе звуки слухъ. — Однимъ словомъ: вся фигура блистаетъ такою пріятностію и легкостію формъ, что Художникъ не имѣлъ, кажется, никакого усилія для ея произведенія; кажется, что сей образъ, котораго идея существовала прежде его формы, изъ творческой головы Художника вышелъ прелестный и легкій, какъ самая идея. — Это созданіе, а не работа.

Можешь быть, статуи Мира, какъ и другихъ произведеній сего Художника, не лѣзя сра-

комнаты, гдѣ она поставлена. Стекло, окружая ее какимъ-то легкимъ, голубымъ туманомъ, кажется совершеннымъ видѣніемъ.

(*) Канова, говорятъ, покрываетъ нагоши своихъ статуй особеннаго рода мастикомъ, который, отличая даже цвѣтъ ихъ, даетъ имъ видъ сей удивительной нѣжности и мягкости.

(**) Такъ называетъ Гомеръ кровь небожителей.

винивать съ классическими произведеніями высокаго стила. Можетъ быть, идеалы Кановы не совсѣмъ приближающіяся къ той красотѣ несопворенной, не совсѣмъ ознаменованы тою высокою простотою, какую гениі Древности впечатлѣвали въ свои творенія. Но, при первомъ взглядѣ на статую Мира, не лѣзя не сказать, что это произведеніе человѣка, рожденнаго подъ небомъ Италіи, воспитаннаго на землѣ вдохновеніи.

Характеръ и выраженіе статуи не менѣе истинны и пріятельны. Высокую идею имѣли Аппическіе Художники о свойствахъ боговъ, приписывая имъ души безспасныя и безмятежныя. Это свойство выражали они тишиною и спокойствомъ, которыя всегда почтенно впечатлѣвали въ изображенія божествъ, и какъ состояніе души, выгодное для сохраненія красоты, и какъ знаменіе божественной природы.— Сія мысль, сама по себѣ высокая, еще кажется болѣе истинною въ произведеніи Римскаго Художника: тишина и спокойство, сіе краснорѣчивое безмолвіе души, сопавляетъ у него не общій, но личный характеръ божества, такъ сказать—единственное душевное свойство богини Мира. И въ самомъ дѣлѣ, душа, сіяющая на этомъ лицѣ, развѣ можетъ быть возмущаема какою-либо земною спрасію? Эти черты, эти уста развѣ могутъ выражать что-либо иное, кромѣ любви, кротости и мира? — Смотри на нее долго, кажется, что и твоя душа приходитъ въ подобное состояніе: погружается въ тихое, сладостное умиленіе, наполняется любовію и нѣжностію, единственными чувствами, которыя сердце человѣка приводятъ въ чистое, святое восхищеніе.

Таковы главныя черты статуи, и таковы ихъ впечатлѣнія. — Но сему дѣйствию творческой части сильнымъ образомъ способствуетъ

совершенство механической. Сія послѣдняя часть у Кановы удивительна. — Художникъ, кромѣ творческаго дара, кажется, обладаетъ какимъ-то волшебнымъ жезломъ, котораго прикосновенію уснунаетъ мраморъ: эти перья на крыльяхъ, эти пальцы, на которыхъ даже кожа отдѣлена отъ ногтей, могли ли быть образованы ударами? Камень таетъ подъ рѣзцомъ Кановы.

Я хочу сказать нѣсколько словъ о механической отдѣлкѣ. Тщательность, съ какою Канова оканчиваетъ произведенія, простирается во всѣхъ частяхъ до такой степени, что, кажется, одинъ холодный умъ занимался работою, и водилъ рѣзцомъ по мрамору. А между тѣмъ, посмотрите, какъ изобрѣтательный умъ сей искалъ блистательныхъ способовъ, чтобы плѣнить взоры и умножить наслажденіе. Сколько игры въ сей легкой драпировкѣ, разнообразія въ ея матеріяхъ и въ тонахъ, данныхъ мрамору! Съ какою хитростію умъ сей расположилъ эти противоположные тоны, постепенно идущіе отъ ногъ до головы статуи: жесткость земли и чешуи змѣиной, легкая шероховатость неводней ризы, легкій лоскъ верхней, густой цвѣтъ бронзовой масляны и потомъ — сильно полированный скинперъ, линія яркаго блеска во всю длину его — все это дѣлаетъ удивительное разнообразіе съ тусклымъ (matte) тономъ плѣа, и умножаетъ мягкость его и нѣжность. Наконецъ крылья, осыпая богино, своею негладкою поверхностію дѣлаютъ какъ бы поле картины и выдають всю фигуру. Такимъ образомъ всѣ эти противоположные тоны, выставляя одну часть передъ другою, а между тѣмъ согласованные съ большимъ искусствомъ, плѣняютъ, очаровываютъ глаза, и непримѣнно умножаютъ наслажденіе.

Судя по впечатлѣніямъ произведенія и способамъ, для нихъ употребленнымъ, ты можешь видѣть, любезный другъ, что статуя Мира не имѣетъ на себѣ характера антиковъ. Кроме того — уборъ волосъ, нынѣ поднятыхъ и новыѣ падающихъ двумя локонами, кажется близкимъ къ новому вкусу; фizioномія лица, образованнаго предѣстными, но можетъ быть не совсемъ идеальными, чертами; эта круглота рукъ и нѣжность пальцевъ, которыхъ составы едва означены — все показываетъ, что Художникъ въ семъ произведеніи (но менѣе нежели въ другихъ) жертвовалъ Граціи. Она различна отъ первой до послѣдней линіи фигуры; въ формахъ тѣла и въ его движеніяхъ, въ игрѣ драпировки и ея струящихся линіяхъ. Впрочемъ не одна Грація составляетъ характеръ статуи Мира; ея только красота, шакъ сказать, образована Граціею; но благородство, простота и изящность составляютъ сію статую, блистательное произведеніе прекраснаго спнця, на ряду съ лучшими произведеніями новой Скульптуры. — И если счастливый исполнитель благородныхъ мыслей патриота успѣлъ въ своемъ желаніи: оставилъ въ Россіи произведеніе, достойное своего таланта, то и желаніе патриота увѣчано равнымъ успѣхомъ: миръ Абовскій, Кайнарджійскій и Фридрихсгамскій — будетъ вѣченъ.

.....

Такъ, генія рука безсмертная дѣла
Въ прекрасномъ образѣ вѣкамъ передала.

Вотъ любезный другъ, мысли мои о статуѣ Кановы! Можетъ быть, онѣ несправедливы; можетъ быть, въ ней есть и красоты болѣе тонкія, и пороки болѣе ощутительные; но первыя не для моего взора, а послѣдніе не для моихъ чувствъ: я видѣлъ статую нѣсколько разъ, но все еще мало, чтобы смониторить на

нее съ хладнокровіемъ. — Если жъ ты моимъ описаніемъ вообще будешь недоволенъ, если захочешь имѣть лучшее, нежели я даю тебѣ понятіе объ изображеніи богини Мира — ты Поэтъ, и можешь. Наспрой твое воображеніе къ мечтамъ возвышеннымъ, погрузи его въ созерцаніе неосязаемыхъ образовъ міра поэтическаго, и когда въ видѣніи ночи явится тебѣ крилатое существо, прелестное и легкое какъ Ора, кроткое и любезное какъ посланница неба Ириса — въ этомъ явленіи ты увидишь образъ богини Мира!

Гнѣдичъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

РАЗГОВОРЫ.

§ 123. *Разговоръ* или діалогъ есть письменное подражаніе разговору словесному о важныхъ или занимательныхъ предметахъ между двумя или многими лицами.

§ 124. *Разговоръ* бываетъ *драматическій*, въ которомъ заключается дѣйствіе, или *философическій*, имѣющій цѣлю доказательство или объясненіе какой либо теоретической или практической истины, также изображеніе характера вымышленнаго или историческаго.

Примѣчаніе 1. Къ философическимъ разговорамъ принадлежитъ *Сократическій*, въ которомъ наставникъ, желая открыть, объяснить или доказать какую либо истину, представляется несвѣдущимъ, и заставляетъ ученика своего посредствомъ приложенія примѣровъ и собственныхъ заключеній находить, объяснять и доказывать истину. Въ примѣръ можешь служить помѣщенный ниже разговоръ Энгельевъ: *Вольдемаръ*.

Примѣчаніе 2. Разговоръ *драматическій* собственно принадлежитъ къ *Піитикѣ*, и здѣсь принимается только въ отношеніи къ *слогу*, коимъ должно писать оный (см. ниже § 128).

§ 125. Предметомъ разговора бываютъ важныя и занимательныя истины или случаи, въ разсужденіи коихъ могутъ существовать различныя мнѣнія. Формы разговора особенно приличны изложенію предметовъ, требующихъ подробнаго разсмотрѣнія съ разныхъ сторонъ.

Сочинитель онаго можетъ ясно выставить и сильно опровергнуть все противныя мнѣнія.

§ 126. Каждое лице въ разговоръ должно имѣть свой особенный характеръ, опредѣляемый его возрастомъ, званіемъ, образомъ мыслей и т. п. Можно вводить въ разговоръ и невымышленныя лица (таковы *разговоры въ царствѣ мертвыхъ*), и въ семъ случаѣ характеръ ихъ долженъ быть тотъ самый, который они имѣютъ въ Исторіи. Рѣчи и мнѣнія каждаго лица въ разговоръ должны быть сообразны съ его характеромъ, и характеръ сей долженъ быть выдержанъ въ одинаковомъ видѣ съ начала до конца. Весьма выгодно изображать въ разговоръ характеры противоположныя. Ходъ разговора долженъ быть натураленъ и вѣроятенъ.

§ 127. Разговоръ долженъ составлять одно *цѣлое*, т. е. въ каждомъ разговорѣ должна быть одна главная господствующая *мысль*. Изъ сего не слѣдуетъ, чтобы въ разговоръ письменномъ, какъ случается въ изустномъ, бесѣдующіе иногда не уклонялись къ постороннимъ мыслямъ: должно только наблюдать, чтобы они не слишкомъ вдавались въ отступленія, и вскорѣ вновь обращались къ главному предмету.

§ 128. Разговоръ письменный (драматическій и философическій) бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ онъ ближе къ изустному. Естественность, непринужденность, гибкость составляютъ главнѣйшее его достоинство; сіе однако не мѣшаетъ наблюдать благородство,

правильность и чистоту слога. Язык разговоръ не удаляется отъ языка обыкновенной жизни. Краткость, острота, замысловатость, шутливость, составляютъ главнѣйшую его прелесть. Живость пріобрѣтается въ разговорѣ выраженіемъ различныхъ характеровъ бесѣдующихъ особъ, и употребленіемъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ фигуръ: повторенія, прерванія, вопрошенія, восклицанія и т. п. Подробныя описанія, вышѣващія картины въ разговорѣ не у мѣста. Вялость и многословіе всего болѣе вредятъ оному.

§ 129. Изъ драматическихъ нашихъ Авторовъ, писавшихъ прозою, достойны особеннаго вниманія *фонъ-Визинъ*, *Крыловъ* и *Князь Шаховской*, Философическихъ разговоровъ у насъ мало: лучшее произведеніе въ семъ родѣ есть *Разговоръ о счастіи*, *Карамзина*.

П Р И М Ѣ Р Ы.

I. *Разговоръ о счастіи.*

Филалетъ. Нѣсколько минутъ смопрю на тебя, и жалю, что я не Живописецъ: не лѣзя найши лучшей модели для изображенія бога задумчивости.

Мелодоръ. Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*Подаетъ ему руку*).

Фил. Что, если смѣю спросить, занимаетъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпрепятственное движеніе, связь души съ тѣломъ, средство сдѣлать безумцевъ умными: не правда ли?

Мел. Ты почти угадалъ. Я думалъ. . . . о среднѣмъ быть счастливымъ въ жизни. Это снопъ философскаго камня.

Фил. Съ нѣкоторой стороны.

Мел. Въ самомъ дѣлѣ, любезный другъ, на что мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на портикахъ, на перистиль, на колоннахъ, вездѣ сіяетъ надпись: Счастью! Вхожу во внутренность: гремятъ хоры — счастью! Вижу безчисленное множество людей: сѣдаютъ, шѣнятся, проспираютъ руки — ко счастью, единственному божеству храма; но божество . . . невидимо! Молятся съ усердіемъ, зовутъ его: оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, сластолюбецъ миршевою вѣнкою, роскошный блескомъ сокровищъ своихъ: оно не является. Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать — все для счастья; но оно глухо, слѣпо, — не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Фил. Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

Мел. Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ Земнаго шара.

Фил. Друзья схватятъ тебя за руку, будутъ просить, кланяться — и нѣжный, снисходительный Мелодоръ останется съ ними.

Мел. Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наскучило гоняться за пустою мечтою. Скажи мнѣ: есть ли счастье въ мірѣ?

Фил. Я помню слова одного Философа! „Есть ли счастье?“ спросилъ у него любопытный человекъ. — Люди съ начала міра ищутъ его,

и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ; слѣдственно . . . „Слѣдственно его нѣтъ?“ сказала любопытный. — Однакожь, продолжалъ мудрецъ, если бы оно было не что иное, какъ пустой фантомъ, то люди давно бы уже переснажи искать его; но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ, то надобно. . . . „Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилъ опять любопытный. — Рѣши самъ! отвѣчалъ Философъ, завернувшись въ свою мантию и замолчалъ.

Мел. Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе этого Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное счастье въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

Фил. Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

Мел. Прекрасный отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пнѣю, которая всегда говорила: да и нѣтъ! нѣтъ и да! или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше Макбета.

Фил. Если мы разумѣемъ подъ счастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями. . .

Мел. Потерявъ всѣ чувства недостатка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ тоны сливаются между собою въ гармоническомъ спрѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего. . .

Фил. То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно рождастъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились. Пусть, напримѣръ, молодой Эрастъ, общій нашъ знакомецъ, будетъ человѣкъ, которому ни въ чемъ нѣтъ неудачи:

Вообразимъ, что я Эрасмовъ благодѣтельный и всемогущій геній: чего онъ желаетъ, то въ минушу исполняю.

Мел. Ты берешь на себя много работы. Онъ желаетъ, напримѣръ, богачства.

Фил. И богатство течетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

Мел. Онъ любилъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми. —

Фил. Предупреждаю его желаніе: все Нѣмецкіе Профессоры, все Французскіе остроумцы скачутъ къ нему на почтовыхъ.

Мел. Онъ самъ захотѣлъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

Фил. Даю ему разумъ величайшихъ Писателей, Философовъ.

Мел. Захочетъ славы героя —

Фил. Лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову.

Мел. Пожелаетъ —

Фил. Конечно не много, чтобы два и два соснавили пять: все прочее дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней границы возможнаго; осыпанъ всеми дарами Природы и Фортуны; все первы его пренесутъ въ живѣйшемъ воспоргѣ. . . . Но что же? Воспоргу его, по свойству, образованію души человѣческой, минуша онъ минуши должно ослабѣванъ; каждая секунда уноситъ съ собою нѣкоторую часть его способности наслаждаться; въ каждое мгновеніе умираетъ, какъ сказано, его счастье. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды! Эрастъ все имѣетъ, кромѣ. . . блаженства.

Мел. Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не тупѣла въ своихъ чувствахъ. . . .

Фил. Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два соснавили пять; но крайній мѣръ физической невозможности. Первое впечатлѣ-

дѣиіе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе — и потому человѣкъ въ 30 лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, коими восхищался онъ въ 25 лѣтъ.

Мел. Слѣдствіе...

Фил. Слѣдствіе то, что Богу не угодно было дароватьъ человѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни; оно невозможно по образованію души нашей. Но...

Мел. Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

Фил. Но если счастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

Мел. Какъ же я буду доволенъ, когда....

Фил. Будешь, повинаясь сердцу и разсудку. Первое велишь искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и Мудрости. Сердце есть младенецъ, который бросается на все сладкое; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое. Разсудокъ долженъ говорить ему: это вредно — оставь! это не вредно — наслаждайся!

Мел. Но если послѣдняго такъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себя опекать; если почти все удовольствіе состоитъ намъ слишкомъ дорого; если на каждую пріятность можно считать по счету непріятностей; если все спрасси пагубны, какъ утверждали Стоики; если вѣчное сраженіе съ чувствами есть для насъ законъ мудрости: въ такомъ случаѣ, какъ бѣдно твое возможное счастье! и на что родится человѣку?

Фил. Ишь, я не люблю Стоиковъ, которые чернымъ сукиномъ одѣваютъ всю природу,

и заранѣе кладушъ сердце въ холодную могилу. Нынѣ, нынѣ! Природа любишъ одѣваться зеленью и цвѣтами; она дала намъ чувства для того, чтобы улаживать ихъ: дала намъ разумъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ.

Мел. Ты хочешь бышъ панегирисомъ страстей: но я укажу тебѣ на мысъ Левкадскій, на пепель городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: всѣ дѣйствіе страстей!

Фил. Дѣйствіе ихъ заблужденія. Страсти въ своихъ границахъ благотѣльны, внѣ границъ пагубны.

Мел. Кому же назначать предѣлы?

Фил. Я сказалъ: разуму. Страсть для сердца есть не что иное, какъ живое чувствіе удовольствія; но разумъ находитъ, что удовольствіе есть только приманка; что Нашура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: пользу. Тутъ ставишъ онъ пограничный столбъ, и говоришъ сердцу: не далѣе! Предоставивъ споръчивымъ Спихомворцамъ хвалить и защищать любовь, скажу только о другихъ природныхъ страстяхъ: онѣ нужны и пріятны въ чистотѣ своей, подъ руководствомъ ума. Напримѣръ —

Мел. Имѣй сердце похвалишъ корыстолюбіе!

Фил. Да, и корыстолюбіе хорошо въ своемъ источникѣ, когда оно есть не что иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобы мы не терпѣли недостатка въ нужномъ и для того собирали: всѣ что естественно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

Мел. Но если оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужое, мучить людей для умноженія моихъ сокровищъ? . . .

Фил. Тогда Природа и разсудокъ отступая отъ Мелодора. Первая говоритъ: собирай; а второй договариваетъ: „хорошими средствами, для собственной твоей пользы. Какъ поступиешь въ отношеніи къ другимъ, такъ другіе имѣютъ право поступить въ отношеніи къ тебѣ. Возьмешь чужое, возмуть твое — и вмѣсто того, чтобы обезопасить жизнь свою, будешь всегда въ опасности.“

Мел. Я угадываю, что ты скажешь о честолюбіи.

Фил. То, что оно есть самая благороднѣйшая нравственная страсть, собственно человѣку данная; другія животныя, по грубому образованію души ихъ, не знаютъ ея прекрасныхъ движеній. Не говори мнѣ о Геросправахъ, Александрахъ, Ашипидахъ: они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное, природное есть не что иное, какъ желаніе нравиться подобнымъ себѣ нравственнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта страсть болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственной сценѣ ея; она источникъ многихъ добрыхъ дѣлъ — и Натура, вселивъ ее въ наше сердце, утверждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ человѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными, — такъ какъ нѣтъ иного надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

Мел. Вотъ хорошая сторона страстей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезный другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ человѣку засорять ихъ чистый источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливаетъ на міръ столько зла и горя?

Фил. Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываешь довольно въ ту минуту, когда приносишь жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей! Кто имѣетъ сколько твердости и силы, чтобы повиноваться закону мудрости, закону ума, чтобы благодарить Природу за данную намъ волю слѣдовать ему, или не слѣдовать. Natura употребила съ своей стороны всѣ средства удерживать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и спраданіе. Кто забываешь цѣль врожденныхъ склонностей, которая въ житейскомъ мореплаваніи должно всегда, какъ фarosъ, сіять передъ нами; кто выходитъ изъ черты, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей, кто искусственно расширяетъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предаешь ихъ бурному стремленію, и хочешь, такъ сказать, цѣлый міръ потопить въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: томишь, гоняясь за призракомъ блаженства, бываешь гонимъ существенною досадою, пьешь соленую воду для утоленія жажды, и за минувшіе воспорги платишь долговременною мукою — воспорги, которые дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютъ душу, и усиливая въ ней алчностъ къ наслажденіямъ, ослабляютъ ея способность наслаждаться. Несчастный Танпаль есть образъ человека, который служилъ такъ называемымъ сильнымъ страстямъ, искусственнымъ фантомамъ нашего воображенія; который, напримѣръ, имѣя ненавистное честолюбіе Александра, лезилъ за лаврами на край свѣта, черезъ кровавыя рѣки, черезъ шруды людей, вмѣсто того, чтобы заслужить истинную, надежную славу благодареніями, добродѣтельною жизнью, тамъ, гдѣ судь-

ба произвела его на свѣтъ; или который собираетъ не для того, чтобы жить, но живетъ для того, чтобы собирать; онъ указываетъ отъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, отъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуя пріобрѣтеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняетъ ее заботами для пріобрѣтеній. — Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, если мы несчастливы, и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золь, вопреки ея доброму намеренію. Человѣкъ долженъ быть творцемъ своего благополучія, приводя сирасни въ счастливое равновѣсіе, и образуя вкусъ для истинныхъ наслажденій.

Мел. Но если я не нахожу для себя хорошей нищи, то съ самымъ прекраснымъ вкусомъ могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, который вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ низкихъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой жилищѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

Фил. Однакожь находятъ ихъ. Крестьянинъ любитъ свою жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во время, радуется благополучному ведру, полнонѣ жилищъ своихъ и щедрой наградѣ за труды его. У Камчадала также есть сердце, которому извѣсны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольствіемъ кашится домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая тепло, отдыхъ, поцѣлуй жены и . . . рыбій жиръ на столѣ. — Чуждые удовольствія равняютъ людей. Великій Моголь и послѣдній рабъ его утоляютъ голодъ и жажду съ одинакою пріятностію. Богачъ изъ огромныхъ палатъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука утомили душу его, сходитъ

по мраморной лѣспинѣ опдохнуть на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ и взглянуть на алую вечернюю зарю; онъ садится на травѣ... подлѣ бѣднаго земледѣльца, который также поконился, также легко дышитъ, и тѣми же предметами наслаждается: они оба теперь равны. — Ты знаешь Клеона, который истощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чтобы меньше скучать въ жизни; который спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ Гайденовой музыки: часомъ, завернувшись въ плащъ, украдкою выходя изъ великолѣпнаго своего дому, и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками — — для чего? чтобы устать и прѣмокнувъ насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „какъ пріятно огонь въ ненастное время!“ Въ самый тош же часъ бѣдный дровосѣкъ сунется передъ огнемъ въ хижинѣ своей, и чувствуетъ его пріятность не меньше Клеона. — Вся разница состоитъ въ нѣкоторыхъ опшѣкахъ; но Провидѣніе и Натура, въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій, никого не обдѣляютъ. Знать ихъ цѣну есть искусство и вѣнецъ науки жизни! Не все это легко, что кажется просто; и часто всего меньше умѣемъ мы употреблять нѣкоторыя вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытный, безпокойный человѣкъ, оставаясь тихій родительскій кровъ, свое опечесство — спрассивуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные Оксаны, чтобы наконецъ очутившись оплнѣ на милой своей родинѣ, и сказать: „счастливъ, счастливъ шопъ, что умираетъ гдѣ родится!“

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственно-

стію нѣкоторыхъ избранныхъ людей; иначе мы имѣли бы право обвинять Небо пристрастіемъ. Не вѣсьмъ можно завоевать Индію, не вѣсьмъ можно властвовать надъ людьми; не всякій можетъ блистать въ свѣтѣ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи; слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ мирнахъ Алкивіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное счастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ маіеринскою нѣжностію питаетъ она пшеницевъ и человѣка; всякій можетъ имѣть свѣтлую жизнь, доброе имя, покойную совѣсть; всякій можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей, которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Мел. Философія твоя довольно утѣшительна; только ей не многіе повѣрятъ.

Фил. Думаю; но истина останется въ своей цѣнѣ — истина, что всѣ особенныя, случайныя, искусственныя удовольствія не стоятъ общихъ, природныхъ; и что можно быть счастливымъ и несчастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнія или неумѣнія пользоваться жизнью, отъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Натура позволяетъ Искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

Мел. Положимъ, что во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти розы удовольствія; но

гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться отъ пернїа горесней, отъ бѣдствїй, неразлучныхъ съ жизнью?

Фил. Существенныхъ бѣдствїй въ самомъ дѣлѣ очень немного: плѣсное страданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умеренность можешь насъ предохранить отъ болѣзней, а честная, правдивая, благоразумная жизнь отъ немощи. Ты скажешь, что самые презвые люди бывають подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключаются иногда въ цѣпи: согласись, что это чрезвычайность; — въ такомъ случаѣ оснаешься намъ терпѣньемъ, надѣянься и взирай на небо, гдѣ живетъ нашъ общій, вѣжнїй Отець: Онъ видить страданіе дѣшей Своихъ, и не позволить ему превзойти мѣру терпѣнїя. Къ тому же . . . ты удивишься; но я скажу по чувству души моей . . . скажу, что въ самомъ несчастїи можно найти нѣкоторое улажденіе. Силою души своей превозмощаешь болѣзнь плѣсную, покойною ясностію сердца освѣщаешь мракъ немощи, еснѣ вѣчно святое, божественное, крошко восхищательное . . . Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благодарить Небо за твердость души своей, и проливалъ слезы умиленїя: конорыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ несчастїяхъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня еснѣ руки и сердце: я найду себѣ прощаніе, найду удовольствїя, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобилїи. Сколько людей съ попереею имѣнїа выучились наслаждаться жизнью, собою, своими душевными и плѣсными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я недавно читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ эмигрантѣ, который былъ нѣкогда знатенъ и богатъ въ своемъ

отечествѣ, а теперь . . . шьешь банмаки въ Веймарѣ. Жалѣешь ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилежно, весело, поетъ водевили, и философствуетъ, какъ Сократъ, о пріятноспіяхъ трудолюбія. — Мы, мы сами соснаваемъ тысячу оправъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями. Я видѣлъ Н. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо. — Стихотворецъ Ф. едва не бросился къ водѣ отъ того, что одинъ строгій Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Нашуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвать его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнью?

Мел. Но лишишься того, что дѣлало меня истинно счастливымъ не есть ли бѣдствіе? Напримѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ. . .

Фил. Гореснь тогда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески стремится выйти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выходитъ. Не только безконечная, но и продолжительная гореснь несущественна, вопреки всѣмъ ниническимъ Элегіямъ. Природа милосивѣе Стихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ этого слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), который извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Гореснь глубокая, истинная гореснь, есть чрезвычайной феноменъ: рѣдко дѣлаетъ она людей несчаст-

ными. Но обыкновенный бичъ сердца есть дурной нравъ и скука.

Мел. Что разумеешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

Фил. Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнью, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ — отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинный Философъ или (что все одно) истинно благоразумный человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою; ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что Тиверій въ Капрѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ несчастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только насмѣявшимся. Пусть всякій имѣетъ такіа чувства, и дурной нравъ перестанетъ терзать предметы вокругъ насъ!

Мел. А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

Фил. Она болѣе всего мучитъ тѣхъ людей, которые по связямъ гражданского общества выходятъ изъ подъ закона естественнаго. Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, какъ сказать, для жизни человѣческой только первые матеріалы, чтобы мы сами ихъ обрабатывали. Трудись, живи и

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ: „О чемъ писать къ вамъ, ошцы именитые? и какъ? самъ не знаю; я лучше хотѣлъ бы страдать, нежели чувствовать такое разслабленіе, такое... но я ничего не чувствую.“

наслаждайся, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ, отдыхъ, забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ изнѣшество всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ Природѣ, и произвольно опуститься подъ ея законъ, который велитъ *жить и работать*; надобно, чтобы *трудъ, отдыхъ, забава*, были также тремя главными эпохами жизни ихъ. Всякій занимайся чѣмъ-нибудь; избери для себя должность въ обществѣ, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую-нибудь пользу, такъ какъ Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякій день пользуется своими физическими и душевными силами; всякій день дышитъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, Изящныя Искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность, отдыхъ, забава*: вотъ мой девизъ!

Мел. Ты говоришь, что во всякомъ состояніи можно быть счастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственнѣйшей волѣ, если бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребіи?

Фил. Самое ближайшее къ Природѣ: состояніе независимаго земледѣльца, который умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанія, но и нѣкоторыя удобства въ жизни; могъ бы имѣть свѣжую хижинку, маленькій садикъ, умъ для вниманія къ премудрымъ дѣйсвіямъ Натуры, и чувствительное сердце, для любви къ милымъ дѣтямъ и вѣрной подругѣ. Но какъ, по теперешнему учрежденію гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцевъ: но самое лучшее есть для меня среднее состояніе, между изобиліемъ и недостаткомъ, между знатностію и униженіемъ — твое, мое. Смотри на великолѣпныя палаты, думаю: „здѣсь чувство слишкомъ изнѣжено для „сильнаго наслажденія!“ Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ! „здѣсь чувство слишкомъ „грубо для нѣжныхъ наслажденій!“ Но красивый, чистенькій домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго счастья, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подъ окномъ . . . милостивую женщину, за рукодѣліемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ любовь и дружба, спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣю наслаждаться Природою, Искусствомъ и всеми истинными земными благами.

Мел. Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ-нибудь, тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, пороки и злоба? Ты оправдываешь Натуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ

основаніи своемъ хороши и счастливы; но къ чему же люди обращаютъ ихъ? . . . Могу ли я, напримѣръ, восхищаться великолѣпною картиною ушра и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ милліоны изверговъ, которые въ теченіе дня будутъ только выскивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неоспорожныхъ, чувствительныхъ? . . . Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ; стремлюся къ нимъ душою . . . но встрѣчаю злодѣевъ, и долженъ ихъ ненавидѣть! Одна эта мысль не есть ли горькая оправа для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

Фил. Любезный другъ! чернишь правдивый міръ, изливаешь на людей желчь ненависти, многіе починаютъ Философією; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недоснашокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть счастливымъ и добрымъ, или быть счастливымъ и злымъ: кто не выберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть чрезъ него нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которые вмѣниваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочный боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредъ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть счастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только ошибкою, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ

своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенный злодѣй, или человекъ, который любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная пинтическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище въ Природѣ, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ. — Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: „Возможное земное „счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденных „склонностей, покорныхъ разсудку — въ нѣж- „номъ вкусѣ, обращенномъ на Природу — въ хо- „рошемъ употребленіи физическихъ и душев- „ныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе такъ „же невозможно, какъ безпрестанное движеніе; „машину надобно заводить для хода, а ра- „бота заводитъ душу для чувства новыхъ удо- „вольствій. Быть счастливымъ, есть быть „вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ му- „дрыхъ законовъ; а какъ они основаны на об- „щемъ добрѣ и противны злу, то быть счастлив- „вымъ есть . . . *быть добрымъ.*“

Карамзинъ.

II. Вечеръ у Кантемира.

Антиохъ Кантемиръ, Посланникъ Русскій при Дворѣ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго Двора. Свободное время отъ должности онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плутарха, Горація и Виргилія: „Счастливъ, кто довольствуясь малымъ, свободенъ, чуждъ зависти и предрасудковъ, имѣетъ совѣсть чистую, и провождаетъ время

съ вами, наставники человечества, мудрецы
всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

„ съ вами; Греки и Латины
Исследуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.“

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя:
основательность, точность и воображеніе. Ча-
сто, углубленный въ исчисленія алгебраическія,
Кантемиръ искалъ истины и — подобно му-
дрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и обще-
ство, безпрестанно измѣняющееся. Онъ зани-
мался Науками не для того, чтобы щеголять
знаніями въ суешномъ кругу ученыхъ женщинъ
или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для
Наукъ, Поэзію для Поэзіи, — рѣдкое качество,
истинный признакъ великаго ума, и прекрас-
ной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе
знашнаго человѣка можетъ собирать безпре-
станно похвалы и привѣтствія за малѣйшій
успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небреж-
ныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ,
дають право гражданства въ республикѣ Сло-
весности, Кантемиръ . . . писалъ Русскіе стихи.
II въ какое время? Когда языкъ нашъ едва
становился способнымъ выражать мысли про-
свѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ не-
обитаемый Математика и Стихотворца, гово-
рилъ Даламберъ: первый будетъ проводить ли-
ніи и составлялъ углы, не заботясь, что ни-
кто не воспользуется его наблюденіями; вто-
рой перестанетъ сочинять стихи, ибо нѣкому
хвалить ихъ: слѣдственно Поэзія и Поэтъ, за-
ключаетъ *разсудительный* Философъ, питают-
ся суешностію. Парижъ былъ сей необитаемый
островъ для Кантемира. Кто понималъ его?
Кто восхищался его *Русскими* стихами? — Въ
самой Россіи, гдѣ общество, Науки и Словес-
ность были еще въ пеленахъ; онъ, нѣтъ сомнѣ-
нія, находилъ мало цѣнностей своего таланта:
Душею и умомъ выше времени и обстоятельствъ;

онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпре-
станно, желая достигнуть возможнаго совер-
шенства, и, казалось, завѣщалъ благородному
потомству и книгу и славу свою. Талантъ
питается хвалою, но истинный, великій та-
лантъ и безъ нее не умираетъ. Поэтъ можетъ
быть суешнымъ — равно какъ и Ученый; — но
истинный любитель всего прекраснаго не мо-
жетъ существовать безъ дѣятельности, и то,
что было сказано нашимъ Кашуломъ о на-
шемъ Бави:

„Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ“

почти тоже можно сказать о великомъ Спих-
хотворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не по-
кидалъ пера своего. Камюенсъ писалъ Лузіаду
посреди племенъ дикихъ. Тассъ, несчастный
Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ
Музами. Державинъ, за часъ предъ смертію,
хладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ без-
смертной лиры своей. Сихъ ли людей обви-
нимъ въ суешности? . . . Но возвратимся къ
Кантемиру.

Однажды, по вечеру, Монтескье и Аббатъ
В., извѣстный остроумецъ, навѣстили нашего
Спиххотворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею Музою,
и не примѣтилъ входящихъ друзей, которые
имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько
минутъ — Кантемиръ перечитывалъ начало
Посланія своего къ Князю Никитѣ Трубецкому,
всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При-
чтеніи, спокойное и даже холодное лице Кан-
темира примѣтнымъ образомъ измѣнялось: гла-
за его сверкали какъ молніи, щеки разгорались,
и рука его ударяла шакту по отверзтой предъ
нимъ книгѣ. Монтескье взглянулъ на Аббата,
кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться.
Они не хотѣли беспокоить Министра, полагая,
что онъ занятъ важнымъ Государственнымъ дѣ-

домъ. Кайшемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожиданныхъ гостей. — Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору. — Ни мало! — Вы читали важныя бумаги? — Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія. — Но какіе? мы ни слова не поняли. — Русскіе. — Русскіе стихи! восклицалъ Аббапъ, пожимая плечами отъ удивленія: Русскіе стихи! это любопытно. . .

Кант. Слабое подражаніе Горацию, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою страсть къ древнимъ Писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними Поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ. Вы никогда не писали стиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называютъ метроманією.

Монт. Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ столько же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ Сапиръ и Посланія Горациа: онъ знакомитъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся потомковъ Брутовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ: прямой Римлянинъ душою! Онъ то же въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю творенія сихъ Поэтовъ, какъ памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразительнаго: почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ.

Аб. В. И Г. Президентъ конечно сожалѣетъ, что вы пишете Русскіе стихи. Зная совершенно языкъ Латинскій и нашъ Французскій, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

Монт. Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслить на языкѣ необразованномъ? Вы пишете по-Русски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ.

Кант. Справедливо: Русскій языкъ въ младенческомъ; но онъ богатъ, выразителенъ, какъ языкъ Латинскій, и со временемъ будетъ точенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фонтенеля и глубокомысленнаго Монтескье. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими трудностями, принужденъ изобрѣтать безпреснанно новыя слова, выраженія и обороты, которые безъ сомнѣнія обвѣщающъ черезъ нѣсколько годовъ. Переводя міры Фонтенелевы, я создавалъ новыя слова. Академія Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдователей.

Аб. В. Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоить всѣ тонкія выраженія и обороты перваго щеголя языка Французскаго, нашего семидесятилѣтняго Фонтенеля?

Кант. Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѣы заславили нѣжнаго Грека изваявъ Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурной Ваятель; въ Скиѣи не было ни Паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ — соотечественникъ Праксипелевъ, употребилъ грубый гранитъ, молотъ, простую пилу, и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, споль славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѣы были довольны; ибо не знали божественнаго подлинника, и поклонялись новой Богинѣ съ дѣтскимъ усердіемъ. — Скиѣы — мои соотечественники; Праксипелева статуя — книга безсмертнаго Фонтенеля — а я сей Грекъ, искусный Ваятель.

Аб. В. О! вы слишком скромны, почтенный Князь!

Кант. Не довольствуясь опытом моимъ надъ Фонтенелемъ, я принялся за Персидскія письма.

Аб. В. Персидскія письма по-Русски!

Монт. Могъ ли я ожидать, что первое, слабое произведеніе моего пера опиниметь у васъ столько драгоцѣннаго времени?

Аб. В. Теперь Гиперборейцы узнаютъ, какъ вътрены и малодушны обитатели береговъ Сены.

Кант. И какъ остроумны.

Аб. В. Я давно на вечерахъ Г-жи Жофренъ, — копорая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ — давно предсказывала вашу славу, Г. Монтескье!

Въ землѣ своей никто Пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчество сбылось, какъ видите. Легко быть можете, что въ эту самую минуту, на берегахъ Ледовитаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пустыняхъ Ташаріи — читаютъ ваши остроумныя письма, и имя Монтескье гремитъ въ спановищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

Монт. Читаютъ Персидскія письма при свѣтѣ лампы, налитой рыбьимъ жиромъ. . .

Аб. В. Или при свѣтѣ сѣвернаго сіянія. . . Конечно странно, чудесно! — А мы говоримъ съ такимъ пренебреженіемъ о великой Московіи!

Кант. Калмыки и Самоѣды не читаютъ философическихъ книгъ, и конечно долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ многолюдной, въ раждающейся столицѣ Петра, въ монастыряхъ Малой и Великой Россіи, есть люди просвѣщенные и мыслящіе, которые умѣютъ наслаждаться прекрасными произведеніями Музъ.

Монт. Число такихъ людей должно быть весьма ограничено. До сихъ поръ я думалъ и

думаю, что климатъ вашъ суровый и непостоянный, земля по большей части безплодная, покрытая въ зиму глубокими снѣгами, малое население, трудность сообщеній, образъ Правленія почти Азіятскій, закоренѣлые предразсудки и рабство, утвержденныя въками навыка — все это вмѣстѣ надолго замедлитъ ходъ ума и просвѣщенія. Власть климата есть первая изъ властей.

Аб. В. Я съ вами согласенъ, и полагаю, что все усилія испанскаго Царя, все что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все — разрушился, упадетъ, исчезнетъ. Природа, обычай древнѣе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возьмутъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будетъ дикою Московіею, и вѣчный шумъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

Каит. Я осмѣляюсь спорить съ великимъ творцемъ книги о существѣ законовъ, и съ вами, любезный Аббашъ! Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вошъ мое пророчество!

Аб. В. Но это не заря — свѣрное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

Моит. Остроумный Аббашъ сказалъ великую истину. Положимъ — трудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! — положимъ, что Правительство откроетъ все пути къ просвѣщенію, что будетъ безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юношества, построитъ теплые дома для учащихся, и изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберетъ нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что Правительство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣсколько мо-

рѣходцевъ, небольшое число Артиллеристовъ, Инженеровъ и проч. Но, скажите, можете ли Правительство вдохнуть вкусъ къ изящному, къ Наукамъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?..

Аб. В. И новое солнце? Какъ можно сѣять Науки тамъ, гдѣ осенью сериъ земледѣльца пожинаешь рѣдкіе класы на броздахъ, пошомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою отъ холоду чугуны распадаются, и тоноръ жидкости рубины!

Монт. Холодный воздухъ сжимаетъ желѣзо: какъ же не дѣйствовать ему на человека? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для Наукъ и Искусствъ. Теплоота, напрошивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, открываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, шакъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависятъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чтобы заставили его что нибудь почувствовать.

Аб. В. Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ Министръ, и на сильные, неотразимые силлогизмы Президента, отвѣчать дипломатическими, опклоняющими истину фразами?

Кант. Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, некогда обладавшей престоломъ Восточной Имперіи. Слѣдственно во мнѣ играетъ еще кровь Греческая, и я неприхворно люблю голубое небо и вѣчно зеленныя оливы спранъ полуденныхъ. Въ молодости я спранствовалъ съ оцемъ моимъ, неразлучнымъ спутникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи, отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хитрина земледѣльца и перемъ боярина, мнѣ равно извѣстны. Руководимый наставленіями отца моего, просвѣщеннѣйшаго человека въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ Философіи и опытноссти, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпрестанныя и нѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смотрѣть на новое опечество мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ Короля вашего, въ присутствіи Министровъ, я — представитель великаго народа и всемогущей его Монархіи: но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, посвящая обязанностію говорить откровенно; и вы, Г. Аббатъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжество, нежели въ пристрастіи или нечестосердечіи. Вотъ мой отвѣтъ: Вы знаете, что Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей, — нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человека, доказали въ короткое время, что таланты *свойственны* всему *человѣчеству*. Не прошло пятнадцати лѣтъ — и великій Монархъ, наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспо-

могущественныя Науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣснили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, Инженеровъ, Ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите опъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ отвлеченныхъ, въ Изящныхъ Искусствахъ, въ Краснорѣчіи, въ Поэзіи? — Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спору: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ безсмертной книгѣ своей), это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ Правленія, правами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагають вообще, что *Московія* покрыта вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ, что въ то время, когда жители влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходишь за куницею на быстрыхъ лыжахъ своихъ, — счастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ ишеницу и благодатное просо. Самый Сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника; ибо онъ даетъ все потребное воздѣлывающему полямъ. Плугъ есть основаніе общества, истинный узелъ гражданства, опора законовъ; а гдѣ, въ какой странѣ Россіи не оставляетъ онъ благотѣльныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людскости и просвѣщенія, Сѣверъ безпрестанно измѣняется, и если смѣю сказать, приращаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажите: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли тогда Тацитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Панноніи и Норикѣ родятся свѣтильники ума человѣческаго? Нѣтъ

конечно! Но Пётръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукъ своей, утѣшалъ себя великою мыслию, что на берегахъ Невы древо Наукъ будетъ процвѣтаетъ подъ тѣнію его Державы, и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, Г. Моншескье, наблюдаете безпрестанно міръ полишическій: на развалинахъ протекшихъ вѣковъ, на прахъ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины настоящихъ явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Время все разрушаетъ и создаетъ, поришетъ и усовершеншаетъ. Можетъ быть, чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ генія, который постигнетъ вполне великую мысль Петра — и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по творческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы на нихъ основанной, правовъ, дающихъ постоянство законамъ, однимъ словомъ — хранилищемъ просвѣщенія. Лестныя надежды! вы сбудетесь конечно. Благоутѣтель семейства моего, — благоутѣтель Россіи, почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей дѣлательный, сей великій духъ — не покидаетъ сироты, ему любезной: онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу, и новую жизнь и новую силу: онъ, кажется мнѣ, безпрестанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною отверзномъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монт. Но Искусства? Могутъ ли они процвѣтаетъ въ туманахъ Невскихъ, или подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

Аб. В. Искусства. . . Ахъ! тамъ — то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады, или умеренный климатъ нашей Франціи.

Кант. Полуденныя страны были родиною Искусствъ; но сіи прелестныя дѣти воображенія были часто вытѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быспрыи волны разлились по лицу земному. Музыка, Живопись и Скульптура любятъ свое древнее отечество, а еще болѣе многочисленные города, роскошь, нравы извѣженные. Но Поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышитъ воздухомъ, питается плодами земли, — тамъ, гдѣ онъ существуетъ — тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и спрадаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ Поэзіи. . .

Аб. В. Такъ! но оно, признайшесь, не столь чувствительно на Сѣверѣ.

Монт. Я видѣлъ Оперу въ Англіи и въ Італіи. Отъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Італіянцы бывають въ себя и прыгають какъ Пнеія на пророческомъ треножникѣ.

Кант. Что доказываетъ это? что чувствительность народовъ южныхъ раздражительнѣе, общительнѣе, но едва ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонъ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ горныхъ соотечественниковъ: онъ напоминаетъ древняго Гомера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія Музы Італіанской.

Аб. В. Невѣроятно!

Кант. Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышитъ пѣжnosť, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую пре-

лесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной Музы.

Аб. В. Чудесно! по чести невѣроятпо!

Кант. . . . Скажите, если грубыя дѣти Сѣвера умѣютъ чувствовать и изъясняться столь живо и пріятно, то чего не лзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ?

Аб. В. Но . . . почтенный защитникъ Сѣвера . . . вы знаете, что народныя пѣсни . . . лепетаніе младенцевъ!

Кант. Младенцевъ, которые со временемъ возмужаютъ. Какъ знать? можетъ быть, на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги — возникнутъ великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажете, Г. Президентъ, что скажете, услышавъ, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ родился великій геній, что онъ прошелъ исполнскими шагами все поле Наукъ; какъ Философъ, какъ Ораторъ и Поэтъ преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Что скажете, если...

Аб. В. Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, что Русскіе взяли приступомъ Парижъ и уничтожили всѣ крѣпости, Вобаномъ построенныя!!! *Впрочемъ, для гудесъ ильть законовъ*, говорилъ мнѣ Фоншенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное Разсужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши, можетъ быть, и сбудутся, или, вы найдете ихъ въ царствѣ Луны, съ упраченными надеждами Асшольфа. Но, просните моему чистосердечію . . . признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ удивленіемъ, и не могу постигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнея — писать Русскіе стихи.

Кант. Это напоминаешь: какъ можно быть Персіаниномъ?

Монт. Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу: сдѣдственно пишите Сатиры, — Сатиры на нравы . . . которые еще не установились. Горацій и Ювеналь осмѣивали пороки народа развращеннаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Боало писалъ при Дворѣ Великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое смѣшеніе всего порочнаго, смѣшеніе закоренѣлыхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства Татарскихъ обычаевъ, съ нѣкоторымъ блескомъ роскоши Азіятской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая тутъ пища для Поэта сатирическаго? Могутъ ли проникнуть тонкія стрѣлы Эпиграммы сквозь тройную броню невѣжества, и уязвить сердце окаменѣлое отъ пороковъ, закаленное въ невѣжествѣ? И что значатъ сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранишельницы нравовъ, едва начинаютъ освобождаться изъ подъ ига мужей своихъ; въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не установилось и не можетъ наказывать своимъ приговоромъ того, что не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно смѣяться говоришь истину властелинамъ или рабамъ? Первымъ — опасно; другимъ — бесполезно.

Кант. Пользуясь покровительствомъ Монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя степени въ Государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои Сатиры принесли нѣкоторую пользу. Пётръ Великій, преобразуя Россію, спарался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человѣчества и страстей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ сти-

хѣи въ безпрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый родъ жизни, новый языкъ не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое платье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и тѣмъ казались еще спротивѣ: другіе, отложивъ бороду и длинный кафшанъ праотеческій, съ платьемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людскости занять не умѣли. Частыя перемѣны при Дворѣ возводили на высокія степени Государственные людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемеріе и явный развратъ, скупость и расточительность немовѣрная: однимъ словомъ, спротивѣ, но всему противоположенныя сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и Философу; который только ощупью, и съ Гораціемъ въ рукахъ, могъ опыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить нѣкоторыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я старался явить порокъ во всей наготѣ его, и намѣкнуть соотечественникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Теофанъ, Архимандритъ Кроликъ, оба достойные Пастыри; Никита Трубецкой и другіе вельможи одобрили мои слабыя опыты, мое перо не искусное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ какъ говорятъ: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыхъ слова Славянскія, чужестранныя, несвойственныя языку Русскому, — и открылъ новую дорогу для грядущихъ талантовъ. Сатиры мои будутъ имѣть нѣкоторую цѣну для потомковъ нашихъ, подобно древ-

нимъ картинамъ первыхъ Живописцевъ, предшественниковъ Рафаэля: въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное правовъ и языка Русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: отъ времени Петра, до царствованія счастливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (простите мнѣ Авторское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе поному, чѣмъ я первый осмѣлился говорить языкомъ Музы и Философін, нежели поному, чѣмъ занималъ важное мѣсто при Дворѣ вашемъ.

Аб. В. Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный Философъ.

Монт. Мы желали бы видѣть ваши Сапиры на Французскомъ языкѣ. Опчасти я согласенъ съ вами: картина правовъ народа почти новаго, всегда любопытна. Но... вашъ и Аббашъ Гуаско, вашъ пріятель.

Вы очень кснати навѣстили насъ! сказалъ Кантемиръ, обнимая Аббаша. Вы перевели мои Сапиры на Французской языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе Г. Президенту; а у васъ, господа, прошу терпѣнія и снисхожденія...

Чтеніе и разговоръ продолжались даже за полночь. Наконецъ Монпескье и Аббашъ В. откланялись Министру и расстались.... довольны ли имъ? не знаю.

Знаю только, чѣмъ Кантемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ Аббашу Гуаско: признайся, любезный другъ, Монпескье умный человекъ, великій Писатель... но...

Но говорить о Россіи какъ невѣжда, прибавилъ Аббашъ Гуаско. — Скромный Кантемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи Аббашу, и они расстались.

Батюшковъ.

III. Вольдемаръ.

Вы помните старика Вольдемара. Онъ никогда не выѣзжалъ изъ того уѣзднаго городка, въ которомъ родился, а зналъ свѣтъ не хуже тѣхъ людей, которые, проведя болѣе десяти лѣтъ въ путешествіи, могли похвастать, что разбросали деньги свои по всѣмъ столицамъ Европы. Онъ съ удовольствіемъ въ свободное время рассказывалъ своимъ пріятелямъ небольшія повѣсти, которыми научила его собственная опытность, повѣсти весьма неважныя по слогу повѣствователя, но важныя по тѣмъ практическимъ истинамъ, которыми служили онѣ одеждою. Странность Вольдемарова была та, что онъ обыкновенно послѣ одной повѣсти рассказывалъ и другую, имѣющую къ ней отношеніе.

Однажды молодой Вольфъ, его знакомецъ, увѣрилъ его, что не знаетъ человѣка подобнаго ему въ благоразуміи.

Вольдемаръ покачалъ головою. Правду ли говоришь, любезный Вольфъ? спросилъ онъ съ улыбкою.

„Всѣ называютъ тебя разсудительнымъ Вольдемаромъ. Я дорого бы далъ за твое искусство. . .“

— Не труднo имѣть его. Замѣчай прилежаніе за глупцами. —

„За глупцами, Вольдемаръ?“

— Такъ точно, господинъ Вольфъ, за глупцами! и дѣлай противное тому, что они дѣлають. Я расскажу тебѣ одинъ случай. Въ моей молодости жилъ у насъ въ городѣ одинъ Маше-маникъ, угрюмый, вѣчно нахмуренный человѣкъ, именемъ Фейшъ. Никто не слыхалъ отъ него никогда ни слова. Всегда ходилъ онъ потупивъ голову, бормоталъ про себя невнятные слова разговаривалъ съ однимъ собою, и ни одному

человѣку не смотрѣлъ въ лице. Отгадай, какъ называли у насъ этого важнаго Машеманика? —

„Ученымъ, глубокомысленнымъ!“

— Просто: глупцемъ. Нѣтъ, сказала я самому себѣ, Господинъ Фейтъ худой примѣръ; подражать ему невыгодно! Вѣчно глядѣть изъ подлѣбья, не говорить ни съ кѣмъ ни слова, бѣгати отъ людей, какъ отъ чумы — куда это годишься! Не правду ли я говорилъ, любезный сосѣдь? —

„Конечно правду, Вольдемаръ!“

— Правду, однако не совсѣмъ. Въ это же время вертѣлся у насъ въ городѣ господинъ Брелотъ, Французъ, какого званія человѣкъ, не помню. Онъ всякому, безъ разбора, бросался въ глаза, говорилъ безпрестанно и со всѣми; но что говорилъ, о томъ не спрашивай. Какимъ именемъ, думаешь ты, величали эту сирекозу? —

„Весельчакомъ! забавникомъ!“

— Также просто: глупцемъ. Боже мой! подумалъ я, какъ же мнѣ заслужить имя благо-разумнаго? — Не будь ни Фейтомъ, ни Брелотомъ! ошвѣчалъ мнѣ разсудокъ. Гляди людямъ смѣло въ глаза, какъ одинъ, и умѣй заглядывать въ самого себя, какъ другой! Говори громко съ другими, какъ господинъ Брелотъ, и тихо съ собою, какъ господинъ Фейтъ — и я послѣдовалъ совѣту разсудка. Вотъ то искусство, за которое люди называютъ меня разсудительнымъ Вольдемаромъ. —

Въ другой разъ посѣтилъ его молодой купецъ Фликъ, весьма несчастный по торговымъ дѣламъ своимъ. Онъ горько жаловался на счастье, которое во всемъ почти ему измѣняло.

„Напрасно печалишься, господинъ Фликъ!“ сказала ему Вольдемаръ: „счастье найдется, если только будешь искать его.“

— Давно ищу этого счастья, Вольдемаръ! наконецъ потерялъ терпѣніе. Бѣда за бѣдою!

Хочу все оставить; сложу руки, и поселяюсь дома. —

„И сдѣлаешь очень дурно, господинъ Фликъ. Искать счастья надобно всякому, и всѣ его ищутъ, хотя не всѣ находятъ; но это отъ того, что не всѣ умѣютъ настоящимъ образомъ держать — голову.“

— Какъ, Вольдемаръ! держать голову? —

„Такъ точно, господинъ Фликъ, голову! Я объясню тебѣ это двумя примѣрами. Сосѣдъ мой Клаусъ строилъ домъ. Бревна, отрубки и камни размешаны были по улицѣ. Нашему Бургомистру, господину Трику, понадобилось пройти мимо спроенія; онъ былъ тогда и молодъ и въпренъ: спѣшилъ на званый обѣдъ, разряженный, расчесанный въ прахъ; но несчастію поднялъ немного высоко свою голову... загнулся за чурбанъ, ударился прическою о земь, переломилъ ногу и навѣкъ оспался колѣкою.“

— Спарики говорятъ правду: не подымай высоко носа — можешь споткнуться! —

„Однако жъ, любезный Фликъ, и не опускай его слишкомъ низко — просмотришь! Дни чрезъ два послѣ этого несчастія случилось другое. Увздный стихотворецъ нашъ, господинъ Феферъ, долженъ былъ пройти мимо того же спроенія. Богъ знаетъ, что было у него въ головѣ, стихи или домашнія заботы; но онъ, потупивъ голову, не видалъ, что вокругъ него дѣлалось — вдругъ оборвись веревка, и страшное бревно, промчавшись мимо его какъ молнія, грянулось на мостовую! Стихотворецъ отъ испуга упалъ безъ памяти навзничъ, занемогъ, долго пролежалъ въ носпеди и едва не умеръ. Теперь, понимаешь ли, что значить умѣть настоящимъ образомъ держать голову?“

— Понимаю! ни очень высоко, ни очень низко. —

„Другими словами: держись середины! Человѣкъ, который спокойно умѣетъ посматривать и впередъ и назадъ, и вверхъ и внизъ и по сторонамъ, зайдешь далеко, безвреденъ, и вѣрно никогда не скажешь, что счастье измѣняется ему.“

Въ другой разъ посѣтилъ Вольдемара молодой Грель, также купецъ, который только что начиналъ *искать своего счастья*. Онъ имѣлъ нужду въ деньгахъ, которыя надѣялся занять у Вольдемара.

„На что тебѣ деньги?“ спросилъ у него Вольдемаръ.

— Я имѣю въ головѣ предпріятіе. Выгода, которую предвижу, не важная; но для чего же терять и малую выгоду, если она сама собою вамъ представляется? —

Такое разсужденіе не понравилось Вольдемару. „А сколько тебѣ надобно денегъ, Грель?“

— Бездѣлица! сотня талеровъ. —

„Сотня талеровъ найдется и у меня — я готовъ служить ею хорошему пріятелю; но въ придачу къ этой суммѣ могу ссудить его такою вещью, которая, между друзьями, стоитъ болѣе тысячи талеровъ; по крайней мѣрѣ, онъ можетъ обогатиться ею, если только захочетъ.“

— Какъ, Вольдемаръ! въ придачу —

„Не пугайся, любезный Грель! это коротенькая повѣсть, болѣе ничего. Въ молодости моей былъ у меня сосѣдомъ пивоваръ Кауцъ, большой чудакъ, который пошелъ по міру отъ пустой поговорки.“

— Какъ отъ поговорки? —

„Когда пріятели спрашивали у него, есть ли барышъ отъ пива, то онъ обыкновенно отвѣчалъ: какой барышъ! бездѣлица пятьдесятъ или шестьдесятъ талеровъ! А если говорили

ему: Господинъ Кауцъ! и ты потерпѣлъ отъ банкротства! то онъ имѣлъ привычку опивѣчашь: что за потеря! сто или двѣсти талеровъ! спыдно и говорить объ этомъ! Наконецъ узналъ онъ, что такое бѣдность. А никогда не бывашь бы ему бѣднымъ, когда бы не имѣлъ онъ дурной пословицы. — Какой ны суммы просилъ у меня, любезный Грель? “

— Я.... я.... мнѣ нужны сто талеровъ! —

„Виновать, забылъ. Но я имѣлъ еще сосѣда: онъ прозывался Томомъ. Этотъ человекъ имѣлъ пословицу, съ которою выстроилъ каменный домъ въ три этажа, съ большими флигелями и магазиномъ.“

— Очень любопытенъ знать эту пословицу! —

„Когда у него спрашивали: каково торгуешь, господинъ Томъ? ешь ли барышъ? — то онъ опивчалъ: превеликой! сто талеровъ! и съ такимъ видомъ, что сердце радовалось! Если жъ, напрошивъ, случилось сказать ему: отъ чего такъ задумчивъ, господинъ Томъ? что съ тобою сдѣлалось? — Ахъ, друзья мои, опивчалъ онъ: я потерялъ много, очень много денегъ! цѣлые пятьдесятъ талеровъ! — Этотъ человекъ началъ съ малаго, а кончилъ большимъ; я уже сказывалъ тебѣ, что онъ имѣлъ домъ въ три этажа, съ огромными флигелями и магазиномъ. Какая жъ пословица тебѣ болѣе правится? “

— Разумѣется, послѣдняя. —

„Но — другъ мой, и господинъ Томъ не всегда бывалъ, съ своею пословицею, правымъ. Напримѣръ, встрѣчаясь съ бѣднымъ и принужденъ будучи подать ему милосыню, онъ также говорилъ: много, очень много денегъ! а въ этомъ случаѣ не худо бы было ему подражать

сосѣду Кауцу. Я, любезный Грель, замѣшивъ про себя и ту и другую пословицы, иногда говорю языкомъ господина Кауца, а иногда языкомъ господина Тома. “

— Чшо касается до меня, то я держусь пословицы Тома! —

„Сколько жъ надобно денегъ тебѣ?“

— Много, очень много, любезный Вольдемаръ — сто шалеровъ! —

„Не забывай же нашего разговора, господинъ Грель! Занимая у пріятеля, тверди пословицу Тома, а помогая пріятелю въ нуждѣ, говори какъ господинъ Кауцъ.“

Перев. изъ Ангеля Жуковский.

IV. Обновы, или такъ водится.

Заставьте человѣка пробыть гдѣ нибудь полчаса противу его воли, выдашь пять рублей противу его желанія, прогуливаясь, когда онъ хочешь опдыхаться, вы увидите, какъ этакъ человѣкъ наморщится. Доказывайте ему, сколько угодно, что это дѣлается для его собственн-ной пользы — но когда чего не хочется, тогда и не вѣрится. Тотъ же самый человѣкъ съ увѣренностью въ бесполезности дѣла противу своего желанія, часто по поламъ съ горемъ, исполняетъ въ точности всѣ приличія, всѣ причуды общественной жизни — потому только, что такъ водится! Посмотримъ на одну сцену изъ свѣтской жизни.

Портной. Едва, едва успѣлъ кончить для васъ эту пару. Я такъ заваленъ работою къ празднику, что не могу удовлетворить и половины: но для васъ, только для васъ.....

Г-нъ N. N. Для меня, брашець, это платье вовсе лишнее: у меня его столько, и совсемъ новаго, что я право не знаю, куда съ нимъ дѣваться.

Портной. Но вы сами изволили заходить ко мнѣ, и приказали сдѣлать обнову.

Г-нъ N. N. Не помню, брашець, но ужъ моего платья навязывать тебѣ не стану — хоть эта пара вовсе мнѣ не нужна.

Портной. Всѣ ваши знакомые заказали у меня обновы: неужели вамъ можно было бы показаться на визитахъ, безъ новенькаго платья, съ иголочки?

Г-нъ N. N. Я именно не стану дѣлать визитовъ въ нынѣшнемъ году. Не хочу утруждать почтенныхъ людей бесполезными и утомительными посѣщеніями, не стану разсылать моего имени, чтобъ въ первый день оно валялось на столѣ въ гостиной, во-второй въ передней, а послѣ того на дворѣ. Мнѣ жалъ мучить напрасно себя, другихъ, моихъ слугъ и лошадей. Почтенные и добрые люди безъ моихъ поклоновъ и карточекъ знаютъ, что я ихъ люблю и уважаю. Не правда ли, мусье Тухфрессеръ?

Портной. Можетъ быть, вы говорите и правду — но что же было бы съ нами, мастеровыми, если бъ не было обновъ?

Г-нъ N. N. У всякаго свое на умѣ. Ну прощай, Тухфрессеръ: только для тебя, я беру это платье.

Я. Какое счастливое согласіе: портной только для тебя, успѣлъ сдѣлать къ празднику обнову, а ты только для него, берешь ее!

Г-нъ N. N. Да, любезнѣйшій, живя въ свѣтъ: надобно быть снисходительнымъ, иногда, по есть круглый годъ, онъ работаетъ на кредитъ — не наскучаетъ, дожидается, иногда и долго, словомъ старый пріятель.

Слуга. Визитные билеты принесли из типографии.

Г-нъ N. N. Положи на столъ въ кабинетъ, и вели заплашить.

Я. Въдь ты не хочешь разсылать своего имени?

Г-нъ N. N. Да но я вѣрно въ забывчивости приказалъ напечатать. Впрочемъ это не разоренье — пускай лежатъ на всякій случай.

Слуга. Кучеръ пришелъ доложить, что Нѣмецъ каретникъ соглашается промѣнять экипажъ и упряжь, за ту цѣну, какую вы вчера изволили обѣщать. Онъ прислалъ своего подмастерья.

Г-нъ N. N. Пускай подождетъ. Вотъ совсѣмъ лишнее: я только онъ нѣчего дѣлать, захватъ къ каретнику, предложилъ ему помѣниться, и посулилъ придачу — а онъ шутъ, какъ сонъ въ руку. Ты знаешь, что мой экипажъ очень изряденъ: не правда ли?

Я. Не изряденъ, а очень хорошъ.

Г-нъ Булеваринъ (входитъ въ комнату). Здравствуйте! (обращаясь къ Г-ну N. N.) нельзя ли, милой, побхать со мною посморгнуть экипажъ: ты большой знатокъ въ этихъ дѣлахъ. Я хочу порадовать обновой мою Матрену Васильевну. Говорятъ, нынѣ будешь множество повыхъ экипажей подъ качелями, и 1-го Мая въ Екатерингофъ, потому что много попоршилось отъ бывшего наводненія. А ты знаешь, что для иныхъ женщинъ это то же, что лавры, заслуги, слава!

Г-нъ N. N. Конечно: женское дѣло заниматься игрушками, а наше дѣлами. Хорошо было бы, если бь одни не мѣшали другимъ и не вступали въ чужія права. — Я гошовъ ѣхать съ шобою, но посиди, отдохни.

Г-нъ Булеваринъ. А ты купишь ли новую карету? . . —

Г-нъ N. N. Нынь, я хопѣлъ было промѣнять — признаюсь, я врагъ всякихъ обновокъ безъ нужды, и думаю, что иногда только надобно покупать новое, когда старое негодно къ употребленію.

Г-нъ Булеваринъ. Философія! — Bravo, вотъ это значитъ водиться съ Писателями. Полно, братецъ, не срамись; купи новую карету. Какъ ты вывезешь жену на гулянье въ своемъ рыдванѣ, который по спуту извѣстенъ всѣмъ жандармамъ у театральнаго подъѣзда, и всѣмъ извозчикамъ по угламъ улицъ? Неужели ты хочешь отличиться странностями и взводить на себя небылицы? Вѣдь въ свѣтъ Богъ знаетъ что подумаютъ.

Г-нъ N. N. Зачѣмъ же покупать? Лучше промѣнять. Что ты сдѣлаешь, напримѣръ, съ своею старою каретою?

Г-нъ Булеваринъ. Поставлю въ чужой сарай, и велю объявить въ газетахъ: продается за опѣздомъ.

Я. А нынь же масперъ купишь и продашь вамъ на другой годъ за новую.

Г-нъ Булеваринъ. А мнѣ какая нужда? Все таки за новую!

Г-нъ N. N. (клочетъ слугу). Иванъ! — Скажи каретнику, что я беру карету и упряжь. Хорошо, что я догадался промѣнять, а то бы можетъ быть купилъ старое за новое.

Г-нъ Булеваринъ. Послушай, я тебѣ скажу подъ секретомъ, что встрѣтился съ своею женою въ Англійскомъ магазинѣ. Она для тебя купила прелестный поршфель: весь въ бронзѣ, въ перламутрѣ, съ искусственными цвѣтами за стекломъ — удивительно. Ты что подаришь ей

для обновки? Я купилъ для своей жены Англійскій клочъ Французской работы, весь вышитый шелками, пребезподобный, и тюрбанъ съ золотомъ и перьями райскихъ птицъ. Не хочешь ли и ты взять? въ магазинъ именно остался одинъ клочъ и одинъ тюрбанъ.

Г-нъ N. N. Я бы хотѣлъ вовсе опказаться опъ энихъ обновокъ. Но такъ и быть, поѣдемъ: мнѣ надобно кое-что купить для дѣшей къ празднику.

Г-жа N. N. (входитъ въ шляпкѣ и шали). Bon jour, Mrs! (мужу) Гдѣ мы обѣдаемъ, mon ami? — Я звана къ пепушкѣ. Я была въ пяти магазинахъ — немного новаго и хорошаго. Мнѣ сказалъ дворецкій, что ты промѣнялъ карету: merci, mon cher, — наша была пренесносная. Ну, теперь надобно заранѣе распорядиться визитами. Иванъ поѣдетъ съ двойными билетами, Семенъ, съ швоими, Пепрушка съ моими. По утру до 12 часовъ, ты поѣдешь одинъ; до двухъ часовъ мы будемъ ѣздить вмѣстѣ, а опъ прехъ до чепырехъ, я одна. Согласенъ ли ты, милушка?

Г-нъ N. N. Но я бы не хотѣлъ вовсе ни ѣздить, ни посылать карточекъ. Къ чему это?

Г-жа N. N. Полно, mon cher, упрямисься. Ну гдѣ видано, чтобы, живя въ городѣ, дичишься и бѣгаешь опъ людей?

Г-нъ Булеваринъ. Полно философствовать!

Г-нъ N. N. Хорошо, хорошо, на все согласенъ (прощается съ женою). До свиданія! Мнѣ надобно ѣхать за дѣлами съ Г. Булеваринымъ. Обѣдать буду я у D. D.

Я. Когда жъ мы поѣдемъ съ тобою къ спрянчему, съ которымъ ты меня просилъ познакомить тебя? Бумаги по швоему дѣлу ты отослалъ къ нему, и цѣлую недѣлю не можешь собраться побывать у него. Вѣдь ему

нельзя шалить къ тебѣ кучи бумагъ, чтобъ посоветоваться. Ты хочешь также зайти къ больному Художнику, и если не хочешь, то подпишись на это полезное предпріятіе, о которомъ я говорилъ тебѣ, и которое ты самъ хвалишь съ восторгомъ.

Г-нъ N. N. Все сдѣлаю, мой любезнѣйшій, все сдѣлаю, но теперь, право, нѣкогда, и нужда въ деньгахъ. Ты видишь: обновки, визиты.....

Я. Но ты такъ прекрасно разсуждалъ.....

Г-нъ N. N. Разсуждалъ на досугъ, а теперь нѣкогда подумать — ты видишь, сколько хлопотъ. До свиданія — приходи, пожалуйста оплошай хлебъ — соли, на праздникъ.

Булгаринъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ОПИСАНІЯ.

§ 130. *Описаніємъ* называется изображеніе существующаго во времени и пространствѣ предмета, его вида и сношеній съ другими предметами. Предметы описаній могутъ быть *внѣшніе* и *внутренніе* (см. § 14).

§ 131. Если въ описаніи требуется одно исчисленіе существенныхъ признаковъ предмета, для того, чтобъ удобно и вполне можно было узнать оный и отличить оный другихъ, то оное называется *простымъ описаніемъ*; когда же мы намѣрены описаніемъ предмета дѣйствовать на умъ и воображеніе читателей, и представить имъ оный какъ бы въ картинѣ, тогда описаніе наше называется *изображеніемъ*.

I. Простыя описанія.

§ 132. Предметами *простыхъ описаній* могутъ быть земля, тѣла небесныя, произведенія Природы, т. е. предметы Географіи, Астрономіи и Естественной Исторіи. Первая и послѣдняя изъ сихъ Наукъ раздѣляются еще на многія отрасли.

§ 133. Вѣрность и точность, опредѣленный порядокъ, полнота, надлежащее раздѣленіе частей, ясная общая связь и слогу простой, неискусственный, рѣдко возвышающійся до средняго — суть главныя свойства сего рода Прозы. Правила и примѣры оной заключающіяся въ главѣ *объ учебныхъ сочиненіяхъ*.

II. ИЗОБРАЖЕНІЯ.

§ 134. Предметамъ изображеній могутъ быть: 1) Описанія путешествій, различныхъ странъ, мѣстоположеній, садовъ, зданій, произведеній Искусства, образа жизни, нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ, и 2) Характеры.

1) Описанія путешествій и пр.

§ 135. При описаніи путешествій, странъ, мѣстоположеній, зданій и проч., надлежитъ сообщить читателю дѣйствующую на его умъ и воображеніе близкую и точную картину сихъ предметовъ; должно, такъ сказать, перенести его въ тѣ мѣста, къ тѣмъ существамъ и вещамъ, которыя изображаемъ. Сіе требуетъ большаго искусства. Надлежитъ избирать предметы отличные, проходить молчаніемъ маловажные, которые могли бы повредить изяществу картины; должно наблюдать ясность и порядокъ, способствовать обозрѣнію цѣлаго, представлять предметы въ точномъ ихъ видѣ, наблюдать въ слогѣ разнообразіе, не нарушая единства онаго; писать языкомъ яснымъ, цвѣтущимъ, живымъ, сильнымъ. Самый приличный слогъ для Изображеній есть средній, но нерѣдко онъ заимствуетъ силу и краснорѣчіе высокаго.

2) Характеры.

§ 136. Характеръ есть собственное отличіе предмета, коимъ онъ разнишся отъ всѣхъ другихъ. Въ характерѣ чловѣка представляет-

ся намъ вѣрная картина наружныхъ и душевныхъ его свойствъ, особенно послѣднихъ, т. е. врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей, чувствованій, склонностей и привычекъ, образа мыслей и поведенія. Характеры бываютъ *общіе*, въ коихъ изображаются люди вообще по различію ихъ свойствъ и склонностей, напр.: скупцы, гордецы, расточители и т. п., и *особенные*, т. е. изображенія извѣстныхъ лицъ, существующихъ или существовавшихъ въ самомъ дѣлѣ.

а) *Общіе характеры.*

§ 137. Изображеніе *общихъ характеровъ* требуетъ въ Писателѣ наблюдательнаго духа, подробнаго познанія сердца человѣческаго и пламеннаго воображенія. Искусный наблюдатель замѣчаетъ особенныя черты, свойственныя всѣмъ людямъ одного характера, соединяетъ оныя и представляетъ въ одной картинѣ. Вѣрность и истина, какъ въ цѣломъ, такъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ, живое, разительное, *живописное* сходство, украшенныя острою и замысловатостію, для избѣжанія единообразія во многихъ и сходныхъ между собою картинахъ, суть важнѣйшія качества сочиненій сего рода. Весьма выгодно изображать вдругъ два противоположные характера, которые отъ сего сличенія представляются гораздо живѣе и разительнѣе. — Совершенные характеры не столь удобны къ изображенію, сколько недоснаточные: послѣдніе имѣютъ болѣе разнообразія, и болѣе терпѣливы саширы и замысловатости. Характеры

совершенно вымышленные и слишком обыкновенные не могутъ быть занимательны.

в) *Характеры истинныхъ лицъ.*

§ 138. При изображеніи характера истиннаго лица Авторъ можетъ имѣть двойное намереніе: изобразить характеръ нравственный или литературный. Описанія тѣхъ и другихъ характеровъ чаще всего встрѣчающіяся въ Біографіяхъ, или жизнеописаніяхъ (см. главу: объ Историческихъ сочиненіяхъ).

§ 139. При изображеніи нравственнаго характера должно представлять не только хорошія или дурныя качества человѣка, но также дѣла его и вліяніе на современниковъ. — Въ семъ случаѣ наблюдаются тѣ же правила, которыя предписаны для изображенія характеровъ общественныхъ (§ 137).

§ 140. Въ характеръ литературномъ изображаются таланты, познанія и прочія свойства известнаго человѣка въ отношеніи къ Словесности, какъ напр. слогъ, языкъ и пр. какого либо Автора вообще; его отличныя качества, недостатки, заслуги въ пользу учености вообще или какой нибудь Науки въ особенности, а потомъ разсматривающіяся порознь его творенія.

Примѣчаніе. Примѣры простыхъ описаній будутъ сообщены въ сташѣ объ учебныхъ сочиненіяхъ. — Примѣры изображеній перваго рода (§ 135) можно отчасти найти въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше сего образцовъ писемъ, какъ-то: описаніе

Веропскаго Амфитеатра (стр. 75), Рейнскаго водопада (стр. 93), Шшауббаха (стр. 99), глетчеровъ (стр. 103 и слѣд.), наружнаго вида Париза и Лондона (стр. 113 и 125), Лондонскихъ тюремъ (стр. 131), горы Чатырь-Дага (стр. 136), и пр. Вообще изображенія рѣдко сочиняющся ошдѣльно: обыкновенно встрѣчающся они въ сочиненіяхъ другихъ родовъ.

П Р И М Ѣ Р Ы.

I. Троицкая Лавра.

Троицкій монастырь святъ не только для сердець набожныхъ, но и для ревностныхъ любителей отечественной славы; не только Россіане, но и самые просвѣщенные иностранцы, знающіе нашу Исторію, любопытствуютъ видѣть мѣсто великихъ происшествій.

Возобновивъ въ памяти своей дѣла нашей древности, въ прекраснѣйшее время года я выѣхалъ изъ Москвы на ту дорогу, по которой столь часто Цари Русскіе ѣзжали и ходили на богомолье, испрашивать победы или благодарить за нее Всевышняго въ Обители, основанной святымъ мужемъ и патриотомъ: сердце его, забывъ для себя все земное, желало еще благоденствія отечеству.....

Верстъ за семь отъ Троицы открывающаяся, среди зелени лѣсовъ, златая глава церкви ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столпу. — Я выѣхалъ на гору Волкушу..... Русскіе патриоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь Архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ крестомъ и кропилъ святою водою достойныхъ сы-

новъ Россіи, которые съ вождемъ Пожарскимъ и съ гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ пирановъ! Я спалъ на вершинѣ горы — и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ свѣію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новагорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владиміра, и проч. Миѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго среди мужественныхъ Воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому чрезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества! Русскіе были тогда сиротами; не имѣли Государя, и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего отечества, когда вѣншіе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдолю плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцемъ Натуры; здѣсь, отворачаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію. . . . Но Святый Угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынь, не могъ сокрыть имени своего*. Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость, и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношею. Вотъ происхожденіе сей обители; смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной въ послѣдствіи; по

есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой Христіанской Религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокій ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостію нашего Государства. Въ пятомъ и въ шестомъ-надесять вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинныя монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты. — Я видѣлъ слѣды башенъ, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бывающъ тамъ могилою непріятеля, гдѣ два сильныя чувства: любовь къ отечеству и Вѣра, вооружающъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы чешырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣщиваютъ васъ:

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при Князѣ Васильѣ Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ XV вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Италіанскій Архитекторъ, именемъ Аристотель, родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ счастливаго вѣка Медисовъ въ Княженіе Іоанна Васильевича, и построилъ въ Москвѣ соборъ Успенскій, служившій образцемъ и для Успенскаго собора Лавры, храма величественнаго. Прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей

Архитектурѣ. — Изъявивъ Христіанское усердіе къ святынь Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницы. Два образа, даръ Царей Іоанна и Годунова Троицкому собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями.. Тутъ же Русскіе патріоты съ особенною вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на опломкѣ гробовой доски его, и бывшему во всѣхъ походахъ съ Государемъ Петромъ Великимъ, и еще съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ: вошъ славное знамя Россіи! — Между многими любопытными вещами я замѣтилъ пелену Софін, Греческій Княжны, супруги Великаго Князя Івана Васильевича, и многія церковныя утвари, вышитыя самою Императрицею Анною, которая ошмѣнно любила женскія рукодѣлія. — Елисавета Петровна подарила монастырю богатую служебную шапку и панатію, а Великая Екатерина большіе золотые сосуды. Однимъ словомъ, здѣсь всякій Русскій Государь ознаменовалъ свое царствованіе какимъ нибудь даромъ. Иностранцы, которые видали богатство Италіанскихъ и Испанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству Троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака Чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣннѣйшая гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости Государей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его велелѣпію. Сіе ошмѣнное усердіе къ Лаврѣ не прохладается въ сердцахъ Россіянъ. Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ ее, но и другіе, изъ самыхъ ошдаленныхъ мѣстъ ошъ столицы, взидаютъ сюда на богомолье. Святость Лавры шоржесствовала и въ наши времена:

когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы — когда всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею — ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, ошворенномъ для всѣхъ мошельщиковъ, кошорые толпами приходили въ него.

Между колокольною и Троицкимъ соборомъ стоишь каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ. Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи.

1. Когда Димитрій, вдохновенный любовью къ отечеству, осмѣлился наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ удивительной робости Славянскаго потомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, кошорый не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослибѣя, явившихъ себя героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны; хотя злобный Тохтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Москву: однако жъ на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Русскихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ небеснымъ, которому ничто не могло противиться.* Такимъ образомъ великодушный Князь Александръ, герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ Рыцарей, унижался передъ Башыемъ и Сарпакомъ — не спыдился смиренно молить ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его: Полочанинъ Храбрый, Миша Новогородецъ, Сава Сильный, Раширъ Смѣлый, не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрій далъ примѣръ, и Великій Князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнувъ его — и Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ Князей Татарскихъ.

2. Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедимитрію, извѣстному, подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іоасафъ съ Воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе. Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святыя гимны Христіанскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Русскихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія, и наконецъ отступила. — Троицкая Обитель увѣнчала подвигъ свой шѣмъ, что отправила къ Царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

3. Когда недостойные Бояре и гнусные измѣнники свели съ престола несчастнаго Шуйскаго, и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда Троицкіе напріюты, Архимандритъ Діонисій и Келарь Аврамій Палицынъ, писали грамошы во всѣ города, и молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкой, ими убѣжденный, собралъ войско, и приступилъ къ Москвѣ, но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославѣ: Келарь Палицынъ снѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Казаки, пребуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили; мятежники были пропущены, ничего не взяли, и клялись быть вѣрными. — — Столица освободилась отъ ига: юный Михаилъ царствовалъ, но Польскій Королевичъ Владиславъ называлъ себя

Царемъ Русскимъ, и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ея, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и Пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ Келаремъ Авраміемъ, и такъ славно опразили Владислава, что онъ поперлъ надежду завоевать престолъ Россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ, и пребоваъ мира съ Россіею.

4. Наконецъ юный Пётръ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы Стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечемъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердоспійю прекративъ умыслы Софійна властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая Лавра съ самаго основанія своего была истинною Русскою защитою, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливостъ Россійскому Духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъясляло геройскій патриотизмъ: для того свирѣпство Поляковъ, желавшихъ спокойно тиранствовать въ Россіи, болѣе всего устремлено было противъ нашего Духовенства. Такъ добродѣтельный Патриархъ Гермогенъ сдѣлался жертвою ихъ лютоści и своей любви къ отечеству. Гетманъ Желковскій пребоваъ отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско; но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?* и кончая жизнь, грозилъ Гетману правосудіемъ Неба, храброспійю вѣрныхъ сыновъ отечества. Патриоты! вамъ надобно знать, что прахъ Гермогена поконлся въ Чудовъ монастырь (а нынѣ рака его въ Успенскомъ соборѣ). Отъ того, что мы не имѣемъ порядочной Исторіи, славныя и великія дѣла предковъ намъ мало извѣстны; но ихъ довольно для пера краснорѣчиваго. Съ нѣкотораго времени

намъ напвердили о Мининѣ и Пожарскомъ: ихъ любовь къ отечеству безъ сомнѣнія прогашельна; но еще прогашельнѣе для меня тогдашнее братское согласіе Русскихъ воиновъ, изображенное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣтно и единомышленно другъ съ другомъ поступали.* Вопль что должно быть въ памяти всѣхъ Русскихъ! Мы со слезами читаемъ въ Греческой Исторіи, съ какимъ усердіемъ маленькія Республики высылали гражданъ своихъ противъ Царя Персидскаго: у насъ была такая же эпоха. Русскіе съ радостію отдавали имѣніе и жизнь отечеству. Напримѣръ: Смоленскъ осажденъ Сигизмундомъ; жители окрестныхъ мѣстъ оставляли и дома, и семейства свои въ жернову Полякамъ, чинябы сѣвши къ Пожарскому подъ знамя отечества.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ осланки оружія, копорымъ ихъ разили храбрые ннокі. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями; но Генераль-Фельдцейгмейстеръ Шуваловъ, по указу Императрицы Елисаветы Петровны, взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ Лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ Семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ, иностранныхъ и Русскихъ, историческихъ, правоучительныхъ, богословскихъ, и проч.; а во второй одні церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ Троицкой би-

блѣпошки посылапы къ Екагеринѣ Великой, кошорая споль ревностно занималась нашею Исторіею; но мыъ сказывали, что въ нихъ нѣтъ никакихъ важныхъ ошмѣнь противъ напечатанныхъ лѣтописей.

Къ любопытнымъ вещамъ въ Лавръ принадлежишь и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первый въ Россіи и въ цѣломъ свѣтѣ, такъ, что и славный Китайскій не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колоколамъ проходишь. Троицкіе всѣ называющіеся особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч. — Видъ съ колокольни (превышающей двумя или тремя саженьми Ивана Великаго) ошмѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворець Царя Іоанна Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Спранно, что въ Архивѣ монастырской не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знають только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 года; слѣдственно можно заключишь, что онъ и посироенъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елисаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляешь въ барельефахъ всѣ побѣды Петра Великаго, съ девизами не худо вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стояшь алебасровыя изображенія всѣхъ нашихъ Князей и Государей ошъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалями, которыя не весьма удачно изобрѣнены Художникомъ. Напримѣръ, Святославъ, чудесный герой своего времени, споль прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ ка-

кимъ-то смиреннымъ Игуменомъ: ни одной черты геройской! Лице Годунова характернѣе другихъ; оно есть также вымыселъ, какъ думаю; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица Святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи. — Петръ Великій могъ еще жить въ этомъ дворцѣ. Онъ часто бывалъ въ Троицкомъ монастырѣ, и часто бралъ деньги изъ монастырской казны, давая собственноручныя расписки, которыя и теперь хранятся въ Лаврѣ. Государь посылалъ Архимандрита въ церковь, оставался съ Келаремъ, и дружески спрашивалъ, есть ли у нихъ деньги. Келарь отвѣчалъ: „какъ не быть для Вашего Величества?“ и приносилъ мышки. Надобно знать, что Троицкіе Архимандриты не вмѣшивались въ экономію монастыря: ею занимались всегда Келари. Я слышалъ сіи подробности отъ такого человека, которому онъ извѣстенъ по вѣрному преданію. — Садъ подлѣ дворца, состоящій изъ алей свѣистыхъ, вокругъ немалаго пруда, и большое зданіе, гдѣ живутъ семинаристы, называющіеся также Писаревскими.

Троицкая Семинарія, заведенная при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ Духовныхъ Училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ Французскому и Нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдывать, тотъ долженъ знать Боссюэна и Массильона. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ монаховъ говорили со мною по-Французски, а важные учителя вмѣшивали въ свой разговоръ Латинскія фразы. Они доказывали мнѣ, что ученость привѣтлива: ходили со мною и все показывали съ видомъ искренней услужливости.

Наука даетъ челоѣку какое-то благородство во всякомъ состояніи.

Въ Лавръ погребены многіе знаменитые люди; и чиняя списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ: напимѣрь, Князей Пожарскихъ, Горбашыхъ, Гагиныхъ, Ряполовскихъ, Ворошынскихъ. Князя Долгорукіе имѣли бы право возобновить фамилію Пожарскихъ, которой послѣдняя отрасль, внука (если не ошибаюсь) Князя Димитрія Михайловича, вышла за Долгорукаго; съ нею исчезло сіе имя, столь любезное для Русскихъ! — Мнѣ показывали гробъ Архимандрита Діонисія. Я спросилъ: гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго Келаря Аврамія? и къ сожалѣнію услышалъ, что Преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей Россіи, напрасно искалъ его могилы: время сокрыло ее завѣсою тайны. Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, что Аврамій оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы! — Въ Успенскомъ соборѣ погребена единственная *Лифляндская* Королева въ свѣтъ, Марѳа Владиміровна, двоюродная племянница Царя Іоанна Васильевича и супруга Магнуса, столь извѣстнаго въ нашей Исторіи. Іоаннъ игралъ судьбою сего Датскаго Принца; давалъ ему города, чтобы снова опнимать ихъ; велѣлъ Лифлядцамъ быть ему вѣрными, и жестоко наказывалъ ихъ за сію вѣрность; пожаловалъ его въ Короли, и взялъ въ плѣнъ. Нѣжная супруга раздѣляла съ Магнусомъ непостоянную судьбу его: она по любви къ нему отказалась отъ Россіи, когда онъ прибѣгнулъ наконецъ къ защитѣ Польши, и горести сократили жизнь ея. — Въ часовнѣ, при церкви Сошествія Св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ пропавшійся браку Великаго Князя Василія Іоанновича съ Княжною

Глинскою, находя его незаконнымъ — былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ, и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда Царь, послѣ своей тяжкой болѣзни, съ Царицею и съ сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его опираившись въ Кириловскій монастырь, Философъ Максимъ всячески уговаривалъ Государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по опустелымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ ему кончину Царевича. Такъ повѣствуетъ Курбскій, говоря, что благочестивый Максимъ призывалъ къ себѣ Князя Мстиславскаго, Адашева и его самого, заклиная ихъ удерживать Царя. Но Іоаннъ не послушался, и предсказаніе сбылось. Сей анекдотъ дѣлается еще любопытнѣе своимъ послѣдствіемъ. Въ монастырѣ Св. Николая, на берегу рѣки Яхромы, путешествующій Царь желалъ увидѣться съ однимъ старымъ монахомъ, который прежде былъ Епископомъ, и котораго любилъ отецъ его. Князь Щербатовъ говоритъ, что Лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозваніе *Топорковъ*. Почтенный Историкъ ошибся: Князь Курбскій именуемъ его Вассіаномъ, прибавляя, что онъ былъ родомъ изъ Лифляндіи, и за его злыя дѣла лишенъ Епископскаго сана по смерти Василія Іоанновича. Сей чернецъ совѣтовалъ Царю быть истинно самодержавнымъ, опираясь всю власть у Бояръ, и царствовать ужасомъ. Іоаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловалъ руку его съ воспоргомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше! ...* Царевичъ Димитрій скончался дорогою; скоро умерла добродѣтельная Царица Анастасія; Іо-

аннѣ началъ свирѣпствовать, и къ семейственнымъ утрапамъ своимъ прибавилъ еще важнѣйшую: пошерю любви народной. — Умный Историкъ долженъ разсказывать такіе анекдоты: ибо они любопытны и показываютъ образъ мыслей времени; но онъ имѣетъ еще и другую обязанность: разсуждать и сказки отличать отъ истины.

Подлѣ Успенскаго собора врослаешь въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: Царь Борисъ, супруга его, сынъ Федоръ и несчастная Ксенія. Кто не остановившись тутъ подумаетъ о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣшелями и великими преступниками? Если бы Годуновъ не убійствомъ очистишь себя путь къ престолю, то Исторія назвала бы его славнымъ Государемъ; и Царскія его заслуги столь важны, что Русскому патриоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семь злодѣяніи; такъ больно ему гнушаться памятію человека, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно пропировоборщивалъ государственнымъ бѣдствіямъ, и спрассно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею; и робкій Историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ Исторія дѣлается иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пенель мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба; глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и чиняющихъ гробовую наднишь. Что, если мы клеветемъ на сей пенель; если несправедливо терзаемъ память человека, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтописи безсмысліемъ или враждою? Но я пишу

теперь не Исторію; слѣдственно не имѣю нужды рѣшить дѣла, и признавая Годунова убійцею Святаго Димитрія, удивляюсь Небесному правосудію, которое наказало сіе злодѣйство столь ужаснымъ и даже чудеснымъ образомъ.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевезти тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій, и похоронить его *гестно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ соборѣ. Симъ изъяснилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова, который любилъ его. На лѣвой сторонѣ опѣ собора, съ краю, лежатъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвертомъ Θεодоръ.

Всякій, кто знаетъ Исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: „вошъ чѣмъ должно кончиться „земное властолюбіе!“ и примолвитъ: „Богъ „судитъ тайныя злодѣянія, а мы должны хвалить Царей за все, что они дѣлаютъ для „славы и блага отечества.“

Карамзинъ.

II. *Картина Финляндіи.*

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣдною Гинерборейскому морю, гдѣ Природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, такъ же какъ въ странахъ благословенныхъ Природою, люди могутъ находить счастье. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улен, въ бурное, военное время, и слышу сообщивъ мнѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой,

но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма (*). Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ; осень ужасная, и самая весна нерѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранишныя, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлишемъ океана! Въ концѣ Апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы выютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю, — изъ тайной глубины иещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ опьяненная!... Видишь ли, какъ она пѣнилась? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранишныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? — Сосѣдніе лѣса повсюду повторяютъ голосъ бури, и вся Природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную Мифологію Скандинавовъ.

(*) Особенно въ старой Финляндіи.

динавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они расступъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаютъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предприимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы, завыванія волка, ищущаго добычи, паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ испочника, образованнаго снѣгомъ, который снѣгою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранинныхъ, быстро преодолагаетъ все препятствія, и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огонь небесный, или неутомимая рука нахара зажгли сей боръ? Опаленныя сосны, испоргниутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и сѣвши отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ оплогахъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуеетъ сочную и густую траву, орошенную водами испочника.

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ признаки ихъ бытія? — Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Исторія, начертавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной Природы, или изгнанники изъ странъ

счастливейшихъ (*): они населяли сіи пещеры, питались млекою звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа конюраго (спрашное воспоминаніе!) пили кровь, и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ, и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные съкирою и палицей, они идутъ войною на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую пираезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изнеуряженіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повноряетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вершины, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повноряли голосъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укронила звѣрство и утѣшила спраждующее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во-едино, сославились селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая Природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій.

Можетъ быть, на сей скаль, осѣненной соснами, у подошвы конюрой дыханіе зефира

(*) Руны, которые я видѣлъ въ Финляндіи и потомъ въ Швеціи, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ Историки не могутъ утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндіи.

колеблетъ глубокія воды залива, — можетъ быть, на сей скаль воздвигнутъ былъ храмъ Одена. Здѣсь Поэтъ любитъ мечтать о временахъ прошедшихъ, и погружаться мыслями въ оныя вѣки варварства, великодушія и славы; здѣсь съ удовольствіемъ взираетъ онъ на волны морскія, нѣкогда струимыя кораблями Одена, Аршура и Гаральда; на сей мрачный горизонтъ, по которому носились тѣни почившихъ витязей; на сіи камни, остатки сѣдой древности, на коихъ видны таинственные знаки, рукою неизвѣсною начертанные. Здѣсь, погруженный въ сладкую задумчивость —

Въ полночный часъ
Онъ слышитъ Скальда гласъ
Прерывистый и томный.
Зритъ: юноши безмолвы,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани,
И древній Царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани,
Могилу указавъ, гдѣ вождь героевъ спитъ:
„Чья шѣнь, чья шѣнь, гласитъ
Въ священномъ изступленѣ, —
Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
Се ты, молодой Иснелъ, иноплеменныхъ страхъ,
Со славой падшій на сраженѣ!
Миръ, миръ тебѣ, герой!
Твоей сѣкирою сшальной
Пришельцы гордые побиты
Но ты днесъ палъ на грудахъ тѣлъ
Отъ шучи вражыхъ стрѣлъ,
Палъ витязь знаменитый!
И се . . . ужъ надъ тобой посланницы небесны,
Валкиріи прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
Съ златыми копьями въ рукахъ,

Въ безмолвіи спустились!
 Коснулись до звницъ боевъ своихъ — и вновь
 Глаза твои открылись:
 Течешь по жиламъ кровь
 Чистѣйшаго аэира;
 И ты, безплотный духъ,
 Въ страны безвѣстны міра
 Летишь стрѣлой . . . и вдругъ,
 Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
 Гдѣ угощали для сонма храбрыхъ боги
 Любовь и вѣчный пиръ. —
 При шумъ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
 Среди полянъ и свѣжихъ сѣней
 Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
 И златорогихъ сериъ. —
 Склонясь на златный дернъ
 Съ дружиною младою,
 Тамъ снова съ арфою златою
 Въ восторгъ Скальдъ поешь
 О славу древнихъ лѣтъ.
 Поешь, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Утѣхою блестятъ.

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и подъ
 суровымъ небомъ, пламенное воображеніе со-
 здавало себѣ новый міръ, и украшало его пре-
 лестными вымыслами. Сѣверные народы съ
 избыткомъ одарены воображеніемъ: сама При-
 рода дикая и неплодная, непоспоянство сти-
 хій и образъ жизни, дѣятельной и уединенной,
 даютъ ему пищу.

Здѣсь царство Зимы. — Въ началѣ Октября
 все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала
 выказываетъ неплодную вершину; нней падаетъ
 въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ
 утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, от-
 ражая солнечные лучи тысячею пріятныхъ цвѣ-

шовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошеніа зимы: едва явился и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной спужы. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ серебряные лучи свои, и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣденныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище — сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ, и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань шорохомъ пробирается въ чащу, опрыскавъ съ роговъ своихъ оледенѣлый иней; стадо шеперевей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь Природа улыбается, веселою, но крапкою улыбкою. Когда снѣга распаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ унекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ; тогда Природа примѣнно выходитъ изъ шягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ раслишительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣшетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быспрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ величїи на концѣ озера, позлащеннаго внезапно румяными лучами. Пустынные

птицы радостно сопрысають съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвые бѣлки выбѣгають изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на оплогомъ берегу. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной Природѣ! Большія рыбы плещуть среди озера злыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жищелі влажной спихіи играютъ сподами у подошвы скалъ или близъ песчаного берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умирають на граничныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняенся безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жищелі сихъ прелестныхъ пустынь) то плавають на поверхности озера, то кружась надъ камышемъ и наклоненными нѣвами. Спада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летящихъ въ соседнее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. — Оно погружаенся въ безднѣ Боиническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынь..... Но какой предметъ для кисти живописца: рапный станъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на упруженныхъ рапниковъ и скользящихъ по блестящему металлу ружей, сложенныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ для живописи и сіи великіе огни, здѣсь и тамъ раскладенные, вокругъ которыхъ воины полпяіся въ часы холодной ночи! Эпопъ лѣсъ, хранившій безмолвіе, можетъ быть, отъ созданія міра, вдругъ оживляется при внезапномъ пришествіи полковъ. Войско расположилось; все приходитъ въ движеніе: пуки зажженной соломѣ, переносимые съ одного мѣста на другое, пылающіе костры хвороста, древніе пни и часпѣ цѣлыя деревья, внезапно зажженныя, отъ которыхъ густой дымъ клубится и восходитъ до небесъ: однимъ словомъ, движеніе рапныхъ снарядовъ, ржаніе и топотъ

коней, блескъ оружія, и смѣшенный голоса войновъ, и звуки барабана и конной трубы — все это представляетъ зрѣлище новое и разительное! Вскорѣ гласы умолкаютъ; огонь пылающихъ коспировъ погасаетъ; ратники почивли, и прежнее безмолвіе водворилось! — изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада или протяжными откликами часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ, противъ лагеря непріятельскаго: мѣсяць, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ уже безмолвный станъ.

Теперь (1809) всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, которыхъ воспоминаіе и сладостно и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ леги, и вотъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбитъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эти уединенные кресты, вдоль песчанаго берега или вдоль дороги водруженные, это въ рядъ могилъ Русскихъ въ странахъ чуждыхъ, отдаленныхъ отъ родины, кажется, говоря въ мимоидущему воину: и тебѣ ожидается побѣда — и смерть! — Здѣсь на каждомъ шагу встречаемъ мы или оспавленную баштарею, или древній замокъ съ готическими острыми башнями, которыя возбуждаютъ воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ; или передовой непріятельскій лагерь, или мостъ недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно протекавшихъ, — пагубные слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагается на отлогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи: иногда видимъ рвы, баштарей, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!

Батюшковъ.

III. Русскіе поклонники въ Іерусалимъ.

*Отрывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ,
въ 1820 году.*

Кто не бывалъ на морѣ, тотъ не легко повѣритъ, чтобы прекрасный лѣтній день могъ иногда казаться несноснѣе зимней непогоды. Но мы узнали сіе на опытъ во время скучнаго переѣзда отъ Родоса до Яффы. Безвѣтріе застигло насъ въ виду крѣпости Кастель-Россо, на берегу Караманскомъ, и мы цѣлые пять дней не могли двинуться съ мѣста. Все въ природѣ утомляло взоръ единообразіемъ: съ утра до вечера море свѣтлѣлось какъ зеркало, а небо было безоблачно. Нестерпимый жаръ и духота въ каютѣ, палящій зной на палубѣ (гдѣ расплавленная смола текла по доскамъ и канатамъ), печальный стукъ парусовъ о мачты, вселяли въ насъ уныніе и заставляли жалѣть о буряхъ, съ которыми боролись мы въ самыхъ сихъ мѣстахъ, на пути изъ Египта въ Морею . . . Не такъ ли иногда, послѣ бури страстей, въ дремотѣ нравственной и съ отвращеніемъ ко всему, что прежде насъ плѣняло, жалѣемъ о сильныхъ горестяхъ, потрясающихъ бытіе, но возвышающихъ душу! . . . Наконецъ легкій вѣтерокъ помогъ намъ войти въ пристань Кастель-Россо, гдѣ мы съ трудомъ запаслись гнилою водою. Крѣпость построена на маленькомъ утесистомъ островѣ, какъ бы оторванномъ отъ твердой земли, и жители должны издалека доставать нужное для пищи.

Мы еще простояли болѣе сутокъ противъ южнаго мыса Кипрскаго (cap Gatte), въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Сильное морское теченіе влекло корабль на западъ, и отдаляло насъ отъ желанной цѣли. — Берегъ Сирійскій открылся не прежде 20 Августа: сперва показалась вѣвѣ

вершина Кармела; потомъ, прямо передъ нами, бѣловатое поморіе Кесарійское, и вправѣ цѣнь высокихъ горъ близъ Іерусалима. Съ умиленіемъ и жаднымъ любопытствомъ смотрѣли мы на сію землю, столь важную въ исторіи рода человеческого, обильную чудесами и событіями великими, колыбель Христіанской Вѣры; на землю, гдѣ живутъ преданія Ветхаго и Новаго Завета, гдѣ каждый холмъ, каждая дѣбрь, каждая развалина говорятъ о дѣлахъ Пророковъ и знаменитыхъ вѣстязей.

Весь оный край, отъ Сура (древняго Тира) до Газы, очень опасенъ для судовъ въ бурное время года, а Греческіе кормчіе, исключая смѣлыхъ островитянъ съ Идры, Псары и Спецціи, тогда были вообще неискусные мореходцы вѣтъ Архипелага. Къ счастью нашъ *каравониръ* (хозяинъ судна), родомъ изъ Скіаѳо, уже нѣсколько разъ привозилъ поклонниковъ въ Яффу, и твердо зная сіи мѣста, взялся провести корабль на рейду, даже ночью. Онъ сдержалъ слово, и на разсвѣтъ бросилъ якорь верстахъ въ двухъ отъ города. Мы съѣхали съ нимъ на берегъ въ небольшой лодкѣ, пробираясь между огромными камнями, о кои разбивались волны съ ревомъ, и пошли отыдыхать въ Греческій *метохъ* (подворье), гдѣ были гостепріимно встрѣчены Проигуменомъ. Черезъ него отправили въ Іерусалимъ къ Епископамъ (Намѣстникамъ) грамоту *блаженнѣйшаго* Патріарха Поликарпа, извѣщавшую ихъ о нашемъ посѣщеніи.

Яффа (древняя Іоппія) были некогда средоточіемъ торговли между Палестиною, Египтомъ и ближними островами. Нынѣ, въ безнечное и хищное правленіе Турокъ, пристань занесена песками, и оживляется только во время проѣзда поклонниковъ. Городъ построенъ уступами, почти весь изъ шесанаго камня, съ глубокимъ рвомъ и стѣною, примыкающею съ обѣ-

ихъ сторонъ къ морю; улицы тѣсны, а дома некрасивы и какъ бы подавлены плоскими кровлями. Но окрестности, по дорогѣ къ Іерусалиму, прекрасны: отъ самыхъ воротъ идутъ большіе сады и виноградники, славимые всѣми путешественниками.

Мы нашли жителей въ смятеніи и страхѣ. Новый Паша Акскій (отъ коего зависитъ Яффа), Абдулла, забывъ важныя услуги, оказанныя ему Евреемъ Хаимомъ, велѣлъ умертвить сего несчастнаго и бросить трупъ въ море: всѣ иновѣрные, Греки и Мусульмане, сожалѣли о незаслуженной казни человека, имъ благодѣтельствовавшего. Въ то же время опрядъ войска внезапно окружилъ городъ Сафетъ, обищаемый Евреями, и насильственно собралъ съ нихъ дань, равную десятилѣтней подати. Турки и чужеземные купцы не укрылись отъ приписеній. Европейскіе Консулы, люди малозначащіе и робкіе, не смѣли противиться, и всѣ начальства пренесли предъ новымъ правителемъ, коего незаконное самовластіе и свирѣпство грозили Палестинѣ вторымъ Деззаромъ. Но для насъ обстоятельство сіи были благопріятны. Мусселимъ (Губернаторъ Яффскій), боясь подать поводъ къ жалобамъ, принялъ немедленно мѣры къ охраненію насъ отъ всякаго безпокойства до самаго Іерусалима, и строго запретилъ Арабскимъ Шейхамъ требовать обычный *кафаро*, т. е. подорожные сборы, отъ коихъ Россійскіе подданные освобождены VIII сташьею Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Доставъ, за умѣренную цѣну, нужныхъ намъ лошадей и верблюдовъ, мы отправились изъ Яффы 22 Августа, передъ вечеромъ, въ сопровожденіи Мусселимскаго чиновника и монастырскихъ драгомановъ, и ѣхали прекрасною Саронскою долиною до Ремли (древней Аримаѳи): тамъ пробыли нѣсколько часовъ, ожидая вос-

хожденія мѣсяца. Отъ сего города равнина возвышается непримѣнно до подошвы горъ Іудейскихъ, бесплодныхъ и населенныхъ малолюдными племенами хищныхъ Аравлянъ. Вступивъ въ ущелья, мы увидѣли другую природу: мѣста дикія, гдѣ почти нѣтъ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, гдѣ поросшія кустарникомъ развалины показывающія изрѣдка на холмахъ, какъ гробы временъ минувшихъ. Дорога, каменистая и трудная, то извивается по крутизнамъ, то спускается въ глубокіе овраги, на дно пересохшихъ потоковъ. Видъ сей пустыни вливаетъ въ душу уныніе: тамъ свистъ вѣтра и пронзительный лай чакаловъ заглушаютъ крикъ проводниковъ и топотъ конскій.

При въѣздѣ въ бѣдную Арабскую деревушку, верстахъ въ 15-ти отъ Іерусалима, насъ остановили именемъ Шейха Абу-Гоша, грозы поклонниковъ, съ усиленною просьбою зайти къ нему для отдохновенія. Мы нашли его на маленькомъ дворикѣ, сидящаго въ тѣни, на рогожахъ, и окруженнаго старѣйшинами его племени. Всѣ приняли насъ очень ласково. Абу-Гошъ хвалился знакомствомъ съ Англіійскою Королевою, супругою Георгія IV, и славнымъ Сиднеемъ Смитомъ; показывалъ полученные отъ нихъ подарки — съ явнымъ намѣреніемъ возбудить и нашу щедрость — и угостивъ дружелюбно, пустился провожать караванъ за деревню. Онъ сидѣлъ на прекрасной лошади и управлялъ ею съ оптимънымъ проворствомъ; при спускѣ въ Тервинѣскую долину, бросился на весь скаку съ крутизны, не пошатнувшись въ сѣдлѣ и безпрестанно понуждая коня широкими и острыми стременами. Прощаясь, обѣщалъ посѣтить насъ въ *Кудсъ-шерифъ* (*), клялся не

(*) *Кудсъ-шерифъ*, т. е. знаменишая святыня, или очищеніе: такъ Мусульмане называютъ Іерусалимъ,

обижать никогда Русских путешественниковъ, и просилъ замолвить за него доброе слово спрашному Пашѣ Акрескому.

Нельзя вообразить ничего печальнѣе окрестностей Иерусалима: горы, стремнины, овраги, безъ зелени, почти безъ деревьевъ, засыпанные вездѣ на четверть круглыми камнями: казалось, что каменный дождь ниспалъ съ неба на сію преступную землю. Около полудня, утомленные знємъ, мы поднялись на высоту, и увидѣли передъ собою рядъ зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, не окруженныхъ ни предмѣстіями, ни разбросанными хижинами, и какъ бы воздвигнутыхъ среди пустыни. При первомъ взглядѣ на сіи древнія стѣны, — городъ Давида, Ирода и Годфреда — тысячи воспоминаній, одно другаго живѣе, одно другаго священнѣе, шѣсиятся въ душу. Пусть холодные умы смѣются надъ воспоргами поклонниковъ! Здѣсь, у подошвы Сіона, всякъ Христіанинъ, всякъ вѣрующій, кпо только сохранилъ жаръ въ сердцѣ и любовь къ великому! Предваренные изъ Яффы Греческіе монахи встрѣтили насъ у западныхъ воротъ (*Бабъ-уль-халиль*), привѣтствуя отъ имени втораго Епископа, Прокопія (старшій, Архіепископъ Петры Аравійской, былъ тогда въ своей Епархіи), и провели въ назначенный намъ монастырскій домъ, близъ Патріархіи и Храма Воскресенія. Въ семъ гостепріимномъ убѣжищѣ доставили намъ возможные удобства, и мы въ полной свободѣ занялись поклоненіемъ святынь, и обозрѣніемъ всего достойнаго примѣчанія въ городѣ и въ онаго.

Не стану описывать того, что было мно-

разумѣя сей городъ мѣстомъ очищенія отъ грѣховъ, и славя почти на ряду съ Меккою и Мединою. Еще зовущъ его *Бейтъ-уль-мукаддеса* — домъ святой.

го разъ описано учеными и внимательными путешественниками — о чемъ такъ много спорили и продолжаютъ спорить, изъясняя различно сказанія древнихъ. Каждый шагъ въ новомъ Иерусалимѣ измѣренъ; но обширность стараго еще подвержена сомнѣнію, и положенія нѣкоторыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и Евангеліи, не опредѣлены удовлетворительно. Избѣгая напрасныхъ повтореній, я предложу Русскимъ читателямъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній о нынѣшнемъ состояніи главныхъ мѣстъ поклоненія, и о жизни нашихъ соотечественниковъ въ Иерусалимѣ.

Важнѣйшая для Христіанъ святыня, Гробъ Господень, заключена въ стѣнахъ большаго Храма Воскресенія, сооруженнаго Св. Еленою около 326 года. Напрасно сомнѣвались въ подлинности сего памятника: множество сильныхъ доказательствъ удостовѣряетъ, что Христіане, въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, сохраняли вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ спаданія и погребенія Спасителя. Они, по словамъ Гиббона, означали всапръ cadaго достопамятнаго дѣйствія, слѣдуя несомнительному преданію. — Сей Храмъ былъ до половины разрушенъ пожаромъ, въ Октябрѣ 1807 года. Гробъ остался невредимъ; но кедровый куполъ церкви, объятый огнемъ, упалъ на опавенный по воскресеніи камень, и раздробилъ его; Греческій Каѳоликонъ (соборъ) и окружные приделы сгорѣли. Западная Европа, нѣкогда проливавшая рѣками кровь за обладаніе симъ святилищемъ, равнодушно смотрѣла на его развалины. Одни Греки, въ рабствѣ и угнетеніи, собрали до семи милліоновъ левовъ (болѣе $4\frac{1}{2}$ мил. рублей), купили цѣною золота у Порты позволеніе, и возобновили все зданіе на прежнихъ основаніяхъ, подъ надзоромъ проспаго *Калфы*, *самоузки* — *зодцаго*. Спарики, дѣти, женщины работали изъ усердія, и многіе доны-

нѣ утѣшаются воспоминаніемъ, что поселили землю при строеніи Храма. Такія пожертвованія, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, доставили нашимъ единовѣрцамъ право совершать литургію на Св. Гробѣ: право, утвержденное *хати-шерифомъ* (именнымъ указомъ) Султана Махмуда, но еще оспориваемое Католиками.

Вступивъ въ церковь, поклонникъ съ негодованіемъ видитъ Турецкую стражу, жадно считающую входящихъ, для сбора положенной дани. Часто начальникъ оной, въ знакъ уваженія, идетъ передъ нимъ, даже въ алтари, показывая чубукомъ мѣста святыя, или разгоняетъ толпящійся народъ плетью! . . Шагахъ въ 40 отъ дверей, среди величественной ротонды, воздвигнута надъ Гробомъ Христовымъ часовня (кувуклій) изъ желтоватаго мрамора, обращенная на востокъ: въ ней сперва предѣлъ *Ангела*, а потомъ тѣсная пещера, гдѣ, по древнему обычаю, было положено тѣло на большомъ камнѣ, въ самой горѣ высѣченномъ, и покрытомъ нѣмъ мраморною доскою. Тридцать шесть лампадъ горятъ надъ нимъ день и ночь, въ открытомъ сверху куполѣ. На семь негнѣнномъ жертвенникѣ совершается проскомидія; а при началѣ литургіи сосуды переносятся въ предѣлъ, гдѣ часть отваленнаго Ангеломъ камня служитъ престоломъ. Стѣны кувуклія, снаружи и внутри, украшаются пиканями: поводъ ко многимъ ссорамъ между разными вѣроисповѣданіями!

На каждомъ шагу, въ семъ храмѣ, находишь вѣрующій слѣды великаго дѣла искупленія. Здѣсь Христосъ былъ обремененъ оковами и привязанъ къ столбу; здѣсь Онъ явился, по воскресеніи, Маріи Магдалинѣ и (если вѣрить преданію) скорбящей Матери; здѣсь узналъ крестъ Его. Тамъ, камень помазанія, на коемъ тѣло Его было умащено ароматами и обвито плащени-

цею; придѣлы поруганія (іmproperes), раздѣленія ризъ, благаго разбойника, Лонгина Сотника; гробы Іосифа и Никодима. — Вверху, на Голгоѣ, два маленькіе престола означаютъ, гдѣ пригвождали Спасителя къ древу, и гдѣ оно водружено было. Внизу, сходъ въ подземелье, въ коемъ Царица Елена нашла крестъ, раскопавъ заваленную подошву холма... Тщешно Кесарь Адріанъ, во времена гоненій, старался присвоить сѣмъ мѣста идолослуженію, воздвигнувъ испуканъ Венеры на Голгоѣ, и Юпитера надъ Гробомъ Господнимъ. Сѣмъ кумиры не привели свѣдѣній въ забвеніе, но еще болѣе сохранили память о ней до пришествія въ Іерусалимъ благочестивой Царицы, утвердившей знаменіе Вѣры Христовой на развалинахъ язычества.

Наружныя стѣны церкви закрыты часными домами и принадлежащимъ Греческому монастырю строеніемъ. Прежде было два входа; но одинъ, съ сѣверной стороны, закладенъ: остались только южныя врата, называемыя *святыми*. Ключи въ рукахъ у Турокъ, кои опираютъ двери не иначе, какъ въ присутствіи *Мутевелли* (надзирашеля), назначаемаго Акрскимъ Пашею, и Драгомановъ Греческаго, Католическаго и Армянскаго. Тогда городскіе жители и поклонники всѣхъ исповѣданій обходятъ свободно разныя придѣлы, но не могутъ служить молебновъ въ чужихъ отдѣленіяхъ. Нѣкоторые, испросивъ позволеніе духовныхъ властей, остаются на время во внутренности храма съ чередными монахами и священниками, и вмѣстѣ съ ними получаютъ пищу сквозь небольшія окна въ дверяхъ и въ сводѣ надъ главнымъ алтаремъ Греческимъ.

И мы провели въ семъ священномъ уединеніи нѣсколько дней, для меня незабвенныхъ. Все окружающее возбуждало въ моей душѣ неизъяснимыя чувства. Часто, въ глубокую полночь,

когда привыкли къ оному зрѣлищу монахи покойно спали въ келліяхъ, я споялъ, облокошясь на подножіе столба, среди большой церкви. Куполы, переходы и весь Греческій *Каѳоликонъ*, до самаго алтаря, скрывались во мракъ, но святыя памятники были какъ бы опоясаны рядами неугасающихъ лампадъ, и казались свѣтлыми оазисами въ темной дебри. Давно-минувшее воскресало въ моемъ воображеніи: спраданія праведнаго; источникъ жизни, отсюда излившійся, когда скрижали Моисеевы уступили мѣсто новому Закону; торжественно Крестоносцевъ, преклонявшихъ колѣна предъ *Великимъ Гробомъ*, ихъ мечами освобожденнымъ, и вѣчаніе героя-вождя діадимой изъ перніи. Я смотрѣлъ на могилу Годфреда, и вдохновенная Тассова пѣснь гремѣла въ моемъ слухъ!.. Къ утру сіи мечтанія прерываемы были благовѣспомъ въ деревянный колоколъ: священники и діаконы мелькали какъ шѣни, съ курящимися въ рукахъ кадилами: гласы поющихъ ликовъ мѣшались со звукомъ органовъ, и хвала Божеству возносилась на разныхъ языкахъ, съ разными обрядами, но въ единомъ храмѣ.

Всѣ *мѣста поклоненія* раздѣлены между Греками, Каѳоликами и Армянами. Копты имѣютъ только одинъ алтарь, приспособенный къ кувуклію, а Сиріане (Несторіане), Грузины, Хабешы, или Абиссинцы, и Марониты, о коихъ упоминается въ прежнихъ описаніяхъ, удалены изъ храма силою, либо уступили добровольно свои права другимъ народамъ. Каждый украшаетъ свою *собственность*, какъ хочетъ; но тамъ, гдѣ владѣютъ вмѣстѣ два исповѣданія, число иконъ и лампадъ установлено единожды навсегда съ согласія Турокъ. Порядокъ служенія и обряды также опредѣлены подробно особымъ положеніемъ — и съ того времени не стало одной, ближайшей причины къ раздору между Іеруса-

лимскими Христіанами. Еще таятся въ сердцахъ взаимныя досады, и приносимое на украшеніе церкви золото еще расточается въ Акрѣ, Дамаскѣ, Царѣградѣ, дабы вредить соперникамъ. По крайней мѣрѣ Главы Духовенства, не преставаая обвинять другъ друга въ ежедневныхъ обидахъ, стараются не допускать монаховъ до явныхъ и соблазнительныхъ ссоръ, бывавшихъ нѣкогда у Св. Гроба, къ прискорбію единовѣрцевъ.

На юговоспокъ отъ великой церкви нѣсколько развалинъ означаютъ *путь страданія* (via dolorosa), коимъ Спаситель шелъ отъ Пренора до Голгофы: тамъ, ссылаясь на свидѣтельства Святыхъ Отцевъ и другихъ Писателей, показываютъ дома Пилапа и благочестивой жены Вероники; жилище злаго богача; мѣсто, гдѣ Богоматерь встрѣтила Сына, несущаго крестъ; *врата суда*, которыми изводили на казнь преступниковъ за городскія сѣбны. Но въ семъ отношеніи древнія преданія недостаточны: они дополняются баснями *мирхаджіевъ* (вожатыхъ), и собственнымъ воображеніемъ поклонниковъ. То же скажемъ о домахъ Архіереевъ Анны и Каіафы, Св. Іоакима и Анны, о темницѣ Петра Апостола, и проч. Время, многократныя илѣнія Іерусалима и тяжкое Мусульманское иго изгладили почти всѣ слѣды оныхъ второсіепенныхъ памятниковъ Христіанства.

На томъ мѣстѣ, гдѣ, по общему мнѣнію, былъ преданъ смерти Апостоль Іаковъ, сооружена великолѣпная обитель, принадлежавшая попеременно Грузинамъ, Грекамъ и Армянамъ. Последніе (какъ увѣряютъ) овладѣли ею насильственно при Первосвященнелѣ Паисіи. Нынѣ состоитъ она подъ управленіемъ особаго Армянскаго Патріарха, независащаго ни отъ Эчміадзинскаго, ни отъ Константинопольскаго. — Силь только пожертвованіемъ Греки могли удержатъ за собою главный свой монастырь,

для нихъ гораздо важнѣйшій по смежности съ Храмомъ Воскресенія. Въ немъ живутъ Епитропы, и угощаюція богомольцы въ первые дни послѣ прїѣзда: малыя церкви и келліи разбросаны тамъ, безъ порядка, среди открытыхъ сѣней и переходовъ, а подъ ними устроены житницы для прокормленія множества иноковъ и православныхъ Аравлянъ.

Обитель *Франговъ*, т. е. Католическая, въ рукахъ у монаховъ ордена Францискаискаго. Начальствующій оною именуется *Хранителемъ Св. Гроба*, и обыкновенно смѣняется каждое прехлѣтіе.

Изъ древнихъ зданій, внутри стѣнъ, особенно привлекаютъ любопытство путешественниковъ укрѣпленный замокъ, называемый *домомъ Давидовымъ*, и славная мечеть Омарова. Первый, по мнѣнію Давида, стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была твердыня Царя-псаломъвца, а въ послѣдствіи башня *Псефина*, съ коей, при восхожденіи солнца, взоръ достигалъ до предѣловъ Аравіи, до моря и до отдаленнѣйшаго края земли Іудовой (Іос. Флав. VI. 6). Видъ изъ нынѣшняго замка обнимаетъ всѣ окрестности: въ промежуткахъ и за вершинами ближнихъ каменистыхъ холмовъ возвышается другой рядъ горъ, столь же бесплодныхъ; на иныхъ примѣтны осматки старинныхъ башенъ и обрушающіеся минареты.

Мечеть воздвигнута на горѣ Моріи, отдаленной отъ Сіона глубокою долиною — на самыхъ основаніяхъ Соломонова Храма, возобновленнаго Зоровавелемъ, и въ конецъ разрушеннаго Тишомъ. Развалины покрывали сіе мѣсто во времена гоненій на Церковь Апостольскую, и во время торжества ея. Когда же Омаръ овладѣлъ Іерусалимомъ, и искалъ, гдѣ бы началъ строеніе своей мечети, то Греческій Папріархъ Софроній, боясь лишиться Гроба Господня, указалъ

побѣдителю на Морію. Халифъ-эль-Уалидъ довершилъ сіе зданіе, образецъ Арабскаго Художества, подобное (говорить Шатобріанъ) *шатру, раскинутому среди пустыни*. Христіанамъ строго запрещено входить въ него: всякое покушеніе подвергло бы Европейца большой опасности, а Турецкаго подданнаго неминуемой казни — если только онъ не перемѣнитъ вѣры. За годъ до нашего пріѣзда одинъ бѣдный Грекъ былъ туда введенъ, переодѣтый, знатнымъ чиновникомъ Паши Дамасскаго; но послѣ заплатилъ за то жизнь, ибо не хотѣлъ спасти себя опшунничествомъ.

Полуденная часть горы Сіонской, заключающаяся прежде внутри стѣнъ, нынѣ оставлена за городомъ. Тамъ совершалась *тайная вечеря*; тамъ гробницы Давида и Соломона, въ мечети, куда Турки не пускаютъ иновѣрныхъ. На семь же холмъ кладбище Іерусалимскихъ Христіанъ всѣхъ исповѣданій (спранниковъ погребаятъ въ *сель Скудельникемъ*), — а у подошвы бѣшетъ изъ камня ключъ Силоамскій.

Гора Елеонская, съ растущими на ней по мѣстамъ масличными деревьями, отдѣлена отъ Сіона и Моріи долиною Іосафатовою, усыянною развалинами. Посреди ея, въ дождливое время года, струится мутный потокъ, называемый *Кедрскимъ*; но лѣтомъ и осенью оный совсѣмъ пересыхаетъ. Мастерское перо Шатобріаново живо изобразило сію дебрь, гдѣ, по словамъ Пророка Іоиля, будутъ нѣкогда собраны на судъ всѣ племена человѣческія. „Камни на кладбищѣ Ев-
„реевъ навалены подобно грудѣ обломковъ, у
„подошвы деревни Силоамской; трудно разли-
„чить самыя хижины между окружающими ихъ
„могилами. На семь полъ разрушенія возвы-
„шаются три древніе памятника, гробницы
„Захаріи, Іосафаты и Авессалома. Видя предъ
„собою печальный Іерусалимъ, надъ коимъ не

„примѣтно ни малѣйшаго дыма, откуда ника-
 „кой шумъ не исходитъ; видя запускѣнныя горы,
 „на которыхъ нѣтъ сущесва живаго, и всѣ
 „онѣ гробы въ безпорядкѣ, изломанные, разби-
 „тые, полуошверзтые, можно подумать, что
 „уже раздастся гласъ трубы, зовущей на Судъ,
 „и что мершвые готовы встать изъ долины.“

Мѣсто вознесенія Господня полагаютъ на средней вершинѣ Елеонской. Останки пышнаго храма, сооруженнаго во времена Константино-вы, обращены въ мечеть. Замѣтимъ, что Мусульмане издавна присвоили себѣ всѣ высоты кругомъ города. Они думаютъ, что въ послѣднѣе дни міра дикіе народы *Гогъ* и *Магогъ* прійдутъ осаждать Пророка *Иссу* (Исуса Христа) въ Иерусалимѣ, и займутъ ближнія горы: съ нихъ будутъ мешать стрѣлы, кои упадутъ, обогренныя кровію, на собственныя главы дерзновенныхъ.

Возвращаясь оттуда къ вѣрошамъ Геоси-манскимъ, и спустился въ долину къ самому по-шоку Кедрскому, поклонники съ усердіемъ посѣщаютъ гробъ Богоматери, въ пещерѣ. На ономъ совершается литургія Православными и Армянами; Католики не имѣютъ сего права. Когда прекратится вражда между Христіанами на вос-токѣ, то первымъ залогомъ взаимной терпи-мости и мира будетъ равное ихъ участіе въ служеніи сей Святыни, почиваемой всеми исповѣданіями. . .

Подробное описаніе достопамятностей Иеру-салимскихъ можно найти въ каждомъ путеше-ственникѣ, начиная съ IV вѣка до нашихъ вре-менъ. Всѣ извѣстія сходны одно съ другимъ, и послѣдніе странствователи невольно должны бы-ли повторять сказанное прежде. Ссылаясь на нихъ, я прибавлю нѣсколько словъ о мѣсѣ ро-жденія Спасителя, уважаемомъ самими Мусуль-манами.

Дорога къ Внелеему лежитъ на югъ мимо горы Сіонской и Обители Греческой во имя Пророка Іліи. Въ долинахъ встрѣчаются засѣяныя поля и виноградники; слѣды древняго трудолюбія видны на каменистыхъ холмахъ, обсеянныхъ уступами для насажденія лозъ и смоковницъ.

Большая Внелеемская церковь, построенная крестообразно, была некогда весьма великолѣпна; въ пристворѣ еще цѣлы чешыре ряда мраморныхъ столбовъ рѣдкой красоны. Она принадлежитъ Грекамъ и Армянамъ. Лашинскіе монахи напрасно пребываютъ себѣ въ ней части, ибо нельзя считать обыкновенный храмъ за *общее мѣсто поклоненія*, какъ Гробъ Господень или Голгоѳу. По сторонамъ главнаго алтаря двѣ лѣстницы ведутъ въ священный вершечъ: шамъ, у восточной стѣны, означено серебряною звѣздою гдѣ родился Предвѣчный Младенецъ, и устроенъ Престолъ, на которомъ служатъ Православные и Армяне. Если стоять немного поодаль, въ большой впадинѣ, гдѣ нынѣ алтарь Католическій. Вся пещера обложена драгоценнымъ мраморомъ, и освѣщается лампадами, изъ коихъ каждое исповѣданіе имѣетъ свое число, однажды навсегда установленное.

Внелеемскіе Аравляне частію обращены въ Христіанскую Вѣру; но ихъ суровые нравы нѣмъ не смягчились. Они достаютъ много денегъ, дѣлая изъ кости и перламутра чешки и кресты, раскупаемые благочестивыми пришельцами.

Вообще время прибытія поклонниковъ въ Іерусалимъ есть время жатвы для тамошнихъ жителей. Сямъ единственно оживляется страна, давно уже не *кипящая молокомъ и медомъ*, гдѣ земледѣліе въ упадкѣ и нынѣ промышлености, гдѣ народъ преданъ въ жертву грабительству и насиліямъ всякаго рода, гдѣ наконецъ, по выраженію Шатобріана „въ каждой деревнѣ

„погибаетъ ежегодно по хижинѣ и по семьѣ, и
„скоро одно кладбище показываетъ мѣсто пре-
„жняго селенія.“

Всего болѣе посѣщаютъ святыя мѣста Греки и Армяне. Усердіе цѣрвыхъ достойно особеннаго удивленія; Вѣра, сохранившая народное ихъ существованіе, была для нихъ главнымъ утѣщеніемъ въ рабствѣ. Они стекались отовсюду, безъ различія пола и возраста: опцы семейства приносили въ Палестину плодъ многолѣтнихъ трудовъ, оставляя дѣшей въ бѣдности; старцы, подкрѣпляемые желаніемъ, брели на костыляхъ ко гробу Того, *глымъ лице-зрѣніемъ талли насладиться въ небѣ*. Многіе, исполнивъ обѣтъ свой, посвящали остатокъ жизни на служеніе во храмѣ. Число православныхъ богомольцевъ, прежде 1821 года, прости-ралось иногда до трехъ тысячъ — между ими бывало около двухъ сотъ Русскихъ.

Посольство наше старалось всѣми силами доставить своимъ соотечественникамъ въ областяхъ Оптоманскихъ возможную помощь и заступленіе. Они обыкновенно отправлялись изъ Одессы въ концѣ Августа, и по пріѣздѣ въ Константинополь жили на особомъ дворѣ, не подвергаясь ни моровой язвѣ, ни оскорбленіямъ отъ Турецкой черни; бѣдные получали денежные пособія. Посланникъ сносился съ Патріархомъ Св. Града о помѣщеніи ихъ, безъ платы, на отправляемый ежегодно въ началѣ Сентября корабль съ поклонниками, и выдавалъ имъ сверхъ паспортовъ *ферманы* (Султанскіе указы), освобождавшіе Россійскихъ подданныхъ отъ всякой дани на пути и во Храмѣ, гдѣ съ прочихъ Христіанъ пребуяшъ за входъ по 24 лева; — въ Яффѣ они были принимаемы въ Греческомъ мѣстѣхъ и довольствуемы всѣмъ, по обычаю, на счетъ монастырскій; за что оставляли Проти-гумену небольшое подаваніе.

Отъ сего города многіе ходили пѣшкомъ, а богатые и больные могли имѣть верховыхъ лошадей за дешевую цѣну. Достигнувъ Іерусалима, они жили сперва нѣсколько дней въ Патриархін, и давали въ церковную казну вкладъ, какой хотѣли; но желавшіе вписать имена своихъ родственниковъ въ общій *Синодикъ* для вѣчнаго поминовенія, платили за каждое 50 левовъ и болѣе, смотря по достатку. Пономъ выбирали себѣ въ разныхъ Обителяхъ келліи на всю зиму. Насмъ и пища, самая умѣренная, стоили отъ 150 до 200 левовъ.

Въ ожиданіи Великаго поста богомольцы бывали въ ближайшихъ мѣстахъ поклоненія, въ Вифлессѣ, Вифаніи, Назаретѣ и проч. Нѣкоторые даже ѣздили на Синайскую гору, чрезъ Газу и Суэць.

Спеченіе народа въ Іерусалимѣ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія Пасхи. Армяне и Азіатскіе Греки собираются толпами изъ Караманіи, Сиріи, Египта; съ ними бываютъ и Грузины. Весь городъ приходитъ въ движеніе, особливо въ великую Субботу, день явленія *святаго свѣта*. — Послѣ праздника Мусселимъ, съ отрядомъ войска, провожаютъ поклонниковъ въ Іерихонъ и къ Іордану, и вскорѣ зашѣмъ каждый возвращается прежною дорогою въ отчизну. Плаваніе отъ Яффы до Константинополя, на хорошемъ кораблѣ и съ нужными запасами, спавишился во 100 левовъ.

Прибавивъ къ сему исчисленію еще 180 или 200 левовъ на подаванія разнымъ монастырямъ и церквамъ во все время пребыванія въ Палестинѣ, насмъ лошадей и другія мелочи, мы увидимъ, что необходимыя издержки нашихъ богомольцевъ не превышали пяти сотъ рублей. Но многіе изъ нихъ пріѣзжали совсѣмъ безъ денегъ и должны были прислуживать монахамъ, или просить милосшыни у воровъ Патриархін, гдѣ

имъ никогда не отказываютъ въ пищи. Для подавнїя симъ бѣднымъ спранникамъ помощи, равно и для надзора надъ ними, посланъ былъ въ Яффу особый чиновникъ, въ званїи Вице-Консула Пронсшествїя 1821 года помѣшали успѣху сего дѣла, и заперуднили Русскимъ путь къ Св. Гробу.

Евреи не менѣе Христїанъ усердны къ посѣщенію спраны своихъ предковъ, хотя знаютъ напередъ, какое утѣсненіе ихъ въ ней ожидаетъ. Они дорого платятъ за позволеніе войти въ Іерусалимъ, и еще дороже за клочекъ земли въ долину Іосафановой для будущей могилы. Ихъ спраданїя и бѣдность не возбуждаютъ ни въ комъ сожалѣнїя: они презираемы равно Греками, Аравлянами, Турками. Среди развалинъ своей столицы, среди воспоминаій о древней независимости и славы, сей несчастный народъ съ удивительною покорностію сноситъ даже отъ дѣшей непреснанныя обиды. Знакомецъ нашъ, Шейхъ-Абу-Гошъ, не понималъ, какъ могутъ быть Евреи подданными *Московского Падишаха*, и говорилъ: „что радъ привѣтствовать въ своей „силѣ цѣлыя тысячи Русскихъ поклонниковъ, но „что сердце его разрывается съ досады, когда одинъ „*Чифутъ* (Жидъ) проходитъ безпошлинно . . .“ Въ такомъ уничиженїи они утѣшаются видомъ Сїона и непоколебимою надеждою на Царя-Избавителя!

Постоянныхъ жителей въ Іерусалимѣ считается около 13,000, изъ коихъ большая часть Аравляне, исповѣдующіе Мусульманскую вѣру; есть однако же между ними нѣсколько Христїанъ. Сїи вообще очень бѣдны и питаются милоспїею отъ монастырей Греческихъ и Католическаго.

Все городское управленіе въ рукахъ у Турокъ. Мы сказали выше, что Іерусалимъ зависитъ отъ Паши Дамасскаго: но подать съ бо-

гомольцевъ, за доступъ къ Св. Гробу, принадлежишь Пашѣ Акрескому, и собирается его *Мутевеллемъ*. Сіе странное распоряженіе весьма невыгодно для Европейскихъ монаховъ, ибо подвергаетъ ихъ двойнымъ припѣсненіямъ, и вредитъ ходатайству Консуловъ, пребывающихъ въ Акрѣ и Яффѣ. *Мусселимъ* присылается, изъ Дамасска, а *Молла* (верховный Судья) прямо изъ Константинополя: послѣдній пользуется большимъ уваженіемъ.

Прежде отъѣзда изъ сей достопамятной страны, мы хотѣли видѣть Іорданъ и Мертвое море. Мы знали, что въ лѣтнее время хищные Аравляне удаляются съ своими снадами отъ рѣки на вершины горъ, и что дорога менѣе опасна, нежели весною. Въ томъ увѣрилъ насъ и почтенный Архіепископъ Пепрскій, недавно возвратившійся изъ Епархіи, совѣтуя однако же потребовать провожатыхъ отъ Турецкаго начальства. Все было сдѣлано по нашему желанію.

7 Сентября явилось къ намъ нѣсколько чело-
вѣкъ изъ Мусселимовой стражи съ его *Чау-шемъ* (Приславомъ), всѣ на прекрасныхъ лоша-
дяхъ, монастырскій Драгоманъ и два Шейха изъ Арабскихъ племенъ, кочующихъ за Іорданомъ. Переждавъ полдневный зной, мы пустились въ путь мимо Геѳсиманін, по правой сторонѣ горы Елеонской; ввечеру остановились отды-
хаться у колодца, на дворѣ обвалившагося *караванъ-серая*. Здѣсь, за три или четыре мѣсяца до насъ, былъ ограбленъ молодой Англичанинъ, неимѣвшій при себѣ никого, кромѣ слуги и янычара. Защищаясь упорно, онъ ранилъ саблею одного изъ разбойниковъ, и въ наказаніе полу-
чилъ отъ нихъ самъ точно такую же рану: примѣръ правосудія, достойный сихъ дикихъ сы-
новъ природы! Оттуда ѣхали мы по косо-
рамъ и ущеліямъ до большой равнины, окружаю-
щей Іерихонъ, и въ полночь добрались до жал-

жихъ остатковъ сего города, нѣкогда славнаго.

Тамонній Ага повелъ насъ дружелюбно въ собственное свое жилище — въ башню, гдѣ укрываются поселяне съ ихъ стадами отъ хищническихъ набѣговъ. Ужинъ и ночлегъ были на площадкѣ вверху, подъ открытымъ небомъ. На зарѣ все вокругъ насъ ожило: провожаемые спѣшили сѣлать лошадей, а мы любовались пріятными видами съ высокой нашей спальни. Въ долину зеленѣлись деревья и кусты, откуда кабаны выбѣгали на обработанныя поля къ самымъ хижинамъ. По ту сторону Иордана чернѣлся большой лѣсъ, а прямо передъ нами, между двумя рядами горъ, Мертвое море ярко отражало лучи восходящаго солнца. Преданія священной древности описывали картину сельской жизни. Величавый Аравлянинъ, попомокъ Измаила, полунагой, съ длиннымъ ружьемъ за плечами, гналъ на пашву козъ и овецъ къ пошоку, ознаменованному чудомъ Пророка Елисея; другіе копали гряды, можетъ быть тамъ, гдѣ сполъ домъ Раавы, и гдѣ Левиты носили кивотъ завѣща на гибель Иерихону При выѣздѣ изъ деревни, мы встрѣтили женщинъ, идущихъ съ глиняными на головѣ кувшинами за водою, въ синихъ широкихъ платьяхъ и закинувъ назадъ покрывала: наше приближеніе ихъ не встревожило. Одно слово *хаджи* (поклонникъ) удовлетворяло любопытству cadaго и прекращало всѣ вопросы.

Обширная степь, отдѣляющая отъ Иордана оазисъ Иерихонскій, походитъ на дно морское, оставленное волнами; кой-гдѣ, около песчаныхъ бугровъ, показывающіеся тамаринды, обыкновенно распушіе вдоль потоковъ, и колючій терновникъ. Во дни Христіанскаго владычества было въ сей пустыни множество монастырей и скиповъ (*eremitoria graciosa*); нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ. Мѣсто крещенія Спасителя,

какъ полагають Греки, въ 5 или 6 верстахъ отъ развалинъ Обишели во имя *Аввы Герасима*: достигнувъ онаго, мы спустились съ крутаго берега, обросшаго внизу камышемъ и мелкимъ куснарикомъ, и перѣхали въ бродъ на противоположную сторону, болѣе отлогую.

Верховья Иордана у подошвы лѣсистыхъ горъ Эрмона и Аннианивана: стремясь опшуда на югъ прямою чертою, онъ проходитъ сквозь Тиверіадское (Геннесаретское) озеро и, подобно цѣпи, соединяетъ его съ Мертвымъ моремъ. Сія знаменитая рѣка лѣтомъ не шире 10 сажень и глубины посредственной, но бѣжитъ по каменистому дну съ опмѣнною быстрою; когда же начнутъ таять снѣга Ливанскіе, то разливается вдвое. Мы въ ней купались, и попомъ, слѣдуя обычаю, пили свои *готры* (плоскіе дорожные сосуды) немного мутною, но пріятною ея водою (*). Поклонники симъ не довольствуются, и мочатъ здѣсь простыни, кои должны при погребеніи служить имъ саваномъ.

Впадающіе въ Иорданъ потоки по большей части въ жары пересыхають; окружные пески совсѣмъ безводны.

Его устье означается на поверхности Мертваго моря длинною полосою — какъ будто бы струи, издревле священные, мерзятъ смѣшеніемъ съ волнами проклятыми озера, поглотившаго Содомъ и Гомморъ. Прже думали, что она продолжаетъ свое теченіе подъ землею и соединяется въ Египтъ съ Ниломъ или въ Сиріи съ Фарромъ. Но, кромѣ другихъ доказательствъ, опровергающихъ сіе мнѣніе, мы знаемъ изъ сви-

(*) Мы не нашли въ сей водѣ *солоноватаго вкуса*, какъ говоритъ Шатобріанъ, хотя были на Иорданѣ почти въ одно съ нимъ время года. Посоявъ немного, она становится совсѣмъ прозрачною, а дно сосуда покрывается темноватымъ иломъ.

дѣтельствва очевидцевъ, что Мертвое море вышашаеся и упадаеся, смотря по прибыли и убыли Иордана.

Неподалеку отъ устья, рѣка склоняеся вѣтво, и только верхи кустовъ показывають ся направленіе: мы пустились прямо, безъ дороги, по сыпучему песку, бѣлому какъ снѣгъ отъ покрывающей его соли. Жаръ былъ несносный. На густомъ, раскаленномъ небѣ солнце рдѣло будто на закатѣ. Съ одной стороны цѣнь Аравійскихъ горъ — утесистая стѣна безъ отдѣльныхъ вершинъ, безъ зубцовъ и изгибовъ — идетъ вдоль озера какъ неизмѣримая рама. Съ другой мѣловые холмы, чудною игрою естества, представляютъ шапры, малыя крѣпости и башни, украшенныя карнизами. — Все отлично здѣсь отъ другихъ мѣстъ на Земномъ шарѣ. Въ самыхъ стѣняхъ Сары близость воды перемѣняеся видъ природы: влага проникаеся сквозь сухой хрящъ, и одѣваеся его зеленою травою; плесиворный воздухъ очищается; существа живущія находясь пріюти въ пальмовыхъ рощахъ, и безплодная пустыня превращаеся въ цвѣтущій оазисъ — подобіе рая. Напротивъ того, окрестности Мертваго моря унылы и лишены всякихъ признаковъ жизни: нѣтъ свѣжести; нѣтъ звѣрей, птицъ, растений; изсохшія деревья, лежація корнями вверхъ по берегу, принесены волною съ восточнаго конца, или, можеся быть, Иорданомъ во время разлива. Вода свѣшла, но пресыщена горькими солями. Трудно повѣрить слышанному Пококомъ и Шапобріаномъ отъ какого-то монаха и отъ Внѣдеемскихъ Аравлянъ, что въ ней водится рыба: намъ сказывали провожатые, что даже заходящая случайно изъ рѣки потчасъ умираеся.

Въ длину Мертвое море (по-Арабски Бахръ-уль-Лутъ, и. е. *Лотово*) просшираеся на 75, а въ ширину на 20 верстъ; окружность его Зее-

ценъ полагаешъ въ 5 дней пущи. Оно оканчивается узкимъ заливомъ, чрезъ который лѣтомъ переходяшъ въ бродъ по колыю. — Странный образъ соляныхъ глыбъ, выбрасываемыхъ озеромъ, подалъ конечно поводъ къ сказкѣ, часно повноряемой, о видѣнномъ поклонниками *столбъ Лотовъ*.

Мы ночевали опять въ Іерихонѣ, и на другой день возвратились въ Іерусалимъ новою дорогою, чрезъ монастырь Св. Саввы. Отъ самаго пошока Кедрскаго до Мертваго моря идешь глубокой оврагъ, называемый *юдолио плаги*: по его пересохшему дну мы приблизились къ обителю, построенной уступами на ужасной крутизнѣ, и поднялись вверхъ, содрогаясь невольно при каждомъ поворотѣ. Все зданіе обнесено высокими стѣнами, и больше имѣетъ видъ укрѣпленнаго замка, нежели убѣжища для мирныхъ иноковъ. Слѣдуя за Игуменомъ по высѣченнымъ въ камень ступенямъ, мы поклонились коснямъ святыхъ опцевъ, избіенныхъ невѣрными, и гробу Св. Саввы; видѣли пещеру сего благочесниваго ируженика и финиковое дерево, имъ самимъ насажденное. На самой вышинѣ двѣ четверугольныя башни служатъ монахамъ подозрными каланчами. Окружныя горы изрыты множествомъ вершенцовъ, гдѣ некогда обитало до 10 тысячъ опшельниковъ.

Намъ еще показывали окно, изъ коего раздаюшъ ежедневно хлѣбъ кочующимъ неподалеку Аравлянамъ. Ихъ племя было издревле (какъ увѣряюшъ) *приписано* Греческими Императорами къ монастырю для услуженія, и за то получало отъ него пищу: нынѣ же требуетъ оной съ угрозами, какъ принадлежащей себѣ дани; матери приносятъ новорожденныхъ младенцевъ къ окну, и берутъ за нихъ лишніе участки. Въ случаѣ ссоры съ инокъ, сіи полудикіе Му-

сулмане держать ихъ въ осадѣ, и пресѣкають сообщеніе съ Іерусалимомъ.

Посѣщая Обители Палестинскія, мы не забывали осматривать ихъ книгохранилища — хотя неудача нашихъ исканій на горѣ Авонской оставляла и здѣсь мало надежды. Въ Патриархіи есть нѣсколько рукописей: но все требники, пашерики и творенія церковныхъ учителей. Грамматы, относящіяся къ правамъ Грековъ, съ давняго времени отосланы въ Константинополь; прочія бумаги, нами видѣныя, любопытны по тому только, что дополняютъ печальную картину претерпѣваемыхъ Іерусалимскими Христіанами угнетеній.

14 Сентября, въ день Воздвиженія Креста, мы лобызали въ послѣдній разъ Гробъ Господень и всѣ святыни въ великой церкви. Архіепископъ Геосиманскій служилъ литургію на Голгоѣ: потомъ начался торжественный ходъ изъ Греческаго Каѳолика въ подземелье Св. Елены. Архіерей держалъ на головѣ серебряное Распятие съ частию Живошворящаго Древа; за нимъ несли хоругви, кресны, иконы; народъ устилалъ ступени лѣстницъ зелеными вѣтвями и цвѣтами. Во время молебна, знаменіе спасенія было проекращно воздвизаемо на самомъ мѣстѣ его обрѣщенія.

Въ этотъ же день мы проспились съ гостепріимными Епископами и, взявъ у Мусселима провожающихъ до Акры, выѣхали изъ Св. Града...

Д. Дашковъ.

IV. *Описанія картинъ.*

(Изъ дю Пати.)

I.

СМЕРТЬ СЕНЕКИ.

Могу сказать, что я былъ при смерти Сенеки, видя картину, на которой онъ умираетъ. Сенека среди картины. Онъ обнаженъ до половины, какъ такой человекъ, которому не нужно уже защищать свое тело отъ снѣгій, коимъ готовъ онъ его возвращить. Ноги его въ вани, и изъ нихъ течетъ кровь. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Философа, и при томъ пониже, по правую сторону, виденъ секретарь, который писалъ, но уже не пишетъ; по лѣвую два секретаря, которые писали, но уже не пишутъ. На одной чертѣ и одной высотѣ съ Сенекою, въ углу и въ тѣни, стоитъ человекъ, коего едва признать могу, воинъ. Въ противоположномъ углу, но въ свѣтѣ, другой видимый мною человекъ — старый Сенапторъ. Посмотрите теперь на сцену. Снарикъ, въ ожиданіи смерти, занимается диктованіемъ мыслей, представляющихся еще его воображенію. Смерть ихъ осматривается. Рука охладѣла, кровь изъ него не течетъ болѣе, тѣло жестѣетъ, глава колеблется, и потъ взоръ, который былъ вверженъ въ мысль, тщетно старается уловить ее: онъ погасаетъ. Три секретаря, съ разными опшѣнками участія, вниманія и безпокойства, каждый съ перомъ, приспально смотрятъ на уста Философа, которые еще говорятъ покусаясь. Они надеются, что одно лишнее ихъ движеніе окончитъ слова его; но смерть ихъ запечатлѣла. Между тѣмъ Центуріонъ (Сотникъ), поднявши уже ногу у дверей, нетерпѣливо считываетъ послѣдніе вздохи Философа; ибо Неронъ

ожидаетъ. А старыи Сенаторъ что дѣлаетъ? Онъ думаетъ о Неронѣ, и научается примѣромъ смерти Сенекиной.

2.

П О Ж А Р Ъ.

Вчера ночью, на площади С. Пепира, возлѣ Вашикана, сдѣлся пожаръ въ такую пору, когда старики и дѣти уже покоятся, а несчастные и матери еще не спяшь.

Никогда еще не бывало столь сильнаго пожара; онъ угрожалъ превратить Римъ въ пепель. Разъяренный порывистымъ вѣтромъ, онъ вдругъ разгорѣлся. Казалось, самая темная ночь освѣщала мраками своими сей пожаръ.

Какія ужасныя картины представлялись взору при его сіяніи! . . . Все вижу, все слышу. Вопль матерей еще и нынѣ раздираетъ мою внутренность.

Проведши вечеръ въ окрестностяхъ Вашикана, я шелъ домой, на Испанскую площадь. При входѣ въ Пепировскую, вижу, что пламя, стремясь изъ жилищъ бѣднаго, превращенныхъ уже въ пепель, взвивается по мраморнымъ столбамъ, на верхъ Вашикана.

Я былъ одинъ. Признаюсь, думая, что нахожусь на шаковомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ, я наслаждался онымъ. Въ сіе самое время, въ двадцати шагахъ отъ меня, прошелъ молодой человѣкъ, неся на плечахъ старика. Судя по тому, какъ сей молодой человѣкъ оглядывался вокругъ себя, какъ робкими шагами искалъ надежной дороги, и осмерегался, чинишь ли не встряхнувши старика, узналъ я, что онъ несъ своего родственника. Старикъ сей, печально исторгнутый вѣспѣмъ отъ сна и пламени, не зная гдѣ онъ, откуда взялся, куда его несутъ, и что такое дѣлается, опдался въ волю своего

избавителя. Между тѣмъ шелъ впереди ребенокъ, который при всемъ своемъ страхѣ, часто на нихъ оглядывался; женщина, дряхлая, почти нагая, съ равнодушнымъ видомъ, неся плащъ старика, шла позади.

Провожая ихъ умильнымъ взоромъ, увидѣлъ я, въ недалекомъ разстояніи, другаго молодого человека, нагаго, который, понуждаемъ пресѣдовавшимъ его пламенемъ, ухватясь снаружи за окно, изъ коего пылало пламя, и вися всѣмъ тѣломъ на свѣтъ, глазами выбиралъ мѣсто, куда бы не столь опасно было упаси на мостовую.

Нельзя лучше видѣть всего матерняго сердца, какъ при сіяніи пожара! Какъ сія женщина съ верху шеррасы подавала мужу своему, стоявшему внизу, дражайшій залогъ своего союза! Она подходила къ нему, наклонялась, и еще наклонялась, все держа ребенка въ своихъ объятіяхъ, прижимая его къ груди, либо къ устамъ своимъ: наконецъ, между простертыхъ рукъ сей матери и простертыхъ рукъ сего отца, младенецъ сияцій въ колыбели Я обратилъ глаза и ушелъ прочь.

Прошедши почти всю площадь, встрѣтился я со спасающеюся изъ обьянаго пламенемъ дворца, въ нарядѣ еще и въ слезахъ, одѣною въ великолѣпное плащъ и держащею передъ собою за руки двухъ нагихъ дѣтей, женщиною росшу большаго, красавицы и сына величественнаго. Младшій изъ сихъ дѣтей, видя, что мать кричитъ и плачетъ, также кричалъ и плакалъ. Сестра, лицомъ прелестная, дрожа отъ спужу, старалась одѣть и даже прикрыть юное и нѣжное свое тѣло стыдливymi руками. Несчастная мать! Вѣрно она потеряла одно дитя, двухъ держала за руки, и плакала.

Между тѣмъ старики, дѣти, воины, священники, богатые, бѣдные безпрестанно умно-

жались толпою, которая съ одного края площади до другого колебалась подобно морю, бурею волнуемому. Входящъ въ церковь Св. Петра, выходящъ, онящъ входящъ шуда, пѣснянся, падающъ. Я видѣлъ, какъ возлѣ меня четыре солдана на крестообразно положенныхъ мечехъ пронесли молодую дѣвицу, упавшую въ обморокъ. Она была прекрасна! Сіяніе пожара волновалось по блѣдному ея челу и блистало въ слезахъ, вытекшихъ изъ ея глазъ и оспановившихся на щекахъ.

Во всемъ странномъ семъ явленіи наиболѣе ужасало меня молчаніе, въ то время какъ вѣтеръ утихалъ. Тогда, со всѣхъ сторонъ, слышны были задерживаемые вздохи, глубокій стонъ, шумъ пожирающаго пламени, прескъ зданій, повсечасно обрушивающихся; вопль манерей. Наконецъ я шелъ уже съ площади, какъ печально увидѣлъ въ одномъ окнѣ Вапиканскаго дворца, возлѣ самаго пожара, креснъ, священниковъ и самого Первосвященника въ священническомъ облаченіи.

Толпа вдругъ произносила вопль; вдругъ преклоняетъ колѣна; вдругъ Первосвященникъ окруженъ на воздухъ тысячею слезящими взорами и тысячею воздышными къ Богу руками. Первосвященникъ подымаетъ очи къ небу, и молится; народъ склоняетъ очи долу, и молится.... Предспавъше себѣ бурю, пожаръ, и молниву, въ семъ глубокомъ и благоговѣйномъ молчаніи какъ бы согласно шумящія.

Какъ изобразишь карину, въ сію минуу взоры мои поразившую!

На одной изъ ступенекъ церковнаго преддверія одна, особо сидящая мать, жала руками маленькія ручки своего дитяти, на колѣнахъ возлѣ нее сноющаго, складывала ихъ ласково и заснавала молнишь. Позади ихъ молодая дѣвица, съ распрепанными волосами, въ слезахъ,

стояла и простирала къ Первосвященнику, во всей своей горести умиленные свои руки.

Между тѣмъ Первосвященникъ оканчиваетъ молитву и вспаешъ. Народъ въ неизобразимомъ ожиданіи взираетъ на него.

Тогда, гласомъ твердаго упованія и съ спокойнымъ видомъ, Первосвященникъ изрекъ къ преклонившемуся долу народу слова, исполненныя благочестія. Внезапно, дѣйствіемъ ли чуда или какимъ бы чудомъ, когда послѣднія слова благословенія были еще на воздухъ, вѣтры уже утихли; пламя сиремнился на пламя; дымъ поднимается чернымъ клубомъ, обвивается вокругъ пожара, подавляетъ его, и возвращаетъ ночи всю ея мрачность.

Ахъ! какъ удивительна сія Рафаэлева картина, въ Ватиканѣ выснавленная!

Мартыновъ.

V. *Описаніе Аравійской пустыни.*

(Изъ Бюффона.)

Вообразите страну безплодную, безъ зелени и безъ воды, огненное солнце, небо вѣчно раскаленное, равнины несчаныя, горы еще пущѣйшія (гдѣ взоръ перелетѣлъ и не находилъ ни одного живаго предмета), землю мерзвую, изрытую (такъ сказать) вѣтрами — землю, копорая не представляетъ ничего, кромѣ костей, камней, скалъ столпихъ или изверженныхъ, совершенно открытую пустыню, гдѣ путешественникъ никогда въ сѣни не покоеся, гдѣ ничто ему не сопутствуетъ, ничто не напоминаетъ живой природы; — непрерывное уединеніе, гораздо сиранинѣе уединенія дремучихъ лѣсовъ; ибо деревья все еще кажутся намъ существами, — но здѣсь, лишенный всего,

теряясь въ неограниченныхъ пустыняхъ, человекъ видитъ въ пространствѣ гробъ свой; дневное свѣтило, печальнѣйшее темноты ночной, восходитъ единственно для того, чтобы явить ему весь ужасъ его положенія, расширяя предъ нимъ область пустыни и бездну неизмѣримости, отдѣляющей его отъ земли обитаемой. Нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія! голодъ, жажда и зной терзаютъ его во всѣ тѣ минуты, которыя еще должно ему прожить между отчаянiя и смерти.

Карамзинъ.

VI. *Благоразумный человекъ.*

Благоразумiе нужнѣе всѣхъ другихъ свойствъ разума, и дѣйствiя его необходимы въ ежедневныхъ случаяхъ жизни; а Природа даетъ человеку безъ великаго труда все необходимое. Благоразумiе не требуетъ обширной прозорливости, великаго глубокомыслия, и само собою рождается въ душѣ тихой, спокойной, незнакомой съ пламенными чувствами, съ восторгамъ страстей и героическими намѣренiями.

Благоразумiе дѣйствуетъ на жизнь такъ, какъ правила на творенiе Искусства: оно дѣлаетъ человека осторожнымъ, но не можетъ возвысить духа; предупреждаетъ вредъ, но не даетъ существенныхъ выгодъ; избѣгаетъ ошибокъ, но не ведетъ человека ко славѣ, испреблѣя смѣлость, которая иногда бываетъ гибельна, но безъ которой не лзя заслужить удивленiя и хвалы громкой. Правило говоритъ что дурно, но не можетъ сообщить красоты: такъ и благоразумiе дѣлаетъ жизнь только безопасною, а не счастливою. Генiй, трудясь для безсмертiя, разрываетъ узы правилъ; а

герой славился, забывая осторожность благо-
разумія.

Мы не знаемъ никакого благоразуміе сосѣда нашего Оронша, который прожилъ вѣкъ свой смирно и тихо, единственно отъ того, что слѣдовалъ двумъ немудренымъ правиламъ, и всегда дивился, какъ могутъ люди ссориться, бранишься, шумѣть и плакать въ свѣтъ!

Ороншъ твердилъ болѣе всего: *выбирай то вѣрно!* и хотя любилъ деньги, но думалъ, что бережливость выгоднѣе всякой промышленности. Напрасно говорятъ ему о способахъ много выиграть и разбогатѣть: онъ не мыслитъ о будущемъ, а занимается только настоящимъ, говоря: „синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ!“ Имѣетъ небольшое поле, обрабатываетъ его по старому, и не хочетъ слышать о новыхъ методахъ земледѣлія, разсуждая, что дѣды наши были не глупѣе насъ, и знали, какъ пахать землю; что для всякаго новаго заведенія надобно издержать деньги, а польза еще впереди; что истинный мудрецъ держится вѣрнаго, и не дастъ ни копѣйки за неизвѣстное.

Другое Ороншово правило есть: *думай только о своихъ дѣлахъ.* Въ политикѣ онъ не беретъ ни чьей стороны, и говоритъ объ Англійскомъ Парламентѣ такъ холодно, какъ о Совѣтѣ Китайскаго Императора. Когда говорятъ ему о страшномъ злоупотребленіи, о великой несправедливости, онъ утѣшается надеждою, что это выдумка. Когда Якобинцы волнуютъ народъ, или Министры играютъ народомъ, Ороншъ думаетъ, что всякому вольно поступать, какъ ему лучше кажется. Во время выборовъ онъ имѣетъ полную довѣренность къ согражданамъ, и говоритъ, что всѣ кандидаты хорошіе люди, и что онъ не смѣетъ одного предпочесть другому.

Когда сосѣды ссорятся, Ороншъ остается

хладнокровнымъ зришелемъ. Его называютъ честнымъ, за то, что онъ никого не обманываетъ — а мудрымъ за то, что никогда не ошибается. Рѣдкіе не исполнили бы его приговора; онъ могъ бы прекратить множество тяжбныхъ дѣлъ, могъ бы помирить многихъ непріятелей — но Оронъ никакъ не хочетъ мѣшаться въ чужія дѣла, чинобы оправдывая одного, не обвинить другаго.

Видя, какъ одинъ сосѣдъ хозяйсвуется, какъ другой монаетъ, Оронъ молчитъ; не хвалитъ перваго, не осуждаетъ послѣдняго; не льститъ богатому, ибо онъ можетъ обидѣть; боится оскорбить бѣднаго, ибо онъ можетъ разжиться. Предвидѣніе его въ самомъ дѣлѣ имѣетъ наружность добродѣтели; кому нѣтъ нужды въ немъ, тотъ хвалитъ его въживоси и добросердечіе. Но кто пребудетъ у него помощи, того увѣряетъ Оронъ, что онъ роздалъ всѣ свои деньги, и крайне жалѣетъ; а когда уйдетъ проситель, Оронъ говоритъ домашнимъ: „я всегда любилъ его какъ душу, а не даю ему денегъ для того, чинобы послѣ не пребовавъ ихъ назадъ и не побранившись съ добрымъ человѣкомъ.“ — Семейственные безпорядки никогда не бывають ему извѣстны. Слыша, что такая-то дѣвица вышла замужъ за лакея, онъ въ изумленіи поднимаетъ вверхъ руки, и говоритъ, что она всегда казалась ему скромною и благопривною. Когда супруги, бывъ долгое время примѣромъ несогласія и разврата для цѣлаго города или всей провинціи, наконецъ развелись, тогда Оронъ клялся и божился, что ему и на мысль не приходилъ сей случай, а что онъ всегда считалъ ихъ примѣромъ супружескаго согласія.

Когда сосѣдъ попребудетъ у него совѣща, Оронъ не дастъ ни худаго, ни добраго, для того, что все подвержено неизвѣстности и что онъ боится ошибки. Оронъ беретъ его

за руку съ ласковымъ видомъ; говоритъ, что радъ душею служить ему какъ самому себѣ, и совѣщуетъ быть осторожнымъ, не шорошиться, все обдумать, но и не медлить излишне; что у мудраго два уха, а одинъ языкъ; что скромность всегда полезна; что онъ могъ бы дать ему разные совѣты, но что всякій въ своемъ дѣлѣ есть лучшій судья. Такимъ складнымъ пустословіемъ многіе бывають довольны, идутъ домой ни съ чѣмъ, но удивляются глубокой мудрости сосѣда, который по крайней мѣрѣ не оспариваетъ ихъ мнѣній.

Благоразумный Оронъ всегда закуситъ языкъ, когда начнутъ говорить о характерѣ людей; не хвалитъ добродѣтели и не бранитъ пороковъ, замѣтивъ однажды навсегда, что дѣти Адамовы крайне сердятся за брань, и рѣдко бывають довольны, когда другихъ хвалятъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ зашвердилъ нѣкоторыя фразы, и при всякомъ случаѣ употребляетъ ихъ безъ дальнѣйшаго разбора. Если надобно сказать мнѣніе о состояніи человека, то Оронъ полагаетъ, что всѣ, слава Богу, награждены избыткомъ, и не знаютъ нужды. Хотя онъ не превозноситъ съ жаромъ ни чьей мудрости, однако жъ по возможности держится всегда умныхъ людей. Всякій мужчина есть для него преизрядный человекъ, всякая женщина достойна почтенія.

Такимъ образомъ сосѣдъ нашъ крадется потихоньку сквозь шумныя толпы людей въ свѣтъ, и не ступитъ шага безъ того, чтобы не осмотрѣться вокругъ себя, не зная ни любви, ни вражды, ни услугъ, ни обидъ; не старался никогда разбогатѣть, отъ страха обѣднѣть; не искалъ никогда друзей, чтобы не нажить послѣ непріятелей.

Перев. Карамзинъ.

VII. Праздный.

Старожилъ, котораго мы знали въ молодости нашей столь блестящаго, столь веселаго, столь разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ совершеннымъ образцемъ стараго холоспаго человѣка. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкоторыя познанія и большой навыкъ въ свѣтѣ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живость исчезла; познанія неусовершенныя безпрестанными трудами, изгладились или превратились въ закоренѣлые предразсудки, и все остроуміе его погибло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно разсудокъ забылъ шепнуть ему: старайся быть полезенъ обществу! Недѣлительная жизнь, говоритъ мудрецъ Херонейскій, расслабляетъ тѣло и душу. Стоячая вода гніетъ; способности человѣка въ бездѣйствіи увядають, и за молодостію невидимо крадется время:

Прійдутъ, прійдутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Пресшанутъ Граціи трепать!

Тогда общество справедливою холодностію отнестись тебѣ за то, что ты былъ его безплоднымъ членомъ. Старожилъ, прожившій вершопрахомъ до нѣкотораго времени, проснулся въ сорокъ лѣтъ старикомъ, съ подагрою, съ полуразспроеннымъ имѣніемъ, безъ друга, безъ привязанностей сердечныхъ, которыя составляютъ и мученіе, и сладость жизни; онъ проснулся съ душевною пустошю, которая превратилась въ эгоизмъ и мелочное самолюбіе. Ему все наскучило; онъ всѣмъ недоволенъ: въ его время и лучше веселились, и лучше говорили, и лучше писали. Трагедіи Княжнина, по его мнѣнію, лучше Трагедій Озерова; Басни Сумарокова предпочитаетъ онъ Баснямъ Крылова,

игру Сахаровой игръ Семеновой, и такъ далѣе. Какъ скучна нынѣшняя жизнь! говоритъ онъ; и этому повѣрить можно. Зачѣмъ, спрашиваю я, зачѣмъ постоянно десять лѣтъ является онъ въ клубъ? Чѣмъ бы слушать, изобрѣтать или распускать городскія вѣснн или газетныя тайны, чѣмъ бы бранить нещадно все новое, и прославлять любезную старину, отобѣдать и заснуть за чашкою кофе при стукѣ шаровъ и при единообразномъ счетѣ маркёра, который, насчитавъ 48, независшимъ числомъ напоминаетъ ему его лѣта. Сонный садится онъ въ карету, и едва просыпается въ театрѣ при первомъ ударѣ смычка.

:Батюшковъ.

VIII. Владимиръ Великій.

Сей Князь, названный Церковію *Равноапостольнымъ*, заслужилъ и въ Исторіи имя *Великаго*. Владимиръ, принявъ Вѣру Спасителя, освятился ею въ сердце своемъ, и спалъ инымъ человекомъ. Бывъ въ язычествѣ мстительнымъ свирѣлымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воинномъ кровожаднымъ и — что всего ужаснѣе — братоубійцею, Владимиръ, наставленный въ человеколюбивыхъ правилахъ Христіанства, боялся уже проливать кровь самихъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ конечно въ томъ, что онъ поставилъ Россіянъ на путь истинной Вѣры; но имя *Великаго* принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей Князь, похитивъ Единовласіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ Варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу;

смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ славнаго Мечислава и славной храбростію народъ Ямвяжскій; расширилъ предѣлы Государства на Западъ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ Восточныхъ Императоровъ; старался просвѣпить Россію: населилъ пущины, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми Боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ Училища, и призывалъ изъ Греціи не только Іереевъ, но и Художниковъ; наконецъ былъ нѣжнымъ опцемъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ заплашилъ за важную ошибку въ политикѣ, за назначеніе особенныхъ Удѣловъ для сыновей.

Карамзинъ.

IX. Владиміръ Мономахъ.

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, славный побѣдами за Русскую землю и благими правами, какъ говорили древніе Лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви, имъ созданной, на берегу Альмы, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной Вѣры. Горестныя дѣши и вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался Христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за опечеснво и народъ, ему любезный. Не менѣе хвалилъ

Лѣтописцы пѣжную его привязанность къ опцу (котораго сей рѣдкій сынъ никогда и ни въ чемъ не ослушался), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами*. Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе*, имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастью, сей остатокъ древности сохранился въ одной харашейной лѣтописи, и достоинъ занять мѣсто въ Исторіи.

Великій Князь говоритъ въ началѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему Русское имя Владиміра и Христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе *Мономаха*, или *Единоборца*: для того ли, что Владиміръ дѣйствительно былъ по матери внукомъ Греческаго Царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявлялъ особенную доблесть воинскую? — „Приближаясь ко гробу“ — пишетъ онъ — „благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: рука Его довела меня до старости маслиной. А вы, дѣти любезныя, и всякій, кто будетъ чинить сіе писаніе, наблюдайте правила, въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: онъ говоритъ несправедливо!“

„Сстрахъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь; чудесны дѣла Его!“ Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большей части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

„О дѣти мои! хваляте Бога, любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но благодаренія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе, и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богат-

„спва въ нѣдрахъ земли: сіе противно Хри-
 „стіанству. Будьте опцами сиротъ: судите
 „вдовиць сами; не давайте сильнымъ губить
 „слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни винов-
 „наго: жизнь и душа Христіанина священна. Не
 „призывайте всеу имени Бога; утвердивъ же
 „клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не пресупай-
 „те оныя. Братья сказали мнѣ: изгонимъ Рос-
 „славителей и возьмемъ ихъ область, или ты
 „намъ не союзникъ! Но я отвѣтствовалъ: не
 „могу забыть крестнаго цѣлованія; развер-
 „нулъ Псалтирь, и читалъ съ умиленіемъ: вскую
 „пегальна еси, душе моя? Уповай на Бога,
 „яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавную-
 „щимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе. —
 „Не оставляйте больныхъ; не спрашитесь ви-
 „дѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимай-
 „те съ любовію благословеніе Духовныхъ; не
 „удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да
 „молятся за васъ Всевышнему. — Не имѣйте
 „гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте:
 „мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра во гро-
 „бѣ. — Бойтесь всякой лжи, піянства и лю-
 „бострастія, равно гибельнаго для тѣла и ду-
 „ши. — Чтите старыхъ людей какъ отцевъ,
 „любите юныхъ какъ братьевъ. — Въ хозяй-
 „ствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не
 „полагаясь на Опроковъ и Тиуновъ, да гости
 „не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. — На
 „войнѣ будьте дѣятельны; служите примѣромъ
 „для воеводъ. Не время тогда думать о пир-
 „шествахъ и нѣгѣ. Разставивъ ночную спра-
 „жу, отдохните. Человѣкъ погибаетъ внезапно:
 „для того не слагайте съ себя оружія, гдѣ мо-
 „жетъ встрѣтиться опасность, и рано сяди-
 „те на коней. — Путешествуя въ своихъ
 „областяхъ, не давайте жителей въ обиду Кня-
 „жескимъ Опрокамъ; а гдѣ остановитесь, на-
 „пойте, накормите хозяина. Всего же болѣе

„чтите госпя, и знаменитаго и проспата, и
 „купца и Посла; если не можете одарить его,
 „то хотя брашномъ и питіемъ удовольствуй-
 „те: ибо госпи распускають въ чужихъ зем-
 „ляхъ и добрую, и худую объ насъ славу. — При-
 „вѣщивайте всякаго челоука, когда идете
 „мимо. — Любите женъ своихъ, но не давайте
 „имъ власти надъ собою. — Все хорошее, узнавъ,
 „вы должны помнить: чего не знаете, тому
 „учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ
 „пятью языками: за что хвалятъ насъ чуже-
 „спранцы. Лѣность мать пороковъ: берегитесь
 „ей. Челоукъ долженъ всегда заниматься: въ
 „пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суен-
 „ныхъ мыслей читайте наизустъ молитвы, или
 „повторяйте хотя самую краткую, но луч-
 „шую: *Господи помилуй!* Не засыпайте ни-
 „когда безъ земнаго поклона; а когда чувствую-
 „те себя нездоровыми, то поклонитесь въ зем-
 „лю три раза. Да не засыпаетъ васъ солнце
 „на ложѣ! Идите рано въ церковь воздайте Бо-
 „гу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой;
 „такъ дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло
 „ихъ солнце, они славили Господа съ радостію
 „и говорили: *просвѣти огни мои, Христе Бо-*
 „*же, и даждь ми еси свѣтъ твой красный.* По-
 „томъ садился думать съ дружиною, или су-
 „диль народъ, или ѣздили на охоту; а въ пол-
 „день спали: ибо не только челоуку, но и звѣ-
 „рямъ, и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ
 „часъ полуденный. — Такъ жилъ и вашъ отецъ.
 „Я самъ дѣлалъ все, чю могъ бы велѣть Он-
 „року: на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ
 „зной лѣтній и холодъ зимній, не зналъ покоя;
 „не надѣялся на Посадниковъ и Бирючей; не да-
 „валъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ;
 „самъ назиралъ церковь и Божеслвенное слу-
 „женіе, домашній распорядокъ, конюшню, охо-
 „ту, ястребовъ и соколовъ.“ — Исчисливъ свои

дѣла воинскія, Владиміръ пишетъ далѣе: „Всѣхъ
 „походовъ моихъ было 83, а другихъ мало-
 „ныхъ не упомяну. Я заключилъ съ Половцами
 „19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе
 „сна лучшихъ ихъ Князей и вынулъ изъ
 „неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и погубилъ
 „въ рѣкахъ. — Кто путешествовалъ скорѣе
 „меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ
 „въ Кіевѣ у родителея прежде вечера. — Лю-
 „бя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ
 „дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вы-
 „заль я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два
 „раза буйволъ мешалъ меня на рогахъ, олень
 „бодалъ, лось топала ногами; вепрь сорвалъ
 „мечъ съ бедра моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло;
 „люшый звѣрь однажды бросился и низвергнулъ
 „коня подо мною. Сколько разъ я падалъ съ
 „лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреж-
 „далъ руки и ноги, не боясь жизни въ юности,
 „и не щадя головы своей. Но Господь хранилъ
 „меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти,
 „ни бича, ни звѣрей свирѣпыхъ; но являй-
 „тесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ
 „отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому
 „умереть, то не спасу его ни отецъ, ни
 „мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе
 „человѣческаго.“

Безъ сего завѣщанія, столь умно писаннаго,
 мы не знали бы всей прекрасной души Влади-
 міра, который не сокрушилъ чуждыхъ Госу-
 дарствъ, но былъ защитою, славою, утѣшені-
 емъ собственнаго; и никто изъ древнихъ Кня-
 зей Россійскихъ не имѣетъ болѣе права на лю-
 бовь потомства: ибо онъ съ живѣйшимъ усер-
 діемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если
 Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился на-
 рушить Права Народнаго, и вѣроломнымъ обра-
 зомъ умертвить Князей Половецкихъ, то мо-
 жемъ опираться къ нему слова Цицеронова: *вѣкъ*

извиняетъ геловѣка. Считая Половцевъ врагами Христіанства и Неба (ибо они жгли церкви), Россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Карамзинъ.

Х. Іоаннъ III.

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ Государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшишь на долго судьбу народовъ: онъ есть герой не только Россійской, но и Всемирной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метамифизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное печеніе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на сценѣ политическомъ въ то время, когда новая Государственная система, вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей, возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной, или Помѣстной. Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португалія цвѣла, пріобрѣтая богатства успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и шонкою полипикою. Безпечность и равнодушіе Императора Фридриха IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой

междоусобіями; но сынъ его, Максимилианъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставитъ Домъ Австрійскій на высшую степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемая тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу, и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовью къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ Монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ насшырей. Ганза — сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плетштенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ власти монархической и разумной политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ Державъ — вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гутшенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣшенію буквъ. Колумбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испы-

ташелей Естества и для Философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой природы, и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторіею Америки объяснилъ для себя Всемирную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, Художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темныя объ ней слухи рождали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкошорыхъ мореплавателей обойти Африку увѣщались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гама, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Колумбъ Америку. Сии два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу Державъ. Полишика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастья людей, но по крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественнаго духа Государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась въ кругу Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя доснохвальныя усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовласія и нашего

внутренняго могущества: но Россія при Иоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа ни полнаго бытія государственнаго. Благониворная хитрость Калиты была хитростию умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамай, но видѣлъ пепелъ столицы и рабство-спововалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлосіе Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Вишовшу, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ прошившись горести хищниковъ Ташарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостию, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ, и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Иоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чинимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступаая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внешней и внутренней; силою и хитростию возстановляя свободу и цѣлосіе Россіи, губя Царство Батыево, тѣся, обрывая Литву, сокрушая вольность Новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной

умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, копорой его преемники должныствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обзрѣвая престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому Монарху, неизмѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался усовершенствіемъ войска: Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣшамъ, обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число рабниковъ); принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею. Съ его времени также начинаются *Розряды*, которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ*: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Спорожеваго, или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но предводитель Большаго Полку былъ главнымъ. Не дозволяя вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ, Государь еще ме-

нѣ терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвращаясь изъ подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, оплучались изъ сѣна и ѣздили грабить: Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею или торговою казнію. Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. „Сватъ мой“ — говорилъ объ немъ Спешанъ Молдавскій: — „есть странный челоуѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защищать земли своей.“ То есть, Іоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣлъ на пронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скиннромъ искуснѣе, нежели мечемъ. Имѣя высренній умъ для Государственной Науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Сприга, Щеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолубія; легко можетъ одною несчастною бинвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ, а народы желаютъ сего качества въ Вѣщеносцахъ. Одна необходимая для Государственной цѣлости и независимости война есть законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахмашомъ и Липвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласнаго съ нашимъ благомъ.

Внутри Государства онъ не только учредилъ Единовласіе — до времени оставивъ права Князей Владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ, или бывшимъ Липовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ,

опмѣнивъ частныя права, несогласныя съ повласіемъ Вѣщеносца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными, и славились титуломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольныхъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Предсѣдательствуя на Соборахъ Церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя Главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ пріемѣ ихъ Посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* Монаршей руки въ знакъ лесной милости; хощѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чѣобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для Россіянъ, копорые *съ сего времени* начали удивлять всѣ нныя народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и спроптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи нираномъ, подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу Второму, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели Монархій славятся нѣжною чувствительностію, и швердостью, необходимая для великихъ дѣлъ Государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Понимъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просиеди боялись ниши ко прону; что вельможи трепетали, и на ширахъ во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни пронуться съ мѣсна, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться.

Исторія не есть похвальное слово, и не представляет самых великихъ мужей совершенными. Іоаннъ какъ человекъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ какъ Государь на высшей степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не пѣляетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Чѣмъ оставилъ міру Александръ Македонскій? славу. Іоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленія, то, которое нынѣ съ любовью и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвестили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимира. Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую Государственную систему Европы, и ревностно заимствуя Искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ Научами: призывая Художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ Военскаго Искусства, хо-

тѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пуши въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъяслять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ Исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества.

Карамзинъ.

ХІ. Очеркъ характера Петра Великаго.

Чего не исказили спрашки человѣческія? Нѣкоторые иностранные Писатели, а за ними и легковѣрные чиншатели, изображаютъ даже Петра Великаго въ превратномъ видѣ! Они не знаютъ Петра. Онъ представляетъ одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій въ нравственномъ мірѣ, которыя Природа создаетъ, какъ бы для показанія всего своего могущества, и въ доказательство, что она еще не истощилась временемъ. Въ самомъ дѣлѣ, щедрая во всемъ природа скупа только въ распредѣленіи нравственныхъ качествъ и великихъ характеровъ. Бросимъ философскій взглядъ на миліоны людей, которые возстаютъ цѣлыми поколѣніями изъ ничтожества, и снова переходятъ къ забвенію, подобно передѣпнымъ облакамъ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Какая-то грусть объемлетъ сердце: горестно помыслить, что сіи гордые рыцари суебы и тщеславія, блестящіе замѣстнованнымъ свѣтомъ чужой славы и своего счастья, сіи роскошные богачи, приводящіе въ движеніе тысячи людей звономъ мешала, сіи

красавицы, почитающія себя божествами посреди толпы поклонниковъ, однимъ словомъ, цѣлые ряды нашихъ современниковъ, находящихся на первомъ планѣ картины свѣтской жизни, погружаются въ вѣчное забвеніе наравнѣ съ бѣднымъ орашаемъ или поденщикомъ! За каждымъ поколѣніемъ, исчезнувшимъ съ лица земли, время проспираетъ завѣсу изъ чернаго тумана, и чѣмъ болѣе сіи поколѣнія отдаляются отъ насъ, тѣмъ мракъ становится непроницаемѣе. Все сокращается отъ умственныхъ нашихъ взоровъ, почести, могущество, богатство нашихъ предшественниковъ: только одни славные подвиги сіяютъ во мракѣ, какъ звѣзды на темномъ небосклонѣ. Сіи звѣзды освѣщаютъ Историка путь во храмъ Истины, гдѣ онъ собираетъ краски для начертанія вѣрныхъ изображеній. — Извѣстность провозглашаетъ имена людей необыкновенныхъ, общее мнѣніе опредѣляетъ истинное достоинство cadaго, попомство рѣшаетъ всѣ спорные и сомнительные предметы, наконецъ Слава вступаетъ въ свои права и представляетъ образцы въ урокъ человѣчеству.

Міръ исполненъ дѣлами Петра. Прославленная нынѣ Россія — есть его твореніе. Современники называли его Великимъ, попомство утвердило приговоръ, — и Слава озарила имя Петра сіяніемъ, которое угаснетъ развѣ вмѣстѣ съ солнцемъ.

Науки суть пища уму и душѣ; но безъ просвѣщенія общаго онѣ не пылаютъ, не согреваются человѣчества, а только тлѣютъ безъ пользы. Ученіе можетъ сдѣлать человѣка полезнымъ, достойнымъ уваженія и благодарности — но не великимъ. Величіе находится въ Природѣ: она, желая украсить человѣчество, зароняетъ въ душу избраннаго ею существа искру того небеснаго огня, который мы называемъ *геніемъ*. Эта искра вскорѣ воспламеняетъ весь

правственный составъ челоѣка, и порождаетъ въ немъ какое-то безпокойное желаніе стремиться къ высокой цѣли общаго блага, созидать, творить добро, разрушать зло, невольно увлекать людей на путь счастія и славы.

Но чтобы слѣдовать прямымъ путемъ къ великой цѣли общаго блага и не ослабляться метеорами лжемудрствованій, должно быть одарену оный природы умомъ проникательнымъ и основательнымъ. Въ противномъ случаѣ, вмѣсто добра, произойдетъ зло.

Петръ одаренъ былъ геніемъ и умомъ необыкновеннымъ: онъ созидать и вмѣстѣ учился. — Не получивъ никакого первоначальнаго воспитанія, онъ силою ума достигъ, быстро много, что соснавляло предметъ цѣлой жизни другихъ людей, и сравнявшись въ познаніи Наукъ съ просвѣщеннѣйшими Европейцами своего времени, превзошелъ всѣхъ своихъ подданныхъ и во всемъ сдѣлался самъ ихъ учителемъ. Гдѣ геній творитъ, а умъ исполняетъ, тамъ все идетъ быстро и успѣшно. Петръ желалъ лучами просвѣщенія разогнать мракъ невѣжества (въ которомъ гнѣздялся всѣ пороки), и дать Россіи вкусить сладкіе плоды образованности — и Россія просвѣтилась. — Онъ хотѣлъ продлить жизнь Россіи въ грядущіе вѣки, утвердить ея силу, дать новую жизнь разслабленному ея составу, и Россія предстала обновленною, въ цвѣтѣ юности, съ новымъ воинствомъ, флотами, въ новомъ гражданскомъ порядкѣ. Онъ хотѣлъ, для внутренняго ея спокойствія, показать извнѣ ея силу — и побѣдные звуки раздались въ землѣ вражеской, и цѣлыя области покорены по его мановенію. Превращая Азіатскую Державу въ Европейскую Монархію перваго разряда, Петръ долженствовалъ измѣнить весь прежній порядокъ вещей, и преобразовать всѣ сословія людей отъ особы самого Государя до послѣдняго подданныя

го; созданы новые законы, новыя судилища, новыя званія и должности; установленъ новый образъ жизни, и Пётръ вездѣ былъ основателемъ и первымъ исполнителемъ. Онъ все самъ видѣлъ, обо всемъ судилъ своимъ умомъ, и зналъ лично всѣхъ своихъ вѣрныхъ помощниковъ, отъ перваго вельможи до послѣдняго писмоводителя, отъ Генерала до солдата.

Правосудіе есть первая добродѣтель въ Государѣ: оно уподобляетъ его божеству безспасиному. Отъ правосудія Государя зависить все благоденствіе подданныхъ. Сильный или пронырливый спрашивается угнетать слабаго и проподушнаго, когда увѣренъ, что законъ, направляемый неизмѣнною волею Монарха, поразитъ виновнаго безъ различія званія и сословія. Каждый членъ общества твердъ и усерденъ въ обязанностяхъ своего званія, если знаетъ, что онъ найдетъ у прона надлежащую защиту отъ бурнаго порыва страстей чужихъ и препону своимъ собственнымъ. Подъ покровомъ правосудія, заслуги и дарованія не спрашиваются ядовитыхъ стрѣлъ клеветы и зависти. Спокойствіе и довѣренность водворяются въ сердцахъ: добродѣтель торжествуетъ, порокъ гибнетъ или скрывается во мракѣ.

Пётръ былъ правосуденъ въ высочайшей степени. Онъ починалъ другомъ того, кто представлялъ ему истину безъ покрова, наказывалъ легче какъ преступленіе, и презиралъ поспыдное равнодушіе въ дѣлахъ общественныхъ. Въ исполненіи законовъ Пётръ былъ выше природы человѣческой. Первый и послѣдній изъ его подданныхъ равно подвергался ихъ покровительству и сирогости. Соспрадая какъ отецъ, Пётръ, какъ Государь, подвергъ собственнаго сына суду. Спасительный урокъ для челоуѣчества и сверхъ-естественный примѣръ безпристрастія! Могли ли послѣ того подданные укло-

няться отъ истины, и лицепріятствовашъ вопреки закону? Одна мысль о правосудіи Государя заглушала всѣ спраси, и правда торжествовала въ судахъ.

Но безъ твердости духа не возможно исполнить великихъ предначертаній, преобразовать Государство, и быть правосуднымъ. Злоба неиспощима въ средствахъ для разрушенія преградъ своей дѣятельности. Успрашенная новизною неопытностію пребудетъ примѣра и подпоры на каждомъ шагу, отъ лица самого преобразователя. Великая душа Петрова не страшилась ни злобы, ни силы человѣческой. Петръ однимъ присутствіемъ своимъ обезоружилъ мятежниковъ, и своимъ примѣромъ научилъ побѣждать враговъ въ бояхъ кровопролитныхъ. Ничто не могло удержатъ его въ стремительномъ полетѣ къ высокой цѣли, благу Россіи, и встрѣчаемыя имъ препоны служили единственно къ возбужденію его дѣятельности и умноженію средствъ. Твердость духа Петра Великаго упрочила его великіе труды и сообщила имъ ту крѣпость, которая продолжитъ навѣки ихъ существованіе.

Любилъ ли Петръ Великій Россію? — Письмо его въ Сенатъ изъ подъ Прута, и рѣчь къ воинству подъ Полтавою служатъ на сіе отвѣтомъ. Онъ принесъ въ жертву Россіи *все*, что только драгоцѣнно для человѣка: жизнь, время, спокойствіе и счастіе собственнаго семейства!

Необыкновенные умы и сильные характеры всегда имѣютъ непримиримыхъ враговъ и пламенныхъ друзей. Враги Петра хотѣли пресѣчь священные дни героя. Друзья его съ радостію жертвовали для него собственною жизнію. Петръ, какъ всякій геній, по какому-то сочувствію, узнавалъ людей, и проникалъ въ сердца. Откровенность его, прямодушіе и довѣріе къ

добросовѣстности, во времена самыя смутныя, привлекали и привязывали къ нему всѣхъ умныхъ и великодушныхъ людей. — Онъ искалъ друзей и приверженцевъ не въ кругу однихъ своихъ царедворцевъ — но вездѣ, гдѣ только видѣлъ умъ, усердіе и доброе сердце, — гдѣ были въ состояніи понять его и оцѣнить по достоинству. Петръ зналъ всѣ сословія своего народа, общался съ нимъ лично, и потому имѣлъ обширное поприще для избранія вѣрныхъ сподвижниковъ и друзей — а предъ лицомъ Самодержавнаго Монарха, какъ предъ Богомъ, всѣ подданные равны. Онъ него зависить озарить свѣтомъ своего величія заслугу и достоинство, и презрѣнь ложный блескъ свѣтскихъ приличій.

Умалчиваемъ о гражданскихъ и воинскихъ доблестяхъ, украшавшихъ Преобразователя Россіи: онъ суть слѣдствія его ума и характера. Какъ Государь, Петръ соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для блага подданныхъ: онъ былъ одаренъ изобрѣтательнымъ, основательнымъ и быстрымъ умомъ, твердостью духа. Онъ былъ правосуденъ, обладалъ искусствомъ познавать людей, и умѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству, любилъ и зналъ Россію — выше всего поставлялъ истину — и потому приобрѣлъ имя Великаго. Россіяне должны по справедливости гордиться, что онъ былъ ихъ Царемъ и соотечественникомъ.

Булгаринъ.

XII. О характеръ Ломоносова.

По слогу можно узнатьъ человека, сказалъ Бюфонъ: характеръ Писателя весь въ его твореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. — Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова, мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проникательный умъ, характеръ необыкновенно предпримчивый и сильный. Но любимицу Словесности, скажу болѣе, наблюдателю-Философу пріятно было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человека; познакомиться съ нимъ, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самыя пороки, неразлучные спутники человека. „Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеобщаго порядка, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ холоднымъ“, говорилъ о Ломоносовѣ Писатель, котораго имя равно любезно Музамъ и добродѣтели. Сія истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображеніе и сердце часто увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. — Конечно не одна страсть къ ученію, которая не могла еще вполне овладѣть душою опрока, воспитаннаго среди болотъ Холмогорскихъ, не одна сія страсть, столь благородная и безкорыстная, принудила его оставить родину. Семейственные огорченія и нѣкоторое тайное безпокойство души — были къ тому важнымъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе тусклое желаніе чего-то новаго и лучшаго, сія предпримчивость, удивительная въ столь южномъ возрастѣ, не означали ли великой души, и чего-то необыкновеннаго?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутолимая жажда познаній, поспопыхство въ преодолѣніи

преградъ, поставленныхъ рокомъ, дерзоснѣ въ предпріятіяхъ, увѣчанная сіяющимъ успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены были съ сильными страстями, съ пламеннымъ сердцемъ; или, лучше сказать, происекали изъ оныхъ, и поному должно ли удивляться, что Ломоносовъ въ молодости своей пожертвовалъ всеми выгодами любви? Въ Марбургѣ онъ женился тайно на дочери бѣднаго ремесленника, и въ скоромъ времени обстоятельство принудило его разлучиться съ супругою. Музы любящъ провождаютъ любимцевъ своихъ по тернистой тропѣ несчастія въ храмъ славы и успѣховъ. Бѣдствія не всегда убиваютъ талантъ: напрошивъ того, они пробуждаютъ въ душѣ множество прекрасныхъ свойствъ, и знакомятъ ее съ собственными силами. Ломоносовъ, гонимый судьбою, скипался по Германіи, переходилъ изъ земли въ землю, безъ признанія, часто безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со всеми нуждами и горестями, и никогда нигдѣ не преспунилъ законовъ чести, никогда не забывалъ оснавленной супруги. Съ какою чувствительностію, (возвратясь въ Петербургъ) прочиталъ онъ письмо ея, и воскликнулъ предъ посланнымъ онъ Г. Беснужева: „Боже мой! могу ли ее оснавить!“ — Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣнь наблюдателю человѣчества соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ Поэтомъ, конечно пропивъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю, Ломоносовъ, сидя на палубѣ при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и безпрерывное колебаніе корабля напоминали ему первыя лѣта юности, проведенныя среди неослабной снѣжины: они напоминали приморскую его родину и все,

что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ Ледовитаго моря, кораблекрушеніе и холодный трупъ отца его, выброшенный на томъ самый островъ, куда Ломоносовъ въ молодости своей приснавалъ съ нимъ для совершенія рыбной ловли. Онъ въ ужасѣ проснулся. Напрасно призываетъ на помощь разсудокъ свой, напрасно желаетъ разсѣять мрачныя слѣды сновидѣнія: мечта остается въ глубинѣ сердца, и ничто не въ силахъ изгладить ее. Снова засыпаетъ и снова видитъ шумное море, необитаемый островъ и блѣдный трупъ родителя. Такъ! мы не рѣдко увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе влгаетъ въ насъ какія-то тайныя мысли, какое-то неизъяснимое предчувствіе будущихъ злополучій, и событіе часто подтверждаетъ предсказаніе таинственнаго сна — къ удивленію, къ смиренію слабаго и гордаго разсудка. Ломоносовъ это испыталъ въ жизни своей. Отецъ его погибъ въ волнахъ, и тѣло его найдено рыбаками на томъ необитаемомъ островѣ, который назначилъ имъ печальный сынъ, по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По крапкой Біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы итѣе знакомимся съ Поэтомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношество необыкновеннаго человека любопытно, каждое общешельство, каждая подробность драгоцѣнны. Конечно Ломоносовъ, въ откровенной бесѣдѣ ближнихъ и друзей, любилъ рассказывать имъ первыя свои печали и наслажденія: съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на крилось священныя пѣсни, и пожиралъ духовныя книги! Съ какимъ усиліемъ онъ промыслилъ Славянскую Грамматику и Арифметику: *врата учености своей!* Какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ! Какъ трепе-

тало отъ радости, вступая въ обширную Москву! . . . Къ сожалѣнію, немного подробностей дошло до насъ, и почти всѣ исчезли съ холодными слушателями. Одинъ великія души чувствующій всю важность дружескихъ повѣреній знаменитаго человѣка, ихъ современника. Ломоносовъ — нѣтъ сомнѣній — казался обыкновеннымъ человѣкомъ въ кругу пріятелей своихъ, людей весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тредіаковскій съ *братією* быть цѣнителемъ величайшаго ума своего времени, цѣнителемъ Ломоносова!

Но къ счастью нашему, Россія имѣла въ молодомъ вельможѣ покровителя дарованій. Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, который писалъ остроумные стихи на Французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностію, веселостію и учтивостію, достойною времени Лудовика XIV: но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоцѣнно Музамъ отечественнымъ. Онъ былъ все для нашего Лирика: дѣятельный и просвѣщенный покровитель, попечительный другъ, часно снисходительный, и всегда поспѣшный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ бы предпринять сихъ великихъ трудовъ, пребывающихъ издержекъ и безпрестанныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ Ученый, какъ Спихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже постоянствомъ въ любви ко славѣ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго человѣка: счастливый Поэтъ нашелъ въ вельможѣ истинный патріотизмъ, обширныя свѣдѣнія, вкусъ образованный и, что всего лучше — благородную, дѣятельную душу! Однимъ словомъ: (рѣдкое явленіе!) вельможа и Поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ Словесно-

сти Русской: въ нихъ видѣнь и Стихотворецъ и покровитель его. Они заключають въ себѣ множеству любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и наконецъ извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана, достойнаго товарища Ломоносова. Рихманъ умеръ *прекрасною смертію*, (*) и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, спрашась, чинобы сей случай *не былъ перетолкованъ противу Наукъ*, вѣчно ему любимыхъ! Часто въ письмахъ своихъ онъ жалуется на Тредіаковскаго и Сумарокова. Если сіи спроки доказываютъ печальную истину: что дарованія, во все время даже при самой колыбели Словесности, имѣють враговъ и завистниковъ, то онъ же, къ радости нашей, открываютъ прекрасную душу великаго Писателя: „Никакого не желаю мщенія, говоритъ онъ, но способую продолжить труды мои для пользы отечества. Мои Золы хвалятъ меня своею хвалою, называя мои изображенія надупыми: нападая на меня, они нападаютъ на Древнихъ“ . . . До послѣдней минуты жизни своей Ломоносовъ не измѣнилъ себѣ, и прелестная мысль о славѣ его не покидала. На одрѣ мучений и смерти Рафаэль болѣзновалъ о недоконченныхъ картинахъ: нашъ свѣрхный гений о недовершенныхъ трудахъ своихъ. „Я умираю,“ говорилъ онъ Штелину, „я умираю, пріятель! На смерть взираю равнодушно: сожалею о томъ, чего не успѣлъ совершить для пользы Наукъ, для славы отечества и Академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною. . .“

Тѣнь великаго Стихотворца ушѣшилась. Труды его не потеряны. Имя его бессмертно.

Батюшковъ.

(*) См. выше, стр. 63.

XIII. ДЕРЖАВИНЪ.

Угасло одно изъ свѣтилъ Поэзіи нашей, лучезарнѣйшее свѣтило ея! Державина пѣишь! Смерть похитила въ немъ у Музъ почтеннаго ихъ Неспора, у отеческаго мужа знаменитаго, прешедшаго со славою и пользою поприще долгой жизни, — у ближнихъ и друзей добродушнаго старца, украшеннаго семейственными добродѣтелями. Иускай другіе слѣдуютъ за нимъ на пути гражданской службы, застаютъ его проспымъ рядовымъ на часахъ въ день восшествія на престолъ Екатерины II, и попомъ съ удивленіемъ увидятъ его любимцемъ, Стансъ-Секретаремъ и Пѣвцомъ Екатерины Великой: мы кинемъ взглядъ на его поприще литературное.

Утрапою великихъ людей, сею горесинною цѣною, покупается прискорбное право говорить о нихъ свободно. Съ одной стороны недоброжелательство не упрекнетъ Криника леснію; съ другой страхъ оскорбить раздражительное самолюбіе не увлечетъ его за границу надлежащихъ похвалъ.

Державинъ, какъ другой Ломоносовъ, создалъ самъ себя. Судьба не уравнила путей, по которому онъ долженъ былъ достигнуть до первыхъ степеней государственнаго чловѣка и вершины славы нѣнической. — Первые порывы нѣническаго таланта означеновались въ гвардейскомъ сержантѣ. Послѣ того Оды, написанныя при горѣ Чешалага и напечатанныя въ 1777 году, изъ которыхъ многія переправленныя явились послѣ въ свѣтъ подъ другими названіями, показали малому тогда числу любителей Поэзіи достойнаго наследника лиры Ломоносова, а пророчивому взгляду просвѣщенныхъ судей — и будущаго побѣдителя сего творца и образователя Русской Поэзіи.

Свѣтильникъ Наукъ въ первые годы его молодости не озарялъ передъ нимъ міра, въ которомъ тогда единственнымъ вождемъ и истолкователемъ его таинствъ былъ ему вдохновенный геній его, душа пылкая и умъ прозорливый и наблюдательный. Первыми его учителями въ Спиритворствѣ были, кажется Ломоносовъ и Пепировъ. У перваго онъ научился звучности языка поэтическаго и живописи Поэзіи; у другаго почерпнулъ онъ тайну заключать живую, или глубокую мысль въ живомъ и рѣзкомъ стихѣ — тайну совершенно неизвѣстную Ломоносову.

Въ скоромъ времени Державинъ сравнился съ наславниками, и конечно превзошелъ Пепирова. Недолго однако же слѣдовалъ онъ по дорогѣ, проложенной его предшественниками. Своеправный геній его, испытавшій богатство и свойство языка почти новаго, пробилъ себѣ путь особенный, на которомъ не было ему вожатаго, и не будетъ достойнаго послѣдователя. Безъ сомнѣнія, если многія изъ Одъ Державина могутъ раздѣлиться на опредѣленные роды: Пиндарическій, Гораціанскій, Анакреоническій, то многія по всей справедливости должны назваться *Державинскими*. И строгій законодатель вкуса и правилъ не усомнится прибавить новую статью къ своей Пинтикѣ. Какая Словесность древнихъ или новѣйшихъ народовъ, могла служить ему образцемъ для Одъ: *Фелица, Изображеніе Фелицы, Видѣніе Мурзы, Осень во время осады Огакова, Счастіе, На походы въ Персію, Вельможа* и пр.? Не говорю уже объ Одѣ на смерть *Меццерскаго* или къ первому состязанію, гдѣ конечно нашъ Поэтъ, слѣдуя Горацію, одѣлъ глубокія истины и Философію прелестью Поэзіи, но кисть и краски занялъ онъ не у Римскаго Поэта. Не говорю уже о *Водопадѣ*, гдѣ все дышитъ дикою и ужасною красо-

тою, гдѣ Поэзія побѣдила Живопись, но гдѣ, къ сожалѣнію, не видно единства въ расположеніи и примѣтно, что Поэтъ (какъ точно, говорятъ, и было) составилъ свою Поэму въ разные времена и изъ разныхъ частей. Піесы вышеназванныя и нѣкоторыя другія можно назвать рудниками Поэзіи, сокровищемъ опаснымъ, до котораго на свою гибель допронется рука легкомысленнаго послѣдователя. Изъ всѣхъ Поэтовъ, извѣстныхъ въ ученomъ мѣрѣ, можетъ быть, Державинъ болѣе всѣхъ отличился оригинальностью, и потому родъ его долженъ остаться неприкосновеннымъ. Природа образовала его геній въ особенномъ сосудѣ — и бросила сосудъ. Державину подражать не можно, то есть Державину въ красотахъ его. Подражатели его заимствуютъ одни пороки, но ни одной красоты, ни одной мысли, ни одного счастливаго выраженія изъ могущественной и упрямой руки генія не исторгнутъ. Но если Державинъ, какъ создатель рода, до него неизвѣстнаго, сорвалъ вѣчнозеленую пальму Поэзіи, то и по творческимъ подражаніямъ онъ можетъ занять мѣсто на ряду съ величайшими Поэтами. Сомнѣваюсь, чтобъ Анакреонъ превзошелъ нашего Пѣвца въ прелести и простотѣ стихотвореній, освященныхъ его именемъ; развѣ, можетъ быть, по достоинству слога, о которомъ одни современники его могли судить безошибочно, но конечно не по прелести живописи, запѣливой игривости и свѣжести воображенія. Я забываю Анакреона, читая *Хариты*, *Русскую пляску*; вижу передъ собою Державина, сего единственнаго Пѣвца, творящаго среди печальныхъ снѣговъ Сѣвера огненные розы Поэзіи, — розы, соперницы цвѣтовъ, нѣкогда благоухавшихъ подъ счастливымъ небомъ Аштики. Въ самомъ подражаніи его нѣтъ ничего рабскаго, заимственнаго. Читая Державина и Анакреона, вы скажете

конечно: ихъ души были сродны. Державинъ при Дворѣ роскошнаго Импарха говорилъ бы языкомъ мудреца Феоскаго; если бѣ Анакреонъ родился на берегахъ Невы, то употребилъ бы всѣ краски Державина для составленія сихъ малыхъ, но безцѣнныхъ картинъ, дышащихъ безпечно-стію и нѣгою. Горацій, перенесенный судьбою изъ влажнаго Тибура или отъ роскошныхъ водъ Баи, Горацій, желая поразить мыслию о смерти кипящее радостію и всегда легковѣрное въ счастіи сердце, не сказалъ ли бы какъ нашъ Поэтъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались блики,
Надгробные тамъ воюшъ лики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядишь.....

И счастливецъ содрогнулся бы при сихъ словахъ, подобно какъ отъ тѣхъ стиховъ, въ которыхъ Горацій напоминаетъ роскошному Римлянину, что изъ всѣхъ распеній, украшающихъ его садъ, послѣдуетъ за нимъ одинъ печальный кипарисъ въ печальную обитель тѣней.

Въ теченіе трехъ царствованій раздавались пѣсни Державина. Но блестящій вѣкъ Екатерины, сей піитическій вѣкъ славы Россіи (котораго Державинъ, казалось, былъ посреди насъ живымъ и краснорѣчивымъ памятникомъ) былъ лучшею эпохою и его славы. Онъ засталъ его въ полномъ цвѣтѣ мужества и силы. Настоящіе дни, обильные грозными бурями и величайшими подвигами народнаго мужества, были свидѣтелями закаша его генія, удрученнаго лѣтами. Но подвиги сыновъ Суворова часто пробуждали отъ сна его Пѣснопѣвца, и извлекали изъ лиры, уже охладѣвшей, звуки, достойные минувшихъ дней. Двѣ или три изъ пѣснь, написанныхъ Державинымъ въ послѣдніе три года, можно называть прощальною пѣснію умирающаго лебедя.

Часто Державинъ, увлеченный своеправіемъ смѣлаго гения, посреди лирическихъ восторговъ пламенѣлъ негодованіемъ Ювенала, и струны Пиндарической лиры метали укоризны въ порокъ, пробуждая трепетомъ раскаянія преступное упоеніе развратныхъ любимцевъ счастія. Нѣкоторыя изъ Одъ его, какъ напр. *Вельможа*, могутъ по справедливости назваться лирическими Сатпирами.

Первый томъ его стихотвореній, кромѣ пинтического достоинства, имѣетъ для насъ и другую привлекательную сторону. Онъ одинъ живописуетъ глазамъ нашимъ картину Двора Великой Монархини, родитъ въ сердцахъ нашихъ драгоцѣнныя воспоминанія, и сохраняетъ для внуковъ нѣкоторыя черты лицъ, игравшихъ значительныя роли въ семъ періодѣ, столь обильномъ чудесными происшествіями. По этой причинѣ встрѣчающіяся въ Державинѣ мѣста темныя, сомнительныя для насъ, еще не столь отдаленныхъ отъ времени, въ которомъ они писаны, и къ которымъ потомство совершенно потеряетъ ключъ. Державинъ написалъ поясненія на два первые тома; они хранятся въ рукахъ мужа почтеннаго, знающаго имъ цѣну. Можно надѣяться, что сей ревнитель Русской Словесности, которая обязана ему многими полезными трудами, со временемъ употребитъ съ пользою драгоцѣнность, ввѣренную ему Державинымъ.

Иные сравнивали Державина съ Ломоносовымъ, но что между ими общаго? Одно: томъ и другой писалъ Оды. Родъ, избранный ими, иногда одинаковъ, но духъ Поэзіи ихъ различенъ. Ломоносовъ въ стихахъ своихъ болѣе Ораторъ, Державинъ всегда и вездѣ Поэтъ. И томъ и другой бывають иногда на равной высотѣ; но первый восходитъ постепенно и съ примѣннымъ трудомъ, другой быстро и непримѣнно на нее взлетаетъ. Ломоносовъ въ хорошихъ спро-

фахъ своихъ плыветъ величавымъ лебедемъ; Державинъ паритъ смѣлымъ орломъ. Одинъ плыветъ насъ стройностію и мириною движеній; другой поражаетъ насъ неожиданными порывами: по возносился къ солнцу и устремляется на него зоркій и постоянный взглядъ, то огромными и распущенными крылами разсѣкаетъ облако, и скрываясь въ немъ, какъ бы съ умысломъ, является изумленнымъ нашимъ глазамъ въ новой и возрожденной красотѣ. Ломоносова чинашель неподвиженъ; Державинъ увлекаетъ, уноситъ его всегда за собою. Державинъ Пѣвецъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; Ломоносовъ Пѣвецъ Россійскаго Двора. Гораций не дожидъ бы до нашего времени, если бы изъ его твореній сохранились одиѣ похвалы Августу. Моженъ бытъ, тогда и вовсе не чинали бы его, или чинали бы въ Лашинскихъ классахъ Университетовъ и Училищъ, и кругъ славы величайшаго изъ Поэтовъ - Философовъ былъ бы весьма ограниченъ. Пинтическій геній Державина возлагаетъ данн на всю Природу — и вся Природа ему покорна. Геній Ломоносова довольствовался нѣкоторыми данями, и мы негодуемъ на его умеренность. Вся Природа говоритъ сердцу и воображенію Творца Водопада пинтическимъ и таинственнымъ языкомъ, и мы слышимъ отголоски сего языка. Ломоносовъ былъ, кажется, невнимателенъ къ ея вдохновеніямъ. Державинъ смотрѣлъ на Природу быстрымъ и свѣтлозарнымъ взоромъ Поэта - Живописца; Ломоносовъ медленнымъ взглядомъ наблюдателя. Пинтическая Природа Державина есть Природа живая, то въ ней пламень, то же краски, то же движеніе. Въ Ломоносовѣ видны слѣды труда и тщательная отдѣлка холоднаго искусства. Однимъ словомъ, все что человѣчество имѣетъ священнѣйшаго, что человѣкъ имѣетъ благороднѣйшаго — доблесть сердечная, состраданіе,

праведное негодованіе и презрѣніе къ пороку, глубокія мысли о безсмертіи и Создатель, печальныя чувства при видѣ слабости и сирадинѣй человѣчества, сердечныя воспоминанія юности, родины, великихъ дѣланій предковъ и современниковъ, всѣ сокровища души, ума и сердца обогатили воображеніе величайшаго изъ Поэтовъ — Державина.

Будемъ справедливы, и признаемся, что достоинство его, какъ Поэта, многимъ превышаетъ достоинство его предшественника, но что не менѣе того труды и подвиги Ломоносова — труды и подвиги истинскіе. Если Державинъ обязанъ Природѣ своимъ гениемъ, мы обязаны Ломоносову тѣмъ, что геній Державина, не имѣя нужды боронься съ подлежащими трудностями языка, могъ явиться на поприщѣ его достойномъ. Будемъ дивиться красотѣ изваянія Петра Великаго, искусству Художника; но будемъ благоговѣть и предъ трудами, побѣдившими самую Природу, и вызвавшими изъ нѣдръ земли огромное подножіе, служащее статуѣ достойною подпорою и украшеніемъ.

Желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусомъ и безпристрастіемъ, собрала избранныя творенія Державина. Съ сею книжкою могли бы мы смѣло предстать предъ славнѣйшими Лириками всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, не опасаясь побѣдителя.

Образъ Державина, сей образъ, озаренный пламенникомъ генія, сохраненъ намъ знаменитымъ Живописцемъ Тончи. Живописецъ-Поэтъ изловилъ, и, если смѣю сказать, приковалъ къ холсту божественныя искры вдохновенія, сіяющія на піиическомъ лицѣ сѣвернаго Барда. Геній Живописца прозорливымъ вдохновеннымъ взглядомъ постигъ печать генія Поэзии, темную для слѣпой толпы. Картина, изображающая Державина въ царствѣ Зимы, останется

навсегда драгоценнымъ памятникомъ, какъ для Искусства, такъ и для ближнихъ, оплакивающихъ великаго и добродушнаго спарца. Молодой Поэтъ, постигшій пламенною душою красоты знаменишаго Лирика, будетъ хранить образъ его въ уединенномъ своемъ святилищѣ. Сей безмолвный памятникъ, краснорѣчивыми воспоминаніями повѣдаетъ ему славу Державина, и будетъ завѣщать ему блестящій его примѣръ. Юный питомецъ Музъ не будетъ подражать ему въ слогъ: но подобно ему, питая душу однимъ изящнымъ, однимъ нѣмъ, что достойно Музъ, усиленно раждающійся талантъ и дастъ ему новыя крылья.

Разборчивая и строгая Критика изречетъ со временемъ рѣшительный приговоръ достоинству Державина, и въ горнилахъ своемъ очистишь золото отъ чуждой примѣси. Но мы, еще живо пораженные утратою великаго мужа, въ первыя минуны горести, осыплемъ цвѣтами признательности свѣжую могилу Пѣснопѣвца, котораго память не остынетъ въ сердцахъ ближнихъ его, а мѣсто, можетъ быть, еще на долгое время оспаривается празднымъ на нашемъ Парнассѣ!

Князь Вяземскій.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Историческія сочиненія.

§ 141. *Исторія* есть повѣствованіе объ истинныхъ явленіяхъ и дѣлахъ физическаго и нравственнаго міра; и раздѣляется на Исторію Природы, или Естественную, и Исторію рода человѣческаго или человѣка въ особенностяхи.

§ 142. *Природа* сокрыта въ главныхъ частяхъ и дѣйствіяхъ своихъ отъ взоровъ человѣка, и предлагаетъ ему загадки, которыхъ онъ никогда рѣшить не можетъ. Причина и происхожденіе большей части явленій ея, и самыхъ обыкновенныхъ, намъ неизвѣстна; мы стараемся совокуплять различныя отдѣльныя наблюденія, и въ разсужденіи ихъ вины и начала должны довольствоваться неосновательными предположеніями. По сей причинѣ дѣйствія и произведенія Природы могутъ быть изображаемы только, поколику они представляются взорамъ нашимъ въ пространствѣ, и изображенія сіи относятся къ описаніямъ (см. главу третію, § 132).

§ 143. *Нравственный міръ* также представляетъ человѣку многія загадки, но ходъ его и дѣйствія не такъ скрыты, какъ шествіе Природы: человѣкъ самъ составляетъ часть сего міра, самъ участвуетъ въ его дѣйствіяхъ, и поному можетъ составить о немъ полное и ясное понятіе; онъ видитъ успѣхи сего нравственнаго міра, видитъ, какъ всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину, какъ свобода человѣче-

ская творить и разрушаетъ — виднѣ въ немъ не одно существованіе, но и рожденіе, возрастаніе, паденіе, въ пространствѣ и времени. Здѣсь открывается уму человѣческому обширное поле — поле *Исторіи*, подъ именемъ коей обыкновенно и преимущественно разумѣютъ Исторію челоѣка.

§ 144. Явленія или дѣла нравственнаго міра могутъ быть изображаемы въ различномъ видѣ: въ простомъ послѣдованіи — *лѣтопись*, съ показаніемъ причинъ и слѣдствій — *Исторія прагматическая*, или для рѣшенія великой задачи о ходѣ усовершенія рода челоѣческаго — *Исторія философическая*.

§ 145. Характеръ слога историческаго долженъ быть вообще ясенъ, кратокъ, простъ и сообразенъ съ предметомъ (§ 95), и поному главные свойства Историческихъ сочиненій суть: правильность языка, ясность, краткость, занимательность и благородство.

I. *Лѣтописи.*

§ 146. Въ *лѣтописяхъ* описываются дѣла и происшествія по порядку времени, въ которое они случились. Главное дѣло состоятъ при томъ въ *вѣрности*, и поному слогъ простой, опредѣленный, сухой всего приличнѣе сочиненіямъ сего рода. — Сообщеніе достопамятныхъ дѣлъ, особенно посредствомъ очевидцевъ, весьма для Исторіи важно, но описаніе сихъ дѣлъ по годамъ и днямъ еще не составляетъ Исторіи, а только служитъ для ней матеріалами. Исторія,

въ шочномъ смыслѣ, начинаеися по надлежащемъ обработаніи сихъ матеріаловъ.

Примѣчаніе. Русская Исторія имѣетъ много лѣтописей древнихъ и среднихъ временъ, начиная съ Несторовой. Исчисленіе оныхъ и образцы ихъ слога предсшавлены въ *Исторіи Словесности Россійской*.

II. Прагматическая Исторія.

§ 147. Въ прагматической, или собственной *Исторіи* явленія и дѣла нравственнаго міра предсшавляются по правиламъ Науки, въ видѣ стройнаго цѣлаго, въ коемъ причины и дѣйствія изображены въ тѣсной и ясной между собою связи. Сочиненію подобной Исторіи предшесшвуетъ *Критика историческая*, т. е. разсмотрѣніе, испытаніе, выборъ, поясненіе и употребленіе источниковъ Исторіи (§ 10). По сей причинѣ, сверхъ качествъ общихъ всякому Писателю, Историкъ долженъ имѣть основательныя познанія въ разныхъ языкахъ, во вспомога-тельныхъ для Исторіи Наукахъ, (Мнеологіи, Археологіи, Географіи, Статистикѣ и проч.), въ Философіи и Политикѣ; долженъ знать свѣтъ и людей, имѣть опытность, духъ наблюденія, проицательность, а болѣе всего дорожить истиною и безпристрастіемъ, и любя отечество свое, питать въ душѣ уваженіе къ обычаямъ и мнѣніямъ всѣхъ странъ и вѣковъ. По сей причинѣ изъ всѣхъ прозаическихъ сочиненій Историческія суть труднѣйшія, и хорошіе Историки весьма рѣдки. — Соединеніе всѣхъ

правила, которыми долженъ руководствоваться Историкъ, называется *Искусствомъ историческимъ*.

§ 148. Въ прагматической Исторіи дѣло идетъ не только о разсказѣ отдѣльныхъ явленій или происшествій, но и о томъ, почему и какимъ образомъ случились сіи явленія и происшествія. Сія Исторія должна ясно показати намъ внутреннюю связь описываемыхъ ею событій; но такъ какъ свойства и успѣхи событий сихъ тѣсно соединены съ мѣстными обстоятельствами и съ временемъ, и преимущественно зависятъ отъ лицъ, участвовавшихъ въ оныхъ случайно или съ намѣреніемъ, то и надлежитъ снабжати сію Исторію описаніемъ мѣстъ, изображеніемъ времени и характеровъ, и извлекати изъ оной поучительныя истины, которыя должны происекати изъ самыхъ происшествій и характеровъ, а нишюдь не отъ произвола Автора.

§ 149. Главнѣйшія свойства Историческихъ сочиненій, выше исчисленныя, преимущественно должно наблюдать въ Исторіи прагматической: *ясность* и *пребуеніе*, чѣмъ всѣ обстоятельства происшествія были представлены въ надлежащемъ свѣтѣ, чѣмъ они раскрывались въ естественномъ порядкѣ и въ свое время, чѣмъ въ изображеніи ихъ соблюдаемы были *порядокъ* и *полнота*. *Краткость* содержанія предполагаетъ благоразумный выборъ обстоятельствъ и происшествій, и слѣдованіе за главною нитью повѣствованія, отъ чего рождается единство. Отъ

крапкости въ выраженіяхъ, отмечающей все бесполезное и излишнее, происходятъ *живость* и *выразительность*; впрочемъ, какъ уже и прежде замѣчено, неумѣренное стараніе придавъ слогу своему крапкость можешь сдѣлать его темнымъ. — *Занимательность* и *сила* происходятъ, во-первыхъ, отъ важности изображаемаго происшествія, во-вторыхъ зависятъ отъ искусства Автора изображать предметы и случаи живо, сильно и привлекательно, переноситъ читателя на мѣсто самаго дѣйствія, и въ тѣ времена, когда оно совершилось, и производитъ въ его душѣ сильное и постоянное впечатлѣніе.

§ 150. Слогъ Исторіи прагматической долженъ быть правиленъ, ясенъ, кратокъ, простъ и благороденъ. Онъ равно удаляется какъ отъ порывовъ ораторскихъ, такъ и отъ простоты и сухости слога низкаго. Происшествія, которыми важнѣе и занимательнѣе прочихъ, описываются и языкомъ сильнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ. Впрочемъ главнѣйшія качества сего слога произтекаютъ отъ вышеизложенныхъ общихъ правилъ Историческихъ сочиненій.

§ 151. Исторія прагматическая раздѣляется на многія отрасли, по предметамъ, которые въ ней изображаются. Главнѣйшія изъ нихъ суть: 1) *Жизнеописаніе*, или *Біографія*. 2) *Исторія Государствъ* или *народовъ*, т. е. Политическая или Гражданская. 3) *Исторія Священная* и *Церковная*. 4) *Исторія Просвѣщенія* вообще или отраслей онаго въ особенностяхи, и 5) *Исторія Всемірная*.

І. ЖИЗНЕОПИСАНІЕ. БІОГРАФІЯ.

§ 152. *Жизнеописание*, или *Біографія*, есть повѣствованіе о жизни и судьбѣ одного человека, написанное имъ самимъ или другими.

§ 153. Предметами Біографіи должны быть люди отличныхъ талантовъ, ума, образованія или прославившіеся странными и необыкновенными случаями и происшествіями въ жизни. Въ описаніяхъ *собственной* своей жизни преимущественно обращаютъ вниманіе на раскрытіе и образованіе душевныхъ способностей и качествъ: въ этомъ отношеніи жизнь всякаго человека любопытна и занимательна.

§ 154. Во всякомъ случаѣ Біографъ долженъ представить ясную и живую картину жизни и характера своего героя: изобразить постепенный ходъ его образованія во всѣхъ отношеніяхъ, описать вліяніе другихъ людей и обстоятельствъ на жизнь его, и обратно дѣйствіе его ума и дѣланій на происшествія семейства, общества и свѣта. Простое исчисленіе обстоятельствъ и случаевъ его жизни не составляетъ еще Біографіи.

§ 155. Біографъ не обязанъ изображать всѣ дѣла и случаи въ жизни своего героя безъ исключенія: онъ долженъ избирать изъ оныхъ только то, что имѣло какое либо послѣдствіе или достойно особеннаго любопытства. И сіи обстоятельства надлежитъ представлять постепенно: самыя важныя во всей полнотѣ, успѣвающія имъ въ важности короче, а маловаж-

ныхъ , но необходимыхъ , коснуться слегка. Истина и безпристрастіе должны водить перомъ его. Біографія не есть Похвальное Слово: недостатки, ошибки и самые пороки изображаемаго ею человека, должны быть въ ней непременно исчислены, но такъ, чтобъ усугубляли сходство изображенія, отнюдь не вредя общему впечатлѣнію.

§ 156. Біографія должна составлять сочиненіе отдѣльное, простое, цѣлое. Слогъ ея долженъ быть чистъ, благороденъ, обработанъ, но отнюдь не высокопаренъ, и вообще сообразенъ съ правилами слога собственной Исторіи (§ 145). Описывая собственную свою жизнь, Авторъ можетъ употреблять слогъ простой и даже шутливый.

§ 157. Хорошія Біографіи весьма рѣдки. Въ Русской Литературѣ съ трудомъ найдемъ достойныя сочиненія въ семь родѣ. Знаменитѣйшія лица нашей Исторіи, Петръ, Екатерина, Суворовъ, Ломоносовъ, ждуть еще своихъ Историковъ. Фонъ-Визинъ и Подшиваловъ начали было писать Исторію собственной своей жизни, но не успѣли ихъ кончить.

2. Исторія Политическая и Гражданская.

§ 158. Въ Политической, или Гражданской Исторіи повѣснваются происшествія Государствъ и народовъ или другихъ гражданскихъ обществъ съ начала до конца ихъ, или въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ періодахъ. Главная цѣль ея состоятъ въ изображеніи образа пра-

вленія и гражданскаго благоустройства сихъ обществъ, въ показаніи хода и образованія оныхъ, причинъ и оснований ихъ процвѣтанія или паденія, ихъ сношеній съ другими; въ описаніи жизни и дѣяній знаменитѣйшихъ Правителей и членовъ сихъ обществъ, и наконецъ въ надлежащемъ раздѣленіи происшествій на періоды, по главнѣйшимъ изъ оныхъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на цѣлое, и способствующимъ легчайшему обозрѣнію онаго.

§ 159. Слогъ Исторіи Политической есть тотъ самый, который требуется для Исторіи вообще (§§ 149 и 150).

§ 160. На Русскомъ языкѣ имѣемъ мы въ семь родъ образцовое твореніе — *Исторію Государства Россійскаго Н. М. Карамзина*. Ломоносовъ первый писалъ хорошимъ Историческимъ слогомъ. Изъ прежнихъ Историковъ Россіи, въ разсужденіи сбора матеріаловъ и Критики, должно упомянуть съ благодарностію о *Татищевѣ* и *Болтинѣ* м. (см. *Исторію Р. Словесности*, гдѣ сказано и о тѣхъ, которые писали Русскую Исторію на чужихъ языкахъ). Изъ новѣйшихъ Преосвященный *Евгеній*, *Графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ*, *Каменевскій*, *А. О. Малиновскій*, *С. Н. Глинка* достойны особеннаго уваженія.

3. Исторія Священная и Церковная.

§ 161. *Исторія Религій* вообще повѣствуетъ о происхожденіи и образованіи понятій о Религійи и богослуженіи въ какомъ либо

вѣкъ или народъ, съ показаніемъ всѣхъ вѣшнихъ и внутреннихъ причинъ и слѣдствій сихъ событій, съ изображеніемъ характера особъ, имѣвшихъ на сіи событія важное вліяніе, и съ разсмотрѣніемъ ихъ происшествій Гражданской Исторіи, кои были въ связи съ дѣлами Религій.

§ 162. Исторія, въ коей описываются начало, успѣхи и происшествія Религій Христіанской, называется Церковною, и раздѣляется на *Церковно-Библейскую*, заимствующую свѣдѣнія свои изъ Священнаго Писанія, и собственно *Церковную*, описывающую событія церкви Христовой изъ другихъ источниковъ.

§ 163. Слогъ *Исторіи Религій* вообще во всемъ сходенъ со слогомъ Исторіи Гражданской. Слогъ Исторіи Религій Христіанской долженъ быть возвышеніе, благородіе, важіе.

§ 164. Русская Словесность имѣетъ отличныхъ Историковъ Церкви: *Платона*, *Филарета*, *Амвросія*, коихъ труды могутъ служить образцами въ семъ родѣ.

4. Исторія Просвѣщенія.

§ 165. *Исторія Просвѣщенія и образованія* рода человѣческаго вообще извлекаетъ свѣдѣнія свои изъ предъидущихъ отраслей Исторіи, и изображаетъ успѣхи народовъ въ нравственности, Наукахъ, Искусствахъ. Исторія сія можетъ имѣть предметомъ весь родъ человѣческій или какой либо народъ въ особенностяхи.

§ 166. Исторія какой либо *Науки* или *Художества*, *торговли*, *ремесла* въ особенностяхи.

изображаетъ начало, успѣхи, усовершеніе и упадокъ какой либо отрасли познаній или Искусствъ человѣческихъ.

§ 167. Слогъ сего рода Исторіи вообще сходенъ съ слогомъ Исторіи Гражданской, но бываетъ иногда и простѣе, смотря по предмету оной.

§ 168. На Русскомъ языкѣ есть хорошее произведеніе въ семь родъ: *Исторія Медицины въ Россіи, Г. Рихтера.*

5. Всемірная Исторія.

§ 169. *Всемірная Исторія* заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о началѣ и происшествіяхъ всѣхъ народовъ, Государствъ и гражданскихъ обществъ или о дѣліяхъ всего рода человѣческаго и во всѣхъ отношеніяхъ — къ политическому состоянію, просвѣщенію, Религій и пр. Въ ней соединяются всѣ отдѣльныя отрасли Исторіи.

§ 170. Главнѣйшее затрудненіе при сочиненіи оной состоитъ въ многочисленности и разнообразіи ея предметовъ. Въ ней нельзя упомянуть обо всѣхъ событіяхъ въ свѣтѣ: должно спрожайшимъ образомъ выбирать изъ оныхъ только тѣ, которыя важнѣе, достопамятнѣе прочихъ, и имѣли большее вліяніе на послѣдующія времена; изъ сихъ же происшествій не должно ни одного оставлять безъ вниманія.

§ 171. Всемірная Исторія должна сообщить читателю полное понятіе о дѣлахъ и событіяхъ рода человѣческаго, съ показаніемъ ихъ причинъ,

основаній и слѣдствій, и съ наблюденіемъ надлежащей связи и правильнаго послѣдованія. Благоразумное, ясное распредѣленіе по общему плану при томъ необходимо нужно.

§ 172. Всемирная Исторія можетъ быть расположена двоякимъ образомъ: *по временамъ* (синхронистически) и *по народамъ* (этнографически.)

§ 173. *Синхронистическое* раздѣленіе Всемирной Исторіи приличнѣе и труднѣе этнографическаго. Оно состоитъ въ изображеніи происшествій всѣхъ народовъ и Государствъ вдругъ. Для лучшаго оныхъ обозрѣнія и удержанія въ памяти, надлежитъ раздѣлять сіи происшествия на *періоды*, или отдѣленія времени, по важнѣйшимъ въ міръ событіямъ.

§ 174. Каждый изъ сихъ періодовъ долженъ составлять небольшую отдѣльную часть Всемирной Исторіи, и потому надлежитъ заключать оныя такими событіями, кои имѣли важное вліяніе на весь родъ человѣческій или на большую часть онаго, чѣмобъ Исторія при каждой изъ сихъ межей получала новый, отличный отъ прежняго характеръ.

§ 175. Въ *этнографическомъ* раздѣленіи Всемирной Исторіи изображаются происшествія и дѣянія каждаго народа или Государства въ особености, съ начала до конца онаго.

§ 176. *Слогъ* Всемирной Исторіи долженъ быть кратокъ, точенъ, простъ, благороденъ, и при томъ сообразенъ съ характеромъ описываемаго времени или народа.

§ 177. На Русскомъ языкѣ есть хорошіе переводы *учебныхъ книгъ* Всемирной Исторіи и нѣкоторые другіе удачные опыты (напр.: Всеобщая Исторія Г. *Кайданова*); но полного, удовлетворительнаго творенія въ семъ родѣ мы еще не имѣемъ.

III. *Философическая Исторія.*

§ 178. Въ Философической Исторіи разсматриваются отдѣльные событія или цѣлые періоды въ жизни Государствъ, народовъ и даже всего рода человѣческаго, для извлеченія изъ того наблюденій и правилъ о свойствахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, успѣхахъ и упадкѣ рода и общества человѣческаго. Сія Исторія основывается на событіяхъ; но предполагаетъ уже въ читателѣ познаніе оныхъ; она не столько повѣствуетъ, сколько разсуждаетъ о дѣлахъ людей, разсматривая народы, общества гражданъ и все человѣчество, какъ одного отдѣльнаго человѣка въ его рожденіи, воспитаніи, дѣятельности, старости и смерти.

§ 179. Философическая Исторія пишется слогомъ среднимъ, который можетъ подняться и до высокаго, но вообще долженъ быть сообразенъ съ языкомъ, назначеннымъ для всякой Исторіи.

§ 180. Къ слогу историческому принадлежатъ *надписи* на историческихъ монументахъ. Сила, краткость и благородство съ величайшею

простотою суть отличительныя ихъ свойства
 Расположеніе словъ и даже строкъ требуетъ
 особеннаго раченія. Въ примѣръ отличнаго въ
 семь родъ произведенія приведемъ надпись на
 монументѣ Петра Великаго въ Санктпетер-
 бургѣ: *Петру Персому Екатерина Вторая.*
 Изъ надписей *надгробныхъ* въ Прозѣ (писанныя
 стихами принадлежатъ къ Поэзіи) спишемъ слѣ-
 дующую:

На семь мѣстѣ
 палъ, увѣчанъ побѣдою,
 храбрый *Кульневъ*,
 какъ вѣрный сынъ
 за любезное отечество
 сражаясь.
 Славный конецъ его
 былъ подобенъ
 славной жизни!
 Отшоманъ, Сарматъ,
 Галлъ, Германецъ и Шведъ
 зрѣли его мужество
 и неустрашимость
 на полѣ чести.
 Стой прохожій,
 кто бы ты ни былъ,
 гражданинъ или воинъ,
 и почти память его
 слезою!

§ 181. Къ сочиненіямъ историческимъ при-
 ннадлежатъ: *Политическія вѣдомости, извѣстія,*
ежедневныя записки или журналы, Историче-
скія таблицы и пр. Отличительныя свойства
 слога ихъ суть простота и ясность.

ПОВѢСТВОВАНІЯ ВЫМЫШЛЕННЫЯ.

§ 182. Изъ произведеній Поэзіи, пишутся въ прозѣ *Романы*, *прозаическія Повѣсти* и *Сказки* (о Разговорахъ сказано выше). Они составляютъ разрядъ *повѣствованій вымышленныхъ*, коихъ собственныя правила помѣщены въ Пѣиикъ: здѣсь же упоминается только о слогѣ, коимъ они пишутся.

§ 183. *Романы*, или большія вымышленныя повѣствованія, принадлежа къ разряду Поэзіи *повѣствовательной*, вообще пишутся слогомъ, подходящимъ къ историческому; составленные же изъ писемъ или *разговоровъ* должны въ слогѣ подчиняться правиламъ сочиненій сего рода. Слогъ Романа вообще долженъ быть цвѣтущій, выразительный, благородный; иногда поднимается онъ до высокаго и пѣиическаго. Романы комическіе пишутся слогомъ простымъ, замысловатымъ, шутивнымъ, который однако отвергаетъ все низкое и подлое. *Повѣсть прозаическая* есть не иное что, какъ небольшой Романъ, и пишется почти такимъ же слогомъ. — *Сказка*, или краткій Романъ, смѣшанный съ происшествіями чудесными, пишется слогомъ простымъ, шутивнымъ, который отличается особеннымъ простодушіемъ и оборотами національными.

Примѣчаніе. Ошдѣльныя повѣствованія, не вымышленныя, но и не принадлежащія къ собственной Истории (какъ-то: рассказы о необыкновенныхъ случаяхъ, анекдоты, отрывки изъ большихъ повѣствованій и т. п.) составляютъ переходъ отъ Исто-

ріи къ повѣствованіямъ вымышленнымъ. Оныя пишущіея слогомъ простымъ, цвѣшущимъ, не строго историческимъ и не столь ягрымъ, какъ въ повѣствованіяхъ вымышленныхъ.

§ 184. Русская Литература не имѣетъ еще ни одного хорошаго оригинальнаго Романа. Лучшія прозаическія Повѣсти писаны Карамзинымъ, Жуковскимъ, Бенцтцкимъ. Въ Сказкахъ у насъ также нѣтъ образцовыхъ произведеній.

П Р И М Ѣ Р Ы.

О Т Д Ѣ Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

С О Б С Т В Е Н Н А Я И С Т О Р І Я.

I. *Рождѣство и первые годы земной жизни Господа Иисуса Христа.*

Иисусъ Христосъ, мнимый сынъ Іекнона земнаго, истинный сынъ Архитекнона небеснаго, для созданія Церкви Новозавѣтной явился тогда, какъ скинія Церкви Вѣхозавѣтной и народа Іудейскаго была готова превратиться въ развалины.

Иродъ, великій только по злодѣяніямъ, ино-племенникъ воцаренный Римлянами, истребилъ владѣтельное племя Маккавеевъ; раздражилъ Іудеевъ войнами, жестокостію и недовѣрчивостію; изнурилъ своею пышностію и чрезмѣрными Римлянамъ подарками, и довершилъ ихъ развращеніе обычаями языческими.

Послѣ него правленіе Іудей съ Идумеею и Самаріею наследовалъ сынъ его Архелай, копо-

раго впрочемъ Кесарь не удостоилъ имени Царя, но токмо Энарха или Народоначальника. Правивъ около десяти лѣтъ, въ слѣдствіе жалобы, принесенной Августу на его жестокость, онъ зашоченъ въ Галлію. Его владѣнія, по желанію народа, присоединены къ Сиріи, подъ начальствомъ особыхъ Прокураторовъ, или Блюстителей, уполномоченныхъ правомъ жизни и смерти, каковыми, въ продолженіе земной жизни Иисусъ - Христовой, были: Копоній, Маркъ Амбивій, Анній Руфъ, Валерій Гратъ и Понцій Пилатъ. Послѣдній неоднократно былъ виною мятежей, по внесеніемъ въ Іерусалимъ Кесаревыхъ изображеній, составлявшихъ знамена Римскаго войска; по посвященіемъ Тиверію золотыхъ щитовъ во дворецъ Ирода; по похищеніемъ изъ храма сокровищъ подъ видомъ предназначаемаго строенія водовода. Наконецъ, бывъ призванъ въ Римъ къ суду, погибъ самоубійствомъ.

Другой сынъ Ирода Великаго, Иродъ Антипа, въ званіи Тетрарха, или Четверовластника, обладалъ Галилеєю и за - Іорданскою областью, доколѣ, обладаемый незаконною женою своею Иродіадою, не сталъ домогаться Царскаго достоинства. Калигула обоихъ послалъ въ заточеніе въ Ліонъ.

Филиппъ, третій сынъ Ирода Великаго, былъ Тетрархомъ Итурей, Трахонитиды, Ватаней и Панады.

Но перемѣны и замѣшательства гражданскія суть ничто въ сравненіи съ плачевнымъ послѣднимъ состояніемъ Іудейской Церкви. Духовное ученіе о Мессіи превращено въ плотское понятіе о Царѣ и завоевателѣ; обряды поставлены выше нравственности; владычество закона Божія ограничено внѣшними дѣйствіями; право на оправданіе заключено въ наследственномъ преимуществѣ чадъ Авраамовыхъ. Въ храмѣ былъ родъ торга, производившагося вещами,

принадлежащими къ священнодѣйствіямъ. Первосвященники, коихъ достоинство пріобрѣталося деньгами, а иногда и кровопролитіемъ, и весьма часто переходило отъ одного лица къ другому, не имѣя въ своей власти даже одежды, принадлежащей своему сану, которая хранилась въ крѣпости Антонія, работорговцы язычникамъ, и за сіе униженіе вознаграждали себя лихоимствомъ и пышностію. Учители были слѣпые вожди слѣпыхъ: народъ уподоблялся овцамъ разсыяннымъ. Ученіе Фарисейское обременяло его человѣческими преданіями, а Саддукейское усиливало пороки. Секта Гавланишанъ, или Галилеянъ, основанная иѣкимъ Іудою, и усилившаяся подъ именемъ Зилоповъ, или ревнителей, проповѣдуя, что народъ Божій не долженъ работать Кесарю, безразсуднымъ упорствомъ своимъ не только не могла поддержать Церкви, но ускорила совершенное паденіе народа.

Явленіе Іисуса Христа, преобразователя міра, долженствовало послѣдовать во время крайнѣйшей нужды и наибольшей готовности міра къ сему преобразованію. Таковое исполненіе предопредѣленнаго времени показываютъ:

1. Крайность заблужденія въ язычествѣ. Идолопоклонство, украшенное остроуміемъ, поддерживаемое развратомъ, сдѣлалось всеобщею Религіею, и въ себѣ осыатило всѣ пороки.

2. Напряженнѣйшее усиліе разума въ изслѣдованіи Божества и Природы. Въ Грекахъ и Римлянахъ онъ показалъ такіе опыты своей дѣятельности, послѣ которыхъ или ничего не надлежало ждать лучшаго, или ждать чрезвычайной вышней помощи.

3. Высочайшій степень человѣческаго могущества въ Римской Монархіи. Римъ представляя въ себѣ міръ съ его величіемъ, бѣдствіями, пороками, суетою, давалъ особенно чувствовать нужду въ лучшемъ, духовномъ владычествѣ, и

способствовали къ его распространенію единствомъ владычества вѣшняго.

4. Всеобщее ожиданіе. Иудеи ожидали явленія Царя Мессіи, а язычники возвращенія золотого вѣка. Славныя пророчества объ оскудѣніи Князя и Вождя оныи Иуды, о семидесяти седмицахъ обновленнаго Іерусалима, и о четвертомъ Царствѣ желѣзномъ очевидно исполнялись.

Дабы Сыну Божію содѣлаться Сыномъ человѣческимъ, предварительно избрано было извѣстное племя, коему и дано было Божественное обѣщаніе о его рожденіи. Евангелистъ Матѳей показываетъ исполненіе сего обѣщанія въ родословіи по нисходящей линіи, которую оныи Авраама, чрезъ Давида и Соломона, продолжаетъ оныи до Іосифа, удостоившагося быти хотя не родителемъ Іисуса Христа по естеству, но онымъ по закону брака и по усыновленію. Евангелистъ Лука представляетъ таковое же родословіе въ восходящей линіи оныи Іисуса до Адама и Бога, изображая въ ономъ какъ бы лѣстницу соединенія человѣчества съ Божествомъ.

Разность, примѣчаемая въ сихъ двухъ родословіяхъ, изъясняется: 1) разностию именъ, принадлежавшихъ однимъ и тѣмъ же лицамъ; 2) соединеніемъ естественнаго рожденія съ усыновленіемъ по закону уличества, которое могло дано одному лицу двойное происхожденіе; но съ наибольшею вѣроятностію 3) предположеніемъ, что Св. Лука, послѣ Іосифа, исчисляетъ предковъ Маріи Богоматери.

Плотскому рожденію Іисуса Христа предшествовало рожденіе Предтечи, которымъ заключаются пророчества Вѣтнаго Завѣта, и начинаются откровенія Новаго. Ангелъ Гавріилъ, который вразумилъ Даніила о временахъ Мессіи, во время священнослуженія предсказалъ благочестивому Священнику Захаріи рожденіе сына, не

смогря на его старость и неплодство его супруги; и, до сего событія, заключилъ сына его, въ наказаніе за недовѣріе, и, можетъ быть, въ предвѣстіе молчанія, которое имѣли наложити на весь сонмъ Левитскій глаголы воплощеннаго Слова. Рожденный, къ необыкновенному служенію своему напущенъ благодатнымъ именемъ Іоанна, пророчествомъ отца и пребываніемъ въ пустыняхъ.

Рожденіе самого Іисуса Христа ознаменовано рядомъ происшествій, въ которыхъ вмѣстѣ съ глубочайшимъ униженіемъ открывается Его Божественная слава. Они суть: Благовѣстіе о Его преесшественномъ зачатіи, принесенное Ангеломъ Дѣвѣ Маріи между временемъ ея обрученія и окончательнаго заключенія брака со Іосифомъ; Ея свиданіе съ Елисаветою, при которомъ Іоаннъ, будучи еще во чревѣ, исповѣдалъ Мессію, и объ матери о Немъ пророчествовали; открытіе тайны воплощенія Іосифу во снѣ; путешествіе обрученниковъ изъ Назарета, мѣста ихъ пребыванія, въ отечественный городъ Вифлеемъ по случаю народной переписи; положеніе рожденнаго младенца во ясляхъ; славословіе Ангеловъ; проповѣданіе пастырей; законное обрѣзаніе; чудесная звѣзда, поклоненіе и дары волхвовъ, или мудрецовъ восточныхъ, которые, вѣроятно, были осшанокъ Церкви Даніиловой, и, безъ сомнѣнія, начатокъ Церкви языческой; принесеніе Іисуса во храмъ по исполненіи времени очищенія материяго; пророчества о Немъ Симеона и Анны.

За славою, которую волхвы въ Вифлеемѣ и Симеонъ въ Іерусалимѣ воздали младенчеству Мессіи, вскорѣ слѣдовало гоненіе Ирода, который, страшась въ Немъ своего соперника, но не зная Его лица, излилъ свою ярость на Его возрастъ и мѣсто рожденія. Отъ сей опасности, по наставленію Ангела, Онъ сохраненъ

былъ путешествіемъ въ Египетъ, гдѣ Его присутствіе ознаменовано было, по увѣренію Аѳанасія Александрійскаго, паденіемъ идоловъ. По возвращеніи ошполѣ, Онъ жилъ до тридцатилѣтняго возраста въ Назаретѣ, пребывая въ послушаніи родителей, и, вѣроятно, раздѣляя съ Іосифомъ труды древодѣланія. Между тѣмъ, безъ помощи наставленія человѣческаго, возрасъ Онъ въ премудрости такъ, что будучи дванадцати лѣтъ, въ праздникъ Пасхи состязался въ Іерусалимскомъ храмѣ съ Учищедами закона, и привелъ ихъ въ изумленіе.

Предъ вступленіемъ Іисуса въ великое служеніе роду человѣческому посланъ былъ уготовать путь Его Іоаннъ. Являсь въ пустынь Іудейской, и проходя всю страну Іорданскую, онъ проповѣдывалъ покаяніе и приближеніе Царствія небеснаго; принималъ исповѣданіе грѣховъ и крестилъ въ Іорданѣ. Онъ не дѣлалъ чудесъ; но уединенная и строгая жизнь дѣлала его самаго чудомъ. Его проповѣдь облечена была такою силою, что привлекала къ нему самихъ Фарисеевъ и Саддукеевъ. Между множествомъ народа предсталъ ему Іисусъ, и, принудивъ его крестить Себя, освятилъ Собою таинство Крещенія, и открылъ Свое служеніе Искупленія. Въ сіе время, послѣ тайнаго откровенія, торжественно, яко Сынъ Божій, указавъ Онъ Іоанну и народу свидѣтельствующимъ гласомъ Бога Отца и явленіемъ Духа Святаго въ видѣ голубиномъ. Непосредственно за симъ въ пустынь Онъ выдержалъ, яко второй Адамъ, испытательный подвигъ противу плоти и крови, которую предалъ чешыредешатидневному пощенію, и противу Діавола, съ которымъ сражался мечемъ слова Божія, а послѣ побѣды утѣшенъ и возвеличенъ явленіемъ служащихъ Ему Ангеловъ.

Продолженіе служенія Іисусъ Христовъ, пре-

дѣлами коего полагаются Крещеніе и Вознесеніе на небо, гадательно показывающіяся въ пророчествѣ Давіида, гдѣ, для утвержденія Новаго Завета, назначается седмица лѣтъ, и полъ-седмины для опъятія жертвы прообразовательной посредствомъ жертвы дѣйствительной. Гаданіе сіе объясняется и подтверждается повѣствованіемъ Евангелиста Іоанна, въ которомъ между Крещеніемъ и Вознесеніемъ Іисуса находятся четыре Пасхи: первая, въ которую Онъ очистилъ храмъ отъ торжниковъ; вторая, во время которой исцѣлилъ тридцати-осмидѣсятилетнего недужнаго; третія, предъ которою напишалъ пять тысячъ народа пятью хлѣбами; четвертая, въ которую поспрадалъ. И такъ время служенія Іисусъ Христовъ должно полагать между тридцатью и тридцатью четырьмя годами Его земной жизни.

Филаретъ.

II. *Княженіе Олега.*

Державствовалъ семнадцать лѣтъ въ Новгородѣ; Рурикъ спокойно достигъ кончины. Умирая, поручилъ сына, еще младенца, Игоря и съ нимъ княженіе сроднику своему Олегу. Сей, по смерти его, желая умножить наслѣдство Игорю, и соединить единого племени Славянскіе народы подъ едино владѣніе, собралъ войско изъ Варягъ, Славянъ и Чуди; взялъ нѣкоторыхъ Кривичей, и съ ними пришелъ къ Смоленску; городъ покорилъ себѣ съ Кривическою землею, и посадилъ своихъ Правителей. Оттуда по Дѣпру внизъ пустившись, взялъ Любечъ, и правленіе поручилъ своимъ Воеводамъ. Приблизясь къ Кіеву, гдѣ Оскольдъ и Диръ княжили, скрылъ въ судахъ часть войска, назади оставилъ другую. И какъ

подплыль подъ Угорское близъ Кіева, послаль къ Оскольду и Диру съ вѣстїю, что идутъ купцы въ Грецію отъ Олега и отъ Игоря; для того бы они повидались со своими однородцами. Оскольдъ и Диръ, не имѣя ни какого подозрѣнія, пришли къ судамъ съ малымъ числомъ людей, съ тѣмъ можетъ быть намѣреніемъ, чіобы проѣзжихъ сихъ приласкать и присоединить къ жишелямъ Кіевскимъ. Внезапно закрытые въ судахъ выскочили съ ружьемъ, и окружили Оскольда и Дира. Тогда Олегъ, показавъ Игоря, объявилъ: сей есть сынъ и наследникъ Руриковъ; вы не Княжескаго рода, и княжить вамъ не должно. И шупъ, по повелѣнію Олегову, Оскольдъ и Диръ убиты. Тѣла ихъ внесены на гору, что называется Угорское. На Оскольдовой могилѣ посшавлена потомъ церковь Святаго Николая. Дирова могила за Святою Ириною. По смерти ихъ сѣлъ Олегъ на княженіи въ Кіевѣ, и нарекъ столицею всѣхъ городовъ, обладаемыхъ Россами. И симъ именемъ прозвались Поляне и прочіе окрестные Славяне его владѣнія.

Олегъ, радъя о благосостояніи себѣ порученныхъ народовъ, началъ спрощать города, и усшановлять порядочныя данн. Во-первыхъ, Варягамъ Россамъ на содержаніе учредилъ, чіобы Новгородцы платили по триста гривенъ на годъ, что дѣйствительно производилось до смерти Великаго Князя Ярослава перваго. На Кривичахъ и на Меряхъ также дань была положена. Потомъ воевалъ Олегъ Древлянъ; и съ дикимъ симъ народомъ поступилъ жестоко. Дань положилъ на нихъ тяжкую по черной куницѣ съ дыму. Съверяне и Радимичи данники еще тогда были Козарскіе; того ради Олегъ ходилъ съ войскомъ для освобожденія Съверянъ, и положилъ на нихъ дань легкую. Радимичи чрезъ посланныхъ отъ него пришли въ подданство, и стали платить дань по шелеху; по чему прежде дава-

ли Козарамъ. Привесть подъ власть свою Кривичей, Любчанъ, Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, и Радимичей, воевалъ на Суличанъ и на Тиверцевъ.

Около сего времени шли Угры мимо Кіева чрезъ мѣсто, что нынѣ называется Угорское. При Днѣпрѣ стояли вежами. Походъ ихъ былъ подобенъ Половецкому. Между тѣмъ Игорь пришелъ въ мужество, ходилъ на войны подъ Олегомъ, и народъ началъ показывать ему послушаніе. Потомъ сочелся супружествомъ съ Ольгою, приведенною отъ Пскова.

Уже полагая на Игоря надежду въ правленіи Государства, Олегъ принялъ намѣреніе идти на Грековъ. Того ради набралъ великое войско изъ Варягъ, Славянъ Новгородскихъ, Кривичей, Древлянъ, Радимичей, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей, Хорватовъ, Дулебовъ, Тиверцевъ и Чуди. Кіевъ поручилъ Игорю; пошелъ подъ Царь-градъ по сухому пути конницею, по водѣ на двухъ тысячахъ мелкихъ судовъ. Греки, услышавъ его приближеніе, узкій проходъ изъ Чернаго моря заперли, и въ городѣ затворились. Тогда, по выходѣ съ моря на берегъ, усpreмься войско Олегово на грабленіе, по древнему военному обычаю, многіе дома и церкви расхищали, пожгли; людей иныхъ порубили, иныхъ вѣшали, иныхъ въ водѣ топили, и мучили разными мученіями. Потомъ повелѣлъ Олегъ воинамъ своему сдѣлать колеса, и суда на нихъ поспавить. Вспрь возспалъ способный, и надувъ на русы, понесъ ихъ къ стѣнамъ Цареградскимъ. Греки пришли въ великій ужасъ, сіе увидѣвъ, и съ моленіемъ къ нему послали, дабы не разорялъ города, но взялъ дань по своему желанію. Олегъ велѣлъ войску остановиться. Изъ города вынесли на вспрѣчу разныя пищи и вина, но не принявши для опасности отъ яду. Греки въ страхъ и удивленіи говорили: де Олегъ на

насъ воюешъ, но Святый Димитрій посланъ отъ Бога, для нашего наказанія. Дани по потребованію отъ нихъ по двѣнадцати гривенъ на человека. Всѣхъ было восемьдесятъ тысячъ, по сороку на суднѣ. На требованіе согласились, просили мира и прекращенія разорительныхъ военныхъ дѣйствій.

Олегъ, отошедъ мало отъ города, началъ вступать въ мирный договоръ со Львомъ и Александромъ, Греческими Царями. Для сего послалъ къ нимъ вельможей, которые съ Греками согласились, дабы, сверхъ положенныхъ двѣнадцати гривенъ на каждого человека, платили дань въ каждые полгода на Россійскіе города: во-первыхъ на Кіевъ, потомъ на Черниговъ, на Переяславль, на Полоцкъ, на Ростовъ, на Любечъ, и на иные, въ которыхъ Великіе Князи подъ Олегомъ владѣли. Приходящихъ Россіянъ за данью довольствоваться по желанію ихъ пищею и напитки. Для возвратнаго пути давать достаточное пропитаніе, и потребныя якоря, верви и паруса. За шестимѣсячною данью не приходишь Россіянамъ безъ торгу и товаровъ. Дабы Князь запрещалъ имъ словомъ своимъ въ селахъ наносить обиды и съ прѣзду стоять у Святаго Маманта, пока по Царскому повелѣнію всѣхъ помяну не перепишутъ. Въ городъ входили по пятидесяти человекъ въ одни ворота безоружнымъ. За продажу и покупку товаровъ не платили пошлины.

Сей договоръ Цари крестнымъ цѣлованіемъ утвердили. Олегъ клялся по Россійскому тогдашнему закону своимъ оружіемъ и богами, Перуномъ и Волосомъ, скопымъ богомъ. И такъ съ обѣихъ сторонъ миръ утвердили. Олегъ, повѣсивъ свой щитъ на воротахъ Цареградскихъ въ знакъ побѣды, съ великою корыстію въ Россію обратно моремъ пустился. Россамъ велѣлъ поднять паруса паволочные, Славянамъ кропи-

ные. Съ такимъ великолѣпемъ, со множествомъ богатства и узорочныхъ вещей достигъ Кіева. Опъ простаго и суешнаго народа прозванъ чародемъ, что дѣла его почитались невозможными человеку.

О смерти его дивное осталось повѣствованіе, вѣроятность по мѣрѣ древности имѣющее. Прежде войны на Грековъ, спросилъ Олегъ волхвовъ, опъ чего ему конецъ жизни приключится. Опвѣтъ дали, что опъ любимаго своего коня умретъ. Для того положилъ онъ, никогда на него не садиться, ниже къ себѣ приводить, но поставитъ и кормитъ на особливомъ мѣстѣ. Возвратясь изъ Греціи, по чепырехъ лѣтахъ, во время осени, объ ономъ вспомнилъ. Призвалъ старѣйшину конюховъ, и живъ ли оный конь, спросилъ. Услышавъ, что умеръ, волхвамъ посмѣлся: „живы, сказалъ, всѣ ваши гаданія; конь мѣртва, а я живъ; хочу видѣть кости его, и вамъ показатъ въ обличеніе.“ И такъ поѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости, и голый лобъ увидѣвъ, сошелъ съ коня, наступилъ на него, и молвилъ: опъ того ли мнѣ смерть бытъ можетъ? Внезапно змѣя, изъ лба выникнувъ, въ ногу ужалила, опъ чего разболѣлся и умеръ, княживъ тридцать три года. Весь народъ много объ немъ плакалъ. Погребень на горѣ Щековицѣ, и могила его видна была во время Лѣтописателя Нестора.

Ломоносовъ.

III. Отрывки изъ Исторіи Россійскаго Государства.

1. Призваніе Князей Варяжскихъ въ Россію, и основаніе Монархіи.

Начало Россійской Исторіи представляеть намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: Славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе, и пребываютъ Государей отъ Варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ ввели самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ: такъ повѣствуетъ нашъ Лѣтописецъ — и разсѣяныя племена Славянскія основали Государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакією и съ землями Сѣверной Америки, съ Швецією и съ Кипчакомъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра. Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество, и не должны его стыдиться: опеченство наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года, по лѣтоисчисленію Нестора, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію Монархической власти.

Желая нѣкоторымъ образомъ изъяснить сіе важное происшествіе, мы думаемъ, что Варяги, овладѣвшіе странами Чуди и Славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, правили ими безъ угнетенія и насилія, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы, — гдѣ на развалинахъ колосса Римскаго основались новыя Государства, и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго чело-вѣколюбивымъ духомъ Христіанства, уже оп-

части изгладились счастливыми трудами жизни гражданской — Варяги, или Норманы, должны были быть образованнее Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера; могли сообщивъ имъ нѣкоторыя выгоды новой промышленности и торговли, благотворительныя для народа. Бояре Славянскіе, недовольные властію завоевателей, которая уничтожала ихъ собственную, возмутили, можетъ быть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ Нормановъ и выгнали ихъ; но распрями личными обратили свободу въ несчастіе, не умѣли возстановить древнихъ законовъ, и ввергнули общество въ бездну золь междоусобія. Тогда граждане вспомнили, можетъ быть, о выгодномъ и спокойномъ правленіи Норманскомъ: нужда въ благоустройствѣ и тишинѣ вельѣла забыть народную гордость, и Славяне, *убѣжденные* — такъ говоритъ преданіе — *совѣтомъ Новгородскаго Старѣйшины Гостомысла*, пошребовали Властителей опъ Варяговъ. Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ *совѣтѣ* *никѣ*; но ежели преданіе истинно, то Гостомысль достоинъ безсмертія и славы въ нашей Исторіи.

Новгородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ ними платившихъ дань Варягамъ: имѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю, и повинувъ законамъ одного народа, они тѣмъ скорѣе могли утвердить дружественную связь между собою. Несторъ пишетъ, что Славяне Новгородскіе, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили посольство за море, къ Варягамъ - Руси, сказать имъ: *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами*. Слова простые, крашкія и сильныя! Братья, именемъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, знаменитые или

родомъ или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми, которые, умѣвъ сражаться за вольность, не умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ Государей, сіи честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, въ область Финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей. Смоленскъ, населенный также Кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи Варяговъ. Слѣдственно Держава трехъ Владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлоозера простиралась только до Эстоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ остатки древняго Изборска. Сія часть нынѣшней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской губерній была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русскихъ. — Больше не знаемъ никакихъ достоверныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ, наслаждался ли счастливою тишиною, рѣдко извѣстною въ обществахъ народныхъ, или пожалѣлъ о древней вольности. Хотя новѣйшіе Лѣтописцы говорятъ, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый *Храбрымъ*, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ, въ Новгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать Власишителей, но могли и раскаяться, ежели Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ — однако жъ сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, старшій братъ, присоединивъ области

ихъ къ своему Княжеству, основалъ Монархію Россійскую. Уже предѣлы ея достигали на Востокъ до нынѣшней Ярославской и Нижегородской губерній, а на югъ до Западной Двины; уже Меря, Муромъ и Полочане зависѣли отъ Рюрика: ибо онъ, принявъ Единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоплеменникамъ своимъ, кромѣ Бѣлаозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думать. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною Княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и система *Феодальная, Помѣстная* или *Удѣльная*, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы Германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали какъ Государи въ своихъ удѣлахъ: система сообразная съ обсерваторствами и духомъ времени, когда еще не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной Державы, ни уставовъ общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно того, кто держалъ мечъ надъ ихъ головою. Признательность Государей къ вѣрности вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ товарищами храбрыми, которые помогали ему пріобрѣтать оныя.

2. Слово о полку Игоревѣ.

Слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія мірянномъ: ибо монахъ не дозволялъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно, въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ

Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ Сочинитель хвалишь *соловья* снараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали*, или гласили *славу* нашихъ вишазей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечъ испреблялъ людей, огонь зданія и харпін. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и поэтическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину идти на Половцевъ и говоритъ: „Хочу преломить коніе свое на „ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ „свою голову или шлемомъ испить *Дону!*“ Многочисленная рать собирается: „Кони ржутъ „за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы „трубятъ въ Новгородѣ, знамена развѣваются „въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата Все- „волода.“ Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ вишазей: „Они подъ звукомъ трубъ „повишы, концемъ копья вскормлены; пути имъ „свѣдомы, овраги знаемы; луки у нихъ напѣ- „нушы, колчаны опворены, сабли напечены; „носящія въ полѣ какъ волки сѣрые, ищутъ „чести самимъ себѣ, а Князю славы.“ Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри режутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисичы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и тка-

ни въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежашъ на болохахъ, вмѣсто мосновъ для Россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ серебрянымъ. Но идутъ съ юга черныя тучи, или новые полки варваровъ: „Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ оу моря спрѣлами на воиновъ Игоревыхъ. Всеволодъ впереди съ своею дружиною: „сыплешъ на враговъ стрѣлы, гремнишъ о шлемы ихъ мечами булашными. Гдѣ сверкнешъ златой шишакъ его, тамъ лежашъ головы Половецкія.“ Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, спранныя: „земля облила кровію, усѣяна костями. Въ прешій день пали наши знамена: „*красаго вина* не достало; кончили пиръ свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли за ошечесиво.“ Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ, „поютъ веселыя пѣсни на берегу синяго моря, звени Русскимъ золотомъ.“ Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: „ты можешъ Волгу *раскропитъ* веслами, а Донъ вычерпашъ шлемами.“ — Рюрику и Давиду: „ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные вишазы ярятся какъ дикіе воны, уязвленные саблями калеными.“ — Роману и Мстиславу Волынскимъ: „Литва, Яшвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булашныя.“ — Сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и прешьему ихъ брату: „о вы, славнаго гнѣзда *шестокрыльцы!* заградише поле врагу стрѣлами острыми.“ Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*, прибавляя: „сидя высоко на престоу златокованномъ, ты *подтираешъ* горы Карпатскія жельзными своими полками, затворяешъ врата

„Дунай, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь
 „стрѣлы въ земли опдаленныя.“ Въ то жъ вре-
 мя Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Крив-
 скаго Князя, убишаго Липовцами: „дружину
 „швою, Князь, пищцы хищныя пріодѣли крылья-
 „ми, а звѣри кровь ея полизали. Ты самъ вы-
 „ронилъ жемчужную душу свою изъ мощнаго
 „тѣла чрезъ злѣное ожерелье.“ Въ описаніи
 несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ
 и бывши Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ ска-
 зано: „на берегахъ Нѣмена стелюшъ они снопы
 „головами, молошашъ цѣпами булатными, вѣютъ
 „душу ошъ тѣла . . . О времена бѣдственныя!
 „Для чего нельзя было *пригвоздить* спараго
 „Владимира къ горамъ Кіевскимъ (или сдѣлать
 „безсмертнымъ)!“ . . . Между тѣмъ супруга
 плачущаго Игоря льетъ слезы въ Пупинѣ, съ
 городской стѣны смотря въ чистое поле: „Для
 „чего, о вѣшеръ сильный! легкими крылами сво-
 „ими навѣялъ ты стрѣлы Ханскія на воиновъ
 „моего друга? Развѣ мало тебѣ волновать си-
 „нее море и *лелѣять* корабли на зыбяхъ его? . . .
 „О Дѣпръ славный! ты пробилъ горы камен-
 „ныя, спремая въ землю Половецкую; ты несъ
 „на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобя-
 „кова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, да
 „не шлю къ нему упренныхъ слезъ моихъ въ си-
 „нее море! . . . О солнце свѣтлое! ты для всѣхъ
 „тепло и красно: почпо же знойными лучами
 „своими изнурило ты воиновъ моего друга въ
 „пустынь безводной? . . .“ Но Игорь уже сво-
 боденъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на бор-
 зомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя
 гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня,
 сядишъ на ладію и плыветъ Донцемъ въ Рос-
 сію. Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку,
 заставляетъ оную привѣтствовать Князя: „Не
 „мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кончаку до-
 „сады, а Русской землѣ веселія.“ Князь отвѣш-

сшвуетъ: „ Не мало тебѣ, Донецъ, величія, ко-
 „гда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ,
 „стелешь мнѣ праву мягкую на берегахъ сре-
 „бряныхъ, одѣваешь меня теплыми мглами подъ
 „свѣію древа зеленаго, охраняешь гоголями на
 „водѣ, чайками на спруяхъ, чернѣыми на вѣ-
 „прахъ.“ Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ бла-
 годаришь Всевышняго въ храмъ Пирогощей Бо-
 гоматери, и Сочинитель, повѣривъ слова Боя-
 новы: „худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ
 „безъ головы,“ восклицаетъ: „счастлива земля
 „и веселье народъ, торжествуя спасеніе Игореву!
 „Слава Князьямъ и дружинѣ!“ Чинпатель ви-
 дитъ, что сіе произведеніе древности ознамено-
 вано силою выраженія, красотою языка живо-
 писнаго и смѣлыми уподобленіями, свойствен-
 ными Стихотворству юныхъ народовъ.

3. Увѣненіе Великаго Князя Михаила Ярославича въ Ордѣ.

Между тѣмъ, какъ врагъ его (*) ревностно
 дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ вельможъ Мо-
 гольскихъ, Великій Князь, имѣя чистую совѣсть,
 и готовый всѣмъ жерпвовать благу Россіи, спо-
 койно занимался въ Твери дѣлами правленія; на-
 конецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ.
 Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ
 Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и
 вѣруя Духовнику свою тайную мысль, сказалъ:
 „Можешь быть, въ послѣдній разъ открываю
 „тебѣ внутренность души моей. Я всегда лю-
 „билъ отечество, но не могъ прекратить на-

(*) Великій Князь Михаилъ Ярославичъ былъ въ ссорѣ
 съ Княземъ Московскимъ Георгіемъ Даниловичемъ,
 который, для прекращенія всѣхъ раздоровъ, согла-
 сился поѣхать съ нимъ въ Орду, и представитъ
 дѣло на судъ Хана. Князь Георгій первый шуда
 отправился.

„шихъ злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ
 „буду доволенъ, если хотя смерть моя успо-
 „коитъ его.“ Михаилъ, скрывая сіе горестное
 предчувствіе оиъ нѣжной супруги, велѣлъ ей
 возвратиться. Посолъ Ханскій, именемъ Ах-
 мыль, объявилъ ему въ Владиміръ гнѣвъ Узбековъ,
 „Сиди къ Царю,“ говорилъ онъ: „или полки
 „его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ твою область.
 „Кавгадый (*) увѣряетъ, что ты не будешь
 „повиноваться.“ Устрашенные симъ извѣстіемъ,
 Бояре совѣтовали Великому Князю основаться
 ся. Добрые сыновья Михайловы, Димитрій и
 Александръ, также заклинали оица не ѣздить
 въ Орду, и посласть туда кого нибудь изъ нихъ,
 чипобы умилостивить Хана. „Нѣтъ,“ отвѣ-
 чалъ Михаилъ: „Царь пребудетъ меня, а не васъ:
 „подвергну ли оиечество новому несчастію?
 „Можемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ?
 „За мое послушаніе падетъ множество головъ
 „Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ толпами по-
 „ведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ умереть
 „и тогда: не лучше ли же нынѣ, когда могу еще
 „своею гибелью спасти другихъ?“ Оиъ напи-
 салъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы,
 далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить до-
 бродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря Су-
 рожскаго, или Азовскаго, при устьѣ Дона; вру-
 чилъ дары Хану, Царицѣ, вельможамъ, и шестъ
 недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни
 угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы
 вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ
 сказалъ вельможамъ своимъ, чтобы они рассу-
 дили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія
 рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни. Начался
 судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ,

(*) Вельможа Ханскій, разбитый Михаиломъ, и бывший
 у него въ плѣну.

подлѣ Царскаго; призывали Михаила и велѣли ему оповѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не плащилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго, и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечъ на Посла Царева, и ядомъ оправилъ жену Георгіеву. Великій Князь оповѣчалъ: „Въ битвѣ не узнаюшъ „Пословъ; но я спасъ Кавгадыя, и съ честью „опустилъ его. Второе обвиненіе есть гнус- „ная клевета; какъ Христіанинъ свидѣтель- „ствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли не „было такого злодѣянія.“ Судьи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не опходили отъ своего злосчастнаго Государя: приспавы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всю драгоценную одежду Княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяць или два, и разительнѣе представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ верблюдахъ везли товары Индійскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда пронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ униженіе и муку съ великодушною твер-

достію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ, и готовый умереть какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ веселымъ лицомъ говорилъ: „Друзья! вы долго видѣли меня въ „чесни и славѣ: будемъ ли неблагодарны? Воз„негодуюемъ ли на Бога за уничтоженіе крапко„временное! Выя моя скоро освободится отъ „сего древа, гнетущаго оную.“ Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ нѣннѣ утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; Острокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо сиражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; пославилъ на колѣна, ругался надъ нимъ, и вдругъ, какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: „не уны„вай! Царь поступаетъ такъ и съ родными „въ случаѣ гнѣва; но завтра, или скоро, объ„являть тебѣ милость, и снова будешь въ че„снѣ.“ Торжествующій злодѣй удался. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, рассказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михайловы наполнились слезами: онъ вспалъ и пошелъ въ вежу, или шатеръ, чинная тихимъ голосомъ изъ Псалма: *Вси видяще мя покиваху главами своими . . . Уповаю на Господа!* — Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. „Я никогда не зналъ по„спыднаго бѣгства,“ отвѣчалъ Михаилъ: „оно „можетъ только спасти меня, а не ошечество. „Воля Господня да будетъ!“

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ,

или Дербента, подлѣ Яскаго города Тешякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствомъ, что Великій Князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заупрецію (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Конспаниина; поручилъ ему сказать мащери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъясняли Государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ. Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятется во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: „Государь! въ семь же Псалмѣ, споль тебѣ извѣстномъ, написано: *возверзи на Господа пегаль твою.*“ Великій Князь продолжалъ: *кто дастъ ми крыль яко голубинь? и полещу, и погю....* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ спавку одинъ изъ его Опроковъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даниловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. „Вѣдаю, для чего,“ отвѣтствовалъ Михаилъ, и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, опрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей

Княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Романецъ* (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо таковымъ признаемъ его наша Церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шанру. Тѣло Михайлово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: „онъ швой дядя: оставишь ли трунъ его на поруганіе?“ Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и спаралась утѣшить юнаго Константина; защитила и Бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство: другіе же, схваченные злобными врагами ихъ Государя, были истерзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ шѣло Великаго Князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской губерніи), гдѣ, какъ вѣроянно, обитали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедін. Тамъ многіе купцы, зная лично Михаила, желали прикрытъ оное драгоценными плащеницами и внести въ церковь; но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному труну, и пославили его въ хлѣвъ. Въ Яскомъ городѣ *Бездежъ* они также не хотѣли основанъ у церкви Христіанской; днемъ и ночью стерегли шѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ Монастырѣ Спасскомъ, въ Кремлѣ, гдѣ стоишь еще древняя церковь Пресображенія.

4. ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Аспрахани и въ Саравѣ. Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около шринадцати милліоновъ людей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человекъ. Въ Парижѣ опечаленный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; отсюда, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ шѣла; человекъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Нельзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подле друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей поутру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; оспѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрас-

но искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напронивъ того нѣкоторые изъясняли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мершвецовъ носили въ церковь; служили паннихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили осшавишь міръ и заключались въ монастыряхъ, или онказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями гошовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всемъ умереть должно. — Въ сѣхъ обшюпшельствахъ несчастныя Псковщяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословишь ихъ и вмѣстѣ съ ними принесли жершву моленія Всевышнему: какъ досшойный Пастырь Церкви, онъ спѣвиль ихъ ушѣвшишь, презирая опасносшь. Вспрѣченый народомъ со изъясненіями живѣйшей благодарносши, Василій облачился въ ризы Святиншельскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всеми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Терен иѣли Божеспивенныя пѣснн; Пюки несли моцн; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ льтописи, которое не изливалося бы въ слезахъ предъ Всевидающимъ Окомъ. Еще смернь не насытилась жершвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковщяне, вкусивъ сладосшь Христіанскаго умиленія, шерпѣливѣ ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи, умерло множесшво людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздаль. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не ошалося ни одного жителя. Такимъ образомъ онъ Пекина до береговъ Евфраша и Ладоги нѣдра земныя наполнились мильіонами труповъ, и Государства опушѣли. Иностранныя Историки сего бѣдствія

сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножился: столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *всѣ Россія* испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности.

5. Битва на Куликовомъ полѣ.

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удерживать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка, и Александръ Невскій Шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамасмъ. Великій Князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!“ 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и спало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ

битвѣ. Стоя на высокомъ холмѣ и видя стройныя, необозримыя ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемые легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду Государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ выпазей надупшъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на гербомъ знамени Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ, и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско пронудось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хопѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ Князя“ — говорили они — „смотришь на битву, видишь подвиги воеводъ, и награждаешь достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.“ Но Димитрій отвѣщивалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: „братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: спану

„впередѣ и хочу положить свою голову въ при-
 „мѣръ другимъ.“ Онъ не измѣнилъ себѣ и ве-
 ликодушію; громогласно читая Псаломъ: *Богъ*
намъ приближище и сила, первый ударилъ на
 враговъ, и бился мужественно какъ рядовой
 воинъ; наконецъ опѣхалъ въ средину полковъ,
 когда битва сдѣлалась общемою.

На пространствѣ десяти верстъ лилася
 иривъ Христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались:
 иждь Россіяне пѣснми Моголовъ, иждь Моголы
 Россіанъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали
 на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоото-
 рые Московскіе неопытные юноши — думая,
 что все погибло — обратили пылъ. Непрія-
 тель открылъ себѣ путь къ большимъ, или
 Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими:
 вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ
 всѣхъ силъ. Еще Князь Владиміръ Андреевичъ,
 находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ
 битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удержи-
 ваемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. На-
 спалъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ ве-
 личайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія
 обѣихъ рашей, вдругъ извлекъ мечъ, и сказалъ
 Владиміру: „теперь наше время!“ Тогда засад-
 ный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей
 его отъ глазъ непріятеля, и быстро усремился
 на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судь-
 бу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не мог-
 ли противиться новому строю войска свѣжаго,
 бодрого, и Мамай, съ высокаго кургана, смотря
 на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство сво-
 ихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ:
 „Великъ Богъ Христіанскій!“ и бѣжалъ въ сабѣ
 за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до са-
 мой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ спашъ
 непріятельскій и несмѣтную добычу, множе-
 ство телѣгъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ
 всякими драгоценностями.

Мужественный Князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, спалъ *на костяхъ*, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ прубить въ воинскія прубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?“ Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамяталъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всматривался: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгъ сердца изъясилъ благодарность. Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. — Шлемъ и лапы его были изсѣчены, но обогрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостью подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей, и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ-четверо болѣе непріятелей, такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Ди-

митрій Монастыревъ, первостепенные Болре Симеонъ Михайловичъ, сынъ Тысяческаго Николай Васильевичъ, внукъ Акинѣевъ Михаилъ, Андрей Серкизь, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за опечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ Инокъ, Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишуть, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣшивъ съ нимъ испутивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева Священническаго, Ослаби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Остановливаясь надъ трупамъ мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь плащлъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградишь каждого по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ установилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Дмитровскую, доколѣ существоуетъ Россія.

6. Обзоръ Исторіи Новагорода.

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ, основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбаковъ, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои ярежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до спененія Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, замѣстовалъ отъ нихъ духъ купечества, предприимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутренняго безпоряд-

ка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго обществія, и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ прищельцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемъ - градомъ, еще во XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири, и горстїю людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ шамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой Натуры, сообщалъ Россіи первыя плоды ремесла Европейскаго, первыя открытія Искусствъ благотѣльных; славяся хитростїю въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостїю указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альшу, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новгородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: *кто противъ Бога и Великаго Новгорода?* Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ нѣкоторые Россіяне: хотѣя и платили дань Ординскую,

по Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новгорода въ неискusstвенной простотѣ своей являютъ черты извѣстныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава І, хотѣвшаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: „ты умертвилъ нашихъ братьевъ, „но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ.“ Здѣсь Посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ воицъ ему мечъ въ сердце, и велитъ нести себя больного на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа; если виновенъ, или будетъ спасенъ его защищюю, если невиненъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни. Тутъ достойный Архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ Новгородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ; они смирятся и братски обнимаютъ другъ друга. Въ битвахъ съ врагами иноплемениными Посадники, Тысячскіе умирали впереди за Святую Софію. Священники Новгородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили сѣньи, башни, мосты,

и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался *Владычицъ*; будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно сшояли за Новгородъ, и не боялись ни гнѣва Минпрополитовъ, ни мести Государей Московскихъ. — Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часно легкомысленнаго народа: шаковымъ было не превозносивъ въ успѣхахъ, изъяслявъ умѣренность въ счастіи, нѣвердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: *Новгородская тестъ, Новгородская душа*, служило иногда вмѣсто клятвы. — Республика державшаяся добродѣтелию, и безъ нее упадеетъ.

Паденіе Новгорода ознаменовалось утраченою воинскаго мужества, которое уменьшалось въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и бѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобиныхъ и вѣшнихъ: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батые, и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со времени Іоанна Калишы. Богатые Новгородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кпо откупается, тошъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ власселнна. Ополченія Новгородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что, кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства, видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадле-

жить лъву, не агицу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Линовскаго или Московскаго: къ счастію, наследники Выповновы не наследовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самая опасность и безпокойства ея, питая великодушіе, пѣвнютъ умъ, въ особеннѣйшій юный, малоопытный; хотя Новгородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однако жъ Исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Бабыя или Выповша; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ; взявъ его владѣнія, Государь Московскій поставилъ одну грань своего Царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ а другую за Каменнымъ Поясомъ, или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во шмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. — Императоръ Гальба сказалъ: „Я былъ бы достоинъ возснано-
,,вить свободу Рима, если бы Римъ могъ поль-
,,зоваться ею“ Историкъ Русскій, любя и чело-
,,вѣческія и государственныя добродѣтели, мо-
жетъ сказать: „Іоаннъ былъ достоинъ сокру-
,,шить уплую вольность Новгородскую, ибо
,,хотѣлъ твердаго блага всей Россіи.“

Карамзинъ.

IV. О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Кровопрولیціе, мятежи и бѣдствія составляютъ главную, и, къ несчастію, любопытнѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но Исторія нашего опечеснѣва, подобно другимъ описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ властей законныхъ; что служитъ къ великой чести народа Русскаго. Онъ, кажется, всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для Государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужасы времени Царя Іоанна Васильевича, всѣ несповства его Опричныхъ, которыя, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ, какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобы, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами пропустить, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго представляетъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа. . . . Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Русскихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горесцное, оставляется для потомства благотѣтельное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянные извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался само-

державнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія Государствомъ. Къ несчастію, Борисъ Ивановичъ Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патриарха Филарета, который былъ истиннымъ геніемъ-хранителемъ и Царя и Царства во времена самая опасныя; сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистию, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Θεодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человека, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ патрионовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ онымъ, чтобы отвести отъ дѣлъ государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись прудолубія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюблясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшей сестрѣ, надѣясь тишломъ Царскаго

(*) Царь Алексѣй Михайловичъ, оплакавъ родителей, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тропъ дорого стоилъ его доброму сердцу.

свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Меншора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовью народною: ихъ судить жестоко, ибо судьбою бываешь зависть, кошо-рую прудно обезоружить и добродѣшелію. Морозова уважали, но не терпѣли, Бояре за его самовласіе, а народъ за разныя новыя подаши и ошкуны, тогда введенныя. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на соль, и ошдапъ ее на ошкупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Числову, и что первый Бояринъ выдумываетъ какія монополіи для собственной прибыли.

Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклеименыхъ аршинновъ, и наложило на казенныя высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичъ Милославскій, хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ: сдѣлавшись шестемъ Государя, осыпанный вдругъ его благодѣяніями, и возведенный на спешень Боярина, онъ спарался обратиться милоснъ Царскую и на всѣхъ ближнихъ

(*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменныхъ аршинновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзный аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣе покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ недосоленія.

и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныхъ.

Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ.

Сии люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ переменною судьбы своей не перемѣнились душою: хотѣли только наживаться, и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не зная стыда, ужаснаго только для сердець благородныхъ, не знали и страха; ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти. Окольные Леоній Плещеевъ и шуринъ его Траханіоновъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, по ссѣ уголовномъ и гражданскомъ Судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить рассказамъ о дѣлахъ сего человека (*). Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу, и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Траханіоновъ, будучи главою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы.

По уставу Царскому надлежало всякій мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали, но Траханіоновъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усиленно требовать платы и жалованья. Сими бѣдными людямъ съ ихъ семействами оспавалось умереть съ голоду. — Напрасно утѣшенныя

(*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли, или боялись обвинять виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость шѣмъ живѣе, чѣмъ благодатное царствованіе Михаила приучило ихъ къ царству милосердія и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, чѣмъ дѣлается за нею, и не слыжалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Траханиотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палапахъ своего родственника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власни. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной переменъ своего жребія.

Народъ толпился на Красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами, совѣщаясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ, и наказалъ бы неправду чиновниковъ, если бы зналъ, что терпятъ они, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли Государи хотѣть народнаго утѣшенія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собствен-

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремль; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый.

ная польза, слава и счастье. Личное благо людей, самых знатнейших въ Государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человекъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человекъ есть Монархъ самодержавный. — Народныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Русскимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ опровергнуть мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію пучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе власнищелей бываетъ всегда предтечею государственныхъ бѣдствій. Сии Бояре могли бы укротить народъ опашавкою Плещеева и Траханиотова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и своихъ родственниковъ явно признавъ недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія бываютъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага.

Объяснивъ главные обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ нельзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, приступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 года (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенскій, Царь, опешавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошади Царскую. Изумленный Монархъ остановился . . . Граждане молили его быть отцемъ своего народа; рассказали все, что

(*) То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

они терпятъ отъ судьи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чибобы Государь защитилъ ихъ, и на мѣсто сего жестокаго чловѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слушалъ съ удивленіемъ, и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быти покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарности Монарху, и восклицанія: *здравіа и многія лета нашему Царю-Государю!* провожали его до Спаскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему оицу и Монарху на судію недоснойнаго: желалъ единственно отставки Плещеева; не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людей, ему ненависныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйсва, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи? . . . Къ несчастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію — даже били ихъ, топтали лошадыми. Тутъ искры бунта восплали. Граждане забыли власны законы, и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Сирѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ пребуютъ, чибобы имъ выдали Плещеева . . . Бояринъ Морозовъ выходилъ на Красное крыльце, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь

объщала имъ правосудіе, и сдержитъ слово свое. Напрасно; мясешники кричали ему: „намъ и тебѣ надобно; мы хотимъ и твоей головы!“ . . . Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова: разбили вороша, умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ имъ проинтервироваться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина. . . Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ нечестивыхъ; но они не тронули ее, и сказали: *Благодари Бога, что Царица сестра твоя!* . . . Такимъ образомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ Царской фамиліи. . . . Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ: сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболы и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дерзнули даже прикоснуться и къ святымъ образамъ, и сняли съ нихъ богатые ризы. Извѣстно, что въ старину сіи драгоценныя оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотомъ парчею съ собольею опушкою; народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, *обратился въ колодезь*. Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Мясешники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: одни пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за соляной откупъ; другіе къ Плещееву, Траханіонову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никитѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ домахъ ихъ продолжался

во всю ночь, до самого утра. Плещеевъ и шуринь его спаслися бѣгствомъ; но Числовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался (*); невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые широкими умертвили несчастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, зная лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человекомъ суровымъ и корыслолюбивымъ: будучи при Дворѣ знаменъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудобольствія Голштинскимъ Посламъ, за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жернову, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, гордый въ счастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасости; думалъ уже не совѣщаванъ Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасаютъ ее люди недостойные власти — то есть, бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію, или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъяслялъ перъшительность. Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣлся по Китаю и Бѣлому городу.

На другой день мятежники снова явились на большей площади, и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремль войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцевъ, подъ начальствомъ офицеровъ своихъ шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ

(*) Подъ вѣшными, говоритъ Олеарій.

грубыми насмѣшками; но путь онъ свободно далъ имъ дорогу, и говорилъ ласково: *Добрые Нѣмцы, не трогайте насъ; а мы впредь будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Снаѣскія ворота; никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ идти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные размѣстили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собрались вѣрные Бояре, гошовые умеренны за Царя и отечество. Знавшійшій между ими былъ Никиша Ивановичъ Романовъ - Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человекъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, которыми Патриархъ часно укорялъ его въ беседахъ, но дружески и ласково: ибо всѣ знашые и незнашые любили сего именитаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностию лѣтъ расположенный къ средствамъ крошкѣмъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою, и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), который, окруживъ его толпами, кричалъ: *Здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъяснилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщаніемъ разсмотрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ, и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово наказанъ всѣхъ народныхъ преступителей, но

(*) Въ сей піесѣ нѣтъ ни одной черты, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ отъ слова до слова повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

желаетъ, чтобы добрые граждане усмирлись и покойно разошлись по домамъ своимъ . . . Народъ ошвъспивовалъ, что онъ чувствовалъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдемъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Траханионовъ, не будутъ ему выданы и наказаны . . . Никитинъ Ивановичъ Романовъ изъявляемъ гражданамъ благодарности за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвою, что Морозова и Траханионова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ пребываетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и идетъ назадъ въ Кремль . . . Здѣсь Русскій Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтивъ, что оно перешло за границы государственныхаго блага, которое въ такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власни, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ сѣвъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ ошъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Спрѣльцевъ и ропыщностранныхъ, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, если они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и другіе также, если они будутъ пойманы. . . Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего несчастнаго: палачъ велъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютостію расщерзали человека, нѣкогда для нихъ страшнаго. . . Въ то же время Государь ошправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Траханионовымъ; его до-

гнаши близъ монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора, и казнили на площади 25 Іюня. — Сии двѣ жертвы усмиршили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить, но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Манежники, полагая, что сего Боярина пѣши въ синолицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказати его, когда онъ будетъ сысканъ. Изъявивъ Государю благодарность за его правосудіе, они разошлись по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дня жертвою мясежа и страха. . . .

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ иного роду. Въ 10 часовъ утра возснаноилась панина въ городъ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепель всѣ дома, бывшіе за Бѣлою стѣною до самой Неглинной, перешелъ даже за сію рѣку, и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ. . . . Кипай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные погреба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . . Олеарій, описывая пожаръ, рассказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое печеніе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничѣмъ другимъ нельзя остановить*

пожара. Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, шутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть. . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю свою гвардію (*). Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патриархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи власнымъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Траханиотова заняли чиновники достойные, извѣстные сполнцѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище, великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище котораго описаніе останется на вѣки прогашельнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно Русскихъ, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣди — день былъ праздничный — Царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и спалъ на возвышенномъ мѣстѣ (**). . . Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ него стоялъ добрый и любимый Бояринъ, Никиша Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ. Государь съ ангельскою кротостію сказалъ купечеству

(*) То есть Стрѣльцевъ.

(**) Олзарій называетъ сіе мѣсто *театромъ*.

и гражданству, что „ему горестно было свидать все, прегрѣшное ими оныхъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные заслужили казнь, употребляя во зло священную власнь закона, копорая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заслужившіе мѣсто Плещеева и Траханионова, будутъ править и судить по уславу челоуѣколюбія и справедливости; что самъ онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всеми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожиться; что прежняя цѣна соли возстановляешия; что выгода и благоденствіе гражданъ составлять единственныи предметъ его попеченія, и что онъ всеми дѣлами своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя ему любезное: имя отца народнаго.“ ... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря его за милость, и желая ему здравія и долголѣтія, по обычаю Русскихъ.... Тушъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ: „что не находи его совершенно правымъ, не находишь и во всемъ виновнымъ, и не требовавъ еще въ свое царствованіе никакой жертвы оныхъ гражданъ, надѣешия, что они исполняютъ первую просьбу его и просятъ сего Боярина, который — за что онъ ручается — заслужить впредь любовь и дружбу ихъ; что если они не хотятъ видѣть Морозова въ синклитѣ, то онъ исключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы челоуѣка, который былъ ему впорымъ отцемъ и наставникомъ.“ ... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онъ сознавалъ неизъяснимо-прогнанельное заключеніе его рѣчи — и самыя тѣ, копорые недавно еще свирѣпствовали, какъ пенсовыя мятежники въ столицѣ,

были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги его, и восклицали единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и тебѣ, Государь! Мы встѣ дѣти твои!...* Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъяснилъ народу свою признательность; увѣщевалъ быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ.... Съ этими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль.

Такое дѣйствіе Монарха, внутреннее ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхищительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцатидвухлѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича, минута, въ которую онъ столь разительнѣе доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитанному, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылая юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоценное спокойствіе! Жить единственно для счастья подданныхъ, быть истиннымъ оицемъ народнымъ — сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренни и начертаны въ глубинѣ его сердца!.... Мысль нѣжная!... Но для чего великая наука управлѣнъ Государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности?... Меншикъ спрогитъ сапомъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему, какъ человѣку, любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи; ибо люди не ангелы! Оширай сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Полишка, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю

Михайловичу совсѣмъ нныя способы утѣшнть мяшежъ. Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія; она прощаетъ, но не прощаетъ. — и благодарность должна бытъ чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Государь отправился въ монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичъ Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благошворителемъ, и кнѣзю вручалъ ему свою челобитную, шотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, если дѣло его было право. Подобно Боярину Никиитъ Ивановичу Романову, Морозовъ объявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичъ началъ царствовать самъ собою, часто присутствовать въ Совѣтѣ, и входить во всѣ дѣла: ибо онъ видѣлъ, сколько опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые, для особенныхъ, личнотныхъ выгодъ своихъ, могутъ жертвовать благомъ Государства, слѣдственно славою и счастіемъ Государя.

Но ошибка Царскаго добродушна имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ твердыхъ и строгихъ.

Карамзинъ.

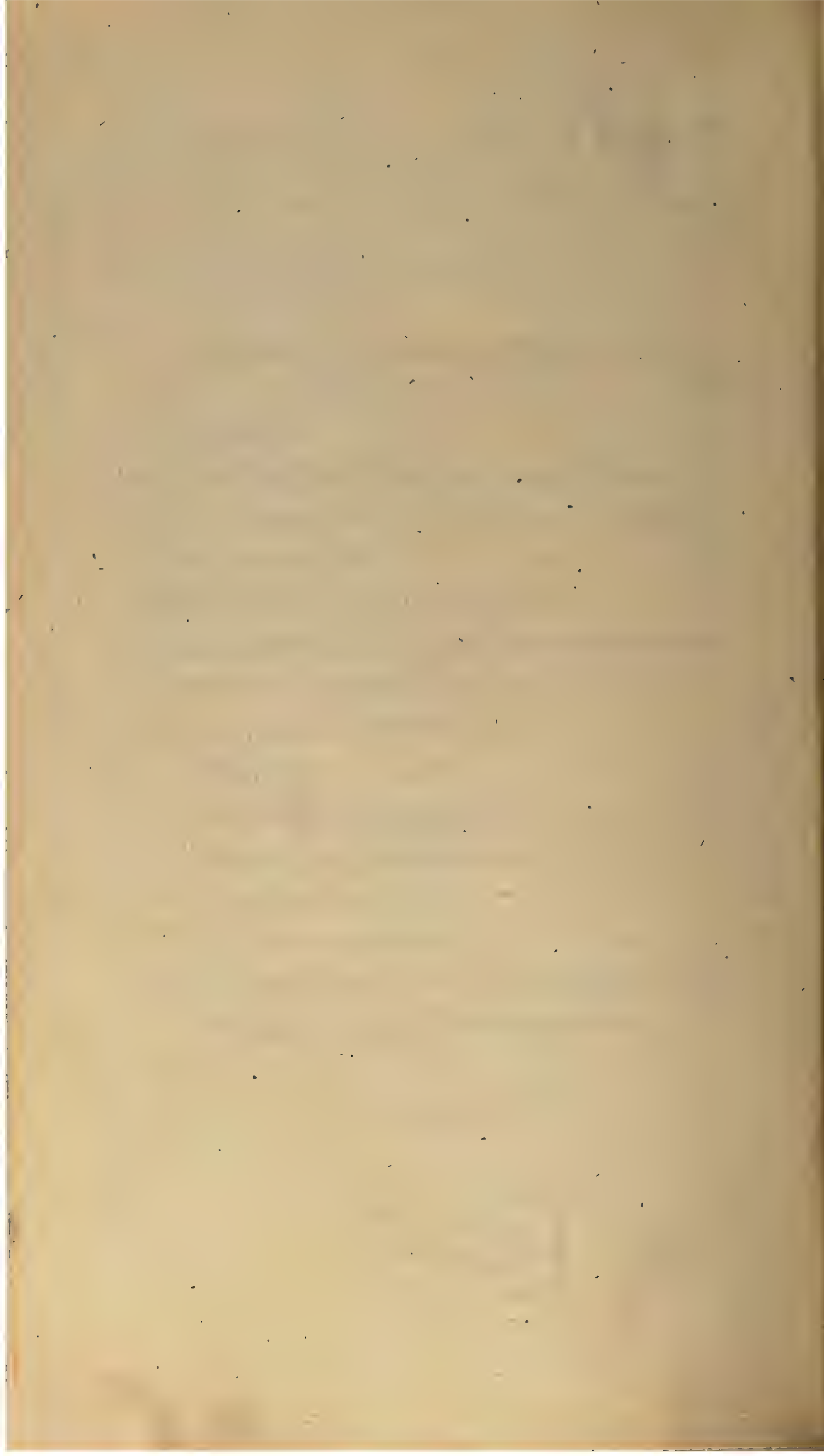
КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Краткія правила Риторики.

	Стр.
Введение	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Общія правила Риторики.	4
Глава первая. О предметѣ или содержа- ніи сочиненія	5
Глава вторая. О формѣ сочиненія	28
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О разныхъ родахъ произ- веденій прозаическихъ	52
Глава первая. Письма	54
Примѣры писемъ	62
Глава вторая. Разговоры	173
Примѣры разговоровъ	175
Глава третья. Описанія	219
Примѣры описаній	223
Глава четвертая. Историческія сочиненія .	311
Примѣры слога Историческаго.	325

Greč, Nikolaj Ivanovič, 1787-1867

Učebnaja kniga russkoj slovesnosti ili izbrannyja města iz russkich soč
inenij i perevodov v stichach i prozě s prisovokupleniem kratkich pravil
ritoriki i pitiki i istorii russkoj literatury
Bd.: 1

Sanktpeterburg 1830

P.o.russ. 64 v-1

urn:nbn:de:bsb:12-bsb10610108-1